

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2023 Том 23 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2023 Volume 23 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международно-рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 05.06.2023. Выход в свет 15.06.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,28. Тираж 500 экз. Заказ № 670. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Гориков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуумбаатар Г., доктор философских наук, профессор, академик и первый вице-президент Монгольской академии наук (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Diez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kurojatinik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluunbaatar G., D.Sc (Philosophy), Professor, Academician and First Vice-President of Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Кравченко С.А.** Суверенное будущее России: запрос на инновационное управление сложными объективными и субъективными детерминантами (на англ. яз.) 231
- Белов А.А., Данилов А.Н., Ротман Д.Г.** Ценностный фактор неравномерности странового развития..... 244
- Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.** Вовлеченность студентов в научную работу в период обучения в вузе: социологический анализ 256
- Баграмянц Н.Л., Ивлева М.Л.** Специфика российского волонтерского движения (на англ. яз.) 272
- Мосакова Е.А.** Эра covid-19: как пандемия повлияла на гендерное неравенство и рождаемость (на примере стран БРИКС) 284

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Шабага А.В.** Герцен против Маркса: поиск диагонали (на англ. яз.) 294
- Кирабаев Н.С., Беисова Ж.С.** Советский человек как умозрительная конструкция и жизненная практика (из истории межнациональных отношений в Акмолинске)..... 316
- Эбзеева Ю.Н., Смирнова Ю.Б.** Современные тенденции развития образования: дорожная карта высшего образования ЮНЕСКО 329
- Троцук И.В.** Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? 338
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я.** Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования 355

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

- Данилов А.Н.** Системообразующая миссия культуры: российская цивилизация на переломе веков 368
- Маньшин Р.В., Письменная Е.Е.** Миграционный атлас Российской Федерации 2022..... 378
- Коваленко А.Г.** «Гипотеза Геи», или «Наука о проклятии» 384
- Спиркина А.К.** Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) 389

- НАШИ АВТОРЫ** 404

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Kravchenko S.A. Sovereign future of Russia: A demand for innovative governance of complex objective and subjective determinants	231
Belov A.A., Danilov A.N., Rotman D.G. Value factor of the countries uneven development.....	244
Narbut N.P., Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Students' engagement in research at the university: A sociological analysis	256
Bagramyants N.L., Ivleva M.L. Features of the Russian volunteer movement	272
Mosakova E.A. Era of covid-19: How the pandemic affected the gender inequality and fertility (on the example of BRICS).....	284

SOCIOLOGICAL LECTURES

Shabaga A.V. Herzen contra Marx: In search for a diagonal.....	294
Kirabaev N.S., Beisova J.S. Soviet man as a construct and a practice (from the history of interethnic relations in Akmolinsk)	316
Ebzeeva Yu.N., Smirnova Yu.B. Contemporary trends in educational policy: UNESCO higher education roadmap.....	329
Trotsuk I.V. Rural human capital in the conceptual optics: Continuum and/or post-ism?	338
Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. The phenomenon of self-organization of the rural population: Principles and prospects of research	355

ESSAYS AND REVIEWS

Danilov A.N. System-forming mission of culture: Russian civilization at the turn of the era.....	368
Manshin R.V., Pismennaya E.E. Migration atlas of the Russian Federation 2022	378
Kovalenko A.G. “Gaia hypothesis”, or “Science of curse”	384
Spirkina A.K. The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana).....	389

AUTHORS	404
----------------------	-----

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-231-243

EDN: UUPIYS

Sovereign future of Russia: A demand for innovative governance of complex objective and subjective determinants*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhahanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The author critically analyzes the ‘old’ linear and contemporary theories of social-cultural dynamics focusing on the trends of complexity and non-linearity. The article presents the contours of the concept of the sovereign future of the country based on the analysis of emerging objective and subjective determinants of a complex type, which are mutually influenced. The author argues that the most significant determinants, which determine the basic trends of the movement to the future, are as follows: social dynamics of space and time — reflections of actors; hybridization of society and nature — new opportunities and limitations for action; digitalization — transformation of the dualism of man and technology into their duality; metamorphoses of labor; hybridization of education — reflections of teachers and learners; increasingly complex determinants of health and disease — therapeutic reflections; value-normative dispersion — responses to the humanitarian crisis. The author believes that the formation of the sovereign future for Russia implies the innovative governance of the duality of objective and subjective determinants. The quintessence of this type of governance is a non-linear humanistic system of a synergetic type, which is based on the historical and civilizational conditionality and the national values foundation. Such a system will facilitate the movement to the sovereign future of Russia and will contribute to the formation of a new social type — a harmoniously developed and socially responsible person — as necessary and relevant for this movement.

*© S.A. Kravchenko, 2023

The article was submitted on 16.01.2023. The article was accepted on 13.04.2023.

Key words: Russia; sovereign future; complexity; non-linearity; objective and subjective determinants; innovative governance; human capital; harmonious development; socially responsible person

Theories of the “past future” proceeded from linear, positivist ideas based on the idea of the upward development: for the formation of the desired just future, a great energy of the organized masses, who are aware of their mission, is needed; the future of mankind is unique; its type is predetermined by the historical struggle and victories of the forces of good eradicating social injustices; the paths to the just future are determined by ‘objective’ laws explained by scientific knowledge, which express the progressive transformative power; man is inherently good — his humane qualities will be revealed and realized due to the creation of a highly developed material and technical base that allows all people to access benefits and to satisfy their growing needs, which would eliminate grounds for any social conflicts. However, the models of the “past future” of a linear type did not stand the test of time, mainly due to three reasons: 1) the predominance of utopian ideas which should be approached from cultural-historical positions — a utopian future is not a fruit of ridiculous fantasies, according to Manheim, it is always connected with a certain stage in the people’s development [21]; 2) the previously unforeseen, complex, non-linearly developing realities; 3) man’s becoming a reflexive actor, predisposed to self-organization.

Today the non-classical picture of the world of a non-linear type is being accepted, which has radically changed ideas about the development of nature and society. The new picture is based on the principles of relativity: natural and social realities can fall into a curved space-time continuum while acquiring a non-rectilinear trajectory and spontaneous self-organization. From the universal complexity and non-linearity of the development as such, including of the social, follows, on the one hand, the naturalness of social and technological gaps and traumas, and, on the other hand, the normality of hybrids and metamorphoses. In addition, new complex objective and subjective determinants have emerged. Their complexity is expressed in a non-linear nature presupposing a new type of governance and ambivalent consequences: its results can be both functional and dysfunctional in relation to institutional and individual actors, displaying reflections and self-organizations, offering counter innovations with alternative images of the future.

The paths for the sovereign future of Russia are considered through the formation of complex objective and subjective determinants, which implies a critical analysis of the contemporary theories of the future, which examine the latest trends of the complexity and non-linearity in three main areas. (1) Breaks and traumas of society and nature are interpreted in the theories of Bauman’s “liquid modernity” [2], Beck’s “world at risk” [5], diverse theories of traumas [1; 17; 34]. (2) Paradoxes [35] and centaurisms [33] are considered as a result of complex syntheses and hybrids. According to Urry, the contemporary world is represented by complex hybrids, including nature predisposed to self-development, climate with its inherent specific

reflexivity and turbulence, human actors, the consequences of whose activities are ambivalent, non-human actants functioning on the basis of digital technologies and artificial intelligence [38]. (3) A new type of non-linear development is explained, for instance, by Beck's theory of "the metamorphosis of the world" focusing on metamorphization and making two fundamental conclusions for understanding the alternativeness of the future: the theory of metamorphization is "not about the negative side effects of goods but about the positive side effects of bads"; the mankind future depends on the activities of people as reflexive actors, which "points towards the significance of political decisions" [4. P. 4, 20].

There are different approaches to the 'rediscovery' of the future for mankind and Russia, and one of them focuses on the country's sovereign future based on the new interdependent objective and subjective determinants. The movement towards the sovereign future demands an innovative governance in the form of a non-linear humanistic system of a synergetic type with the following goals: sovereignization of all spheres of country's life in the realities of the complexity and non-linearity and under the transition to a multipolar world; development of the national human capital and of a new social type in the form of a harmonious, socially responsible personality. This system has the following features: both historical-civilizational roots and a new creative-moral quality in the form of social responsibility for the self-sufficiency of the country, its culture, education, science, healthcare, for the effective co-functioning with the macro- and micro-world of nature and digital technologies.

We identify seven most significant complex objective and subjective determinants of the future of Russia, the innovative governance of which would lead to a sovereign and self-sufficient society.

1. *Sociodynamics of space and time* — reflections of actors. In the theories of "past futures", space was defined statically, its problems examined in local contexts, and the features of social time were rarely considered. Now there two new challenges for the future of the country. The first is the "exclusive development": this concept was used by M. Castells to denote territories of social groups that function outside of stable communications and interactions with other places [7]. For Russia, the problem of promising and 'unpromising', developing and 'depressed' regions has always been relevant. In the late 20th century, due to the integration of the country into the world economy, the future of the regions on the "deep periphery" (with almost no mobility with the center and developed regions) was questioned. The second challenge is the task of "eliminating significant differences between the city and the village", which is now considered in a different spatial-temporal context — of complex objective and subjective determinants that create fundamentally new opportunities. "It is necessary to change the tasks of the internal development of Russia and its regions" [19. P. 13]. Today these are not so much the 'cultivation' of specific places as the dynamically stable ties, so that the regions, including the

newcomers, can optimally co-function in space and time, and residents of cities and small settlements would have a real access to the interaction with each other. The innovative governance is to ensure the multidimensional social mobility as the interconnected movements in several social dimensions — employment, education, healthcare, science, new technologies, improved living conditions, etc. [30. P. 8–12]. Thus, sociological research must be supplemented with the achievements of economics, political and social geography, geopolitics, geomarketing [9] and geodemographics [13] (studies demographic characteristics through the cultural specifics of countries and continents). Today we have to “rediscover” the ideas of geographical school (C. Montesquieu, K. Haushofer, L.I. Mechnikov and others) and to institutionalize sociological geography as studying the complex sociodynamics of Russia and its regions.

There is a qualitatively new space of virtual networks, which presupposes a special type of social reflection. According to Castells, the logic of local functioning in industrial modernity was replaced by the logic of global functioning of network information flows. This transforms the subjective determinants — people are reflexive actors predisposed to self-organization and new forms of “mass self-communication”: the Internet, avatar-interaction in the virtual space, digital content forming the “the culture of real virtuality” [8. P. XXVII, XXXI]. If the culture of “past futures” endowed the individual with prescribed and rigid statuses, the culture of real virtuality provides almost unlimited opportunities for self-reflection, self-development and changes of personality with achieved statuses. However, virtual networks produce the effects of dehumanization in human relations: the traditional face-to-face interactions in the life-worlds are increasingly substituted by virtual communications. There is a compression of worldviews — the perception of the existential social problems is limited to the close social circle. There are passive forms of existence spreading (such as the practice of writing with the help of artificial intelligence), which negatively affects the humanistic component in the human subjectivity.

The innovative governance also presupposes rethinking the openness of the country. In the late 20th century, the “open society” was considered a ‘universal’ ideal for the future. However, the neoliberal model of globalization led to the emergence of a one-sided openness that immanently reproduces new inequalities. The offshore transfers of capital and values became widespread — as the movement of resources, people and money from one national territory to another in the interests of the Western elites, which is a challenge to the sovereign future of our country.

2. *Hybridization of society and nature* — new opportunities and limitations for action. The former pictures of the future proceeded from the dualism of material and social realities as independent and polar. However, under the modernizing processes and risk-generating human activities, the nature became subject to more significant traumas resulting in the “end of nature” — the surrounding world ceases to be external for people [11. P. 57–59]. Today the dualism is being

replaced by the duality — a different idea of complex structures and their functioning, based on the unity of objective and subjective factors, limitations and opportunities. Such a “structure is not something external” for individuals: it has ‘imprints’ in their memory and manifests itself in social practice, i.e., for individuals it seems to be ‘internal’ rather than external (as Durkheim argued).

The structure cannot be identified with coercion, it always limits and creates opportunities for action [12. P. 70]. An example of this structure is a complex hybrid of artificial nature and society in the form of Disney world, which Ritzer named “non-place”, “positive nothing”. Its essential feature is the ability to quickly and effectively obtain ‘dehumanized amenities’ such as ‘non-services’ and ‘non-things’ devoid of cultural specifics. This latently contributes to the proliferation of the effects of irrational rationality, alienation and anomie [29. P. 142–143], manifested in the fact that the ‘pure’ society and ‘authentic’ nature are ‘cancelled’ from the future. Perhaps the most important challenge for the future is that hybrid structures are prone, according to Ch. Perrow, to complex vulnerabilities in the form of ‘normal accidents’ [27; 28] immanently characterized by non-linearity between the possible causes of a potential catastrophe (as ‘insignificant’, unlikely to happen) and its disastrous consequences for large communities. In recent years the number of man-made catastrophes of complex systems, based on rational, pragmatic and sometimes mercantile interests, has grown, reproducing deferred risks and vulnerabilities for the future.

Under the influence of predisposed actions and their unintended consequences, the climate is traumatized, acquires a turbulent character [37], and the effects of ‘new catastrophism’ [18] have a permanent obvious and latent negative impact on nature and society. The radical climate change, the most important environmental process, affects countries in different ways, thus, increasing alternatives for the future. The answer to these challenges is seen in innovative governance aimed, on the one hand, at the catharsis suggesting the possibility of new approaches to establishing a humane attitude to the macro and micro world of nature, and, on the other hand, at forming a socially responsible person.

3. *Digitalization: transformation of the man–nature dualism into duality.* The linear picture of the world implied the dualism of man and his tools. Digitalization makes them independent and polar realities. Non-linearly changes and complicates the Self — according to G. Mead, the actual human qualities of the individual, acquired in socialization through symbolic interactions [23]. If traditionally the Self was determined by the biological-social corporality and lifeworld of the individual, now it is a holistic social-digital hybrid — the functioning of bodies merged. According to U. Beck, ‘digital metamorphosis’ takes place with socialization, which is “essentially different from the digital revolution that describes a mainly technologically determined social change... Digital metamorphosis, on the contrary, is about the non-intentional, often unseen side effects, which create metamorphosed subjects, — i.e., digital humans”. This questions such traditional categories as status,

social identity, collectivity and individualization. Thus, new generations “incarnate the digital a priori — yet not at the end, but at the beginning of their socialization... young generations were already born as ‘digital entities’” [4. P. 145–146, 188, 189].

The consequences of the duality of man and digital technologies for the future are undeniable. First, the individual is removed from the local life world, getting an opportunity of global communications in ‘timeless time’ [8. P. XI], which contributes to the formation of new approaches to all spheres of life. Many people implant chips into their bodies to become cyborgs, combining the bio-social and the digital. Smartphones, mobile phones, personal computers, essentially performing the digital body functions, are perceived by people as an organic component of their identity. Almost every person is given a chance to gain digital immortality in social networks. At the same time, the significance of traditional communications diminished, the meanings of the symbols of specific life-worlds, their values and norms are deformed. The life of Russians has always been full of dignity, friendship, and camaraderie. Without face-to-face communication, provided the generalized ideas of others, people’s ideas about happiness and justice change, and their vision of the future becomes uncertain. If these changes are not ‘humanized’ by humanistic essence, risks increase — in the form of social tensions, fears and anxieties, and dysfunctions are produced. Therefore, to ensure the sovereign future of Russia and to preserve humanistic meanings, it is necessary to add to the innovative governance the nationally oriented digitalization of the country.

4. *Metamorphoses of labor*. In times of a relatively simple social structure with the dualism “proletariat–bourgeoisie”, K. Marx saw a just future in the elimination of private property and in joint labor uniting people, to which he opposed the alienated labor that destroys the “generic essence of man” [22]. The main problem in the formation of a harmonious personality was to achieve an optimal combination of mental and physical labor in the Self. The main means for this was seen in the highly developed material and technical base, which would reduce working time and, accordingly, increase free time as the space for individual self-development. Propagandistic practices were idealized, myths were formed: in the morning the employer works and in the evening ‘rests culturally’, studying, participating in amateur performances, playing music, writing poetry, etc. The realities revealed the self-deception and illusory nature of such ideas.

Today, radical changes are taking place in the social class structure and in labor activities, which are expressed in the instability of employment, elimination of human labor, replacement of people by robots and artificial intelligence, permanent changes in professional identity, and uncertainty of the future. At the same time, there activities that erase the boundaries between working and non-working time. A new class is being formed — precariat, the complex nature of which is expressed in ambivalences described by Zh. Toshchenko:

on the one hand, precariat represents social strata with professional knowledge and qualification; on the other hand, it is a rapidly growing group of workers with an unstable social position, indefinite employment, unstable distribution of surplus product and arbitrary wages [36. P. 81]. This situation is complicated by the development of the contemporary man as a social-digital hybrid. Thus, innovative governance of labor subjectivity should aimed at solving a dual task — to ensure the efficiency in harmony with other people, nature and digital technologies, and to preserve national cultural traditions of collective labor for the sovereign future of Russia.

5. *Hybridization of education: reflections of teachers and students.* K. Mannheim was one of the first to show that the pluralization of knowledge and values, if not structured, can lead to negative consequences for both teachers and students: “Sooner or later everyone will become neurotic, since it is difficult to make a reasonable choice in the chaos of contradictory and irreconcilable values... It is impossible to imagine a person living in complete uncertainty and with unlimited choice” [20. P. 437]. Today, social networks and digital innovations complicated education that has begun to hybridize in three main areas: 1) teacher — computer or gadget as a digital intermediary — student (they form a single whole by co-functionality); 2) socialization, education and digitalization are intertwined, penetrating each other and reproducing, according to U. Beck, ‘generations of side effects’. “What has been packaged into the magic word ‘digital’ has become part of their ‘genetic outfit’”; 3) “the relationship between the teacher and the student is dissolved, even reversed” [4. P. 188–189, 191]. However, social practices of hybridization of education in different countries have national and cultural specifics. Its content depends on political goals, values and norms of culture, ideologies and public consciousness, which determines the vision of the future.

National education has always formed the cultural code of the country, set the type of the socially demanded identities, and preserved the country’s civilizational stability. Hybridization of education leads to complex ambivalent challenges: on the one hand, its benefits are obvious, in particular, the self-reflection of teachers and students provides them with the opportunity to choose systems of knowledge and values from all over the world; on the other hand, there are side effects in the form of centrifugal tendencies that exclude young people from their national culture. This questions traditional values such as preferred identities, social happiness for oneself and one’s children in the future. The neoliberal model of education, imposed from the outside, based on the values of formal rationalism and pragmatism, is inadequate for the Russian society. Its ‘efficiency’ is defined by a relatively narrow set of competencies, which results in short-lived knowledge and clip consciousness without a worldview core.

At the turn of the century, the short-term unstructured educational mobility was popularized — it was practically not controlled by the state and led to the

precarization of the youth in the labor market. As U. Beck notes, “in many countries of the world we have the best ever educated generation, which, however, is threatened by a hitherto unknown degree of unemployment” [4. P. 196]. With such initially flawed educational and upbringing approaches, it is difficult to form a valid picture of the increasingly complex world, to develop a socially responsible attitude to the sovereign future of Russia. The spread of pragmatic ideas about ‘success’ in the form of popularity in social networks or making money quickly cannot be simply replaced by activist, passionate attitudes — new reflections are needed on what and how to learn. A national-cultural model of education is in demand — aimed at reviving the humanistic traditions of the Soviet upbringing and education, at developing the national human capital and the harmonious, creative and socially responsible personality. Certainly, it is impossible and needless to fight against the objective global hybridization of education, but the innovative governance should include a nationally oriented goal setting reflected in the concept of ‘humanistic digital turn’ [16], which emphasizes the importance of the social-humanitarian component in the organization of education, taking into account the trends of complexity and non-linearity.

6. *Increasingly complex determinants of health and disease — curative reflections.* The ‘past futures’ were based on the dualism of health and disease. The boundaries between harmonious and inharmonious, healthy and sick individuals were rigid and linear, which was directly expressed by T. Parsons in the ‘universal’ rule of the medical order, which ensured the value-normative stability of the system [25]. The doctor with the scientific medical knowledge carries out complex treatment as a ‘gatekeeper’ with exclusive power over the patient. The patient is obliged to unconditionally comply with medical prescriptions in order to quickly and effectively acquire ‘normality’ and return as a completely healthy person to society. However, with the complication of ideas about diseases (chronic, mental, culturally determined pathologies), it became obvious that the total medical supervision is not effective for ensuring social stability on the way to a ‘dynamic balance’. Thus, T. Parsons self-critically admitted the fallacy of early views on the criteria of health and pathology, because the patient became the subject of treatment [26. P. 257–278].

Humanity faces the increasingly complex determinants of health and disease due to the man’s invasion into the micro-world of bacteria and viruses: permanently renewing strains reflect on opposition to them (mutating strains of microorganisms increase resistance to antibiotics) and coexistence of man and viruses (some are not harmful) is necessary in the future. Epidemics and their interpretations significantly changed, sometimes in the form of metamorphoses. In the era of episodic mobilities to other countries and continents, epidemics were considered problems for all mankind but had a limited spatial and temporal effect. Today we face qualitatively new, global pandemics of a timeless nature (AIDS, covid-19). In addition, epidemics have not only biological, but also culturally

determined nature (anorexia, gambling addiction, schizophrenia). In different countries, answers to new challenges depend on the national medicine, cultural traditions, economic and political views. Covid-19 has created new explicit and latent challenges for the future, questioning the functionality of both global and national biopolitics and social-protection institutions [15. P. 91–102]. At the same time, medical treatment based on digital technologies is in demand. For instance, Russians consider their diseases in a new way by using online consultations. The innovative governance of such processes should preserve the art of healing with historical roots in the culture of the Russian medicine [24], which is important for the national sovereignty, and should form a socially responsible attitude to one's health, relying on the scientific knowledge about diseases, preventive diagnostics and a healthy lifestyle as a basis for saving the national human capital and moving towards the sovereign future of the country.

7. *Value-normative dispersion — responses to the humanitarian crisis.* The first significant challenges for the value-normative foundations of society and its future were determined by the humanitarian crisis in the middle of the 20th century. Its roots, as P.A. Sorokin noted, were in the sensual culture that reproduces the 'tragic dualism': "We praise love and cultivate hatred. We declare a man sacred and mercilessly kill him. We proclaim peace and wage war. We believe in cooperation and solidarity, but we breed competition, rivalry, antagonism and conflict. We stand for order and plot revolutions. We are proud of human rights, sacred constitution and peace agreements; but we deprive a person of all rights and break all agreements and pacts. And so it goes on endlessly. The tragic dualism of our culture is obvious, it deepens day by day" [32. P. 271].

Sorokin studied the influence of the value-normative dispersion, clearly expressed in the sexual revolution, not only on the functionality of the family institution, but also on society. He argued that this revolution was a challenge to humanity as a "dangerous drift towards the abyss", leading to a 'new narcissism' — a system of false values, in which the individual selfish interests are put above all else. "Russia is belatedly following the path of the industrialized Western countries, where the sexual revolution took place back in the 1950s", which led to the following negative consequences: the birth rate falls; depopulation undermines historical leadership, creativity and self-defense; sexual freedom turns into anarchy accompanied by demoralization and propaganda of homosexuality; marriage becomes childless. Sorokin was particularly critical of the widespread myths about the social benefits of the sexual revolution: pseudo-scientific sexual education "is no good. Its frankly pornographic part is clearly harmful"; "civilized societies, having the strictest restrictions on sexual freedom, have created the most highly developed culture. In the entire history of mankind there is not a single example of how a society has risen to the level of a rationalistic culture without women being born and brought up in strictly defined rules of loyalty to one man"; "the previously

exciting sensation becomes boring, routine and even painful. This diminution of the pleasure they receive sometimes pushes them to search for perversions, which in turn aggravate illness, suffering and misfortune” [31]. The spread of such practices of false freedom and emancipation questioned the main ideal of the future — a harmoniously developed personality.

In different societies, rather linear responses to the humanitarian crisis prevailed — symptomatic and symbolic ‘treatments’ did not aim at eliminating the underlying causes of the value-normative dispersion. Therefore, the humanitarian crisis continues to deepen and becomes more complex, as can be seen from the dysfunctions generated by the idealization of all kinds of transgender and transhumanist practices. This is where the ‘Titanic effect’ manifests itself, according to which failures in one system lead to dysfunctions in others: traditional gender roles, marriage and family structure are now traumatized, reproducing complex risks for culture and social life, economy and politics, generating never-seen-before forms of exclusion and inequality. The ‘normal chaos of love’ [6] was supplemented by traumas of culture and social order, which produces a new global inequality: emancipation of Western women increases exploitation of women-migrants [3. P. 122].

The challenges of the value-normative dispersion are exacerbated by the new manipulative technologies. Performances with meanings, as J. Alexander believes, erase the differences between real and staged, good and evil, thereby dramatizing the people’s consciousness [1. P. 102–103] — they become incapable of social responsibility. Let us emphasize such a mechanism of legitimation of total anomie as the effects of the ‘Overton window’ (named after J. Overton, who studied how any destructive idea can be ‘nurtured’ in a civilized society). Once there is a slightly ajar ‘window’ into the manipulation of sacred values, it swings wide open: gradually unacceptable pathologies move from absolutely impossible to ‘single cases’, and then to ‘normality’ which sometimes manifests even in the scientific social knowledge. For instance, the queer sociological theory started from the study of individual deviant cases [10], but now consistently traumatizes the normality of heterosexuality by opposing it to the ‘normality’ of transgender practices that legitimize the childless future.

In order to adequately respond to the challenges of the growing humanitarian crisis and consequences of the value-normative dispersion, it is necessary to develop a nationally oriented governance by accumulating the achievements of sociology and other sciences to suggest possible alternatives of the humane and sovereign future for our country. We should start with sovereignization of social sciences and humanities so that they would aim at reproducing the national human capital, qualitative improvement and humanization of our way of life, increasing the general competitiveness of the Russian, This can be achieved by (1) cooperation with representatives of other

humanistic knowledge systems, including religions, to counteract ‘modern evil’ and preserve time-tested values as the basis for interaction with other people, nature and technologies [14. P. 477–488]; (2) providing all scientific innovations with humanistic goals based on the complex objective and subjective determinants; (3) emphasizing the scientists’ social responsibility for the national human capital and our future.

In contemporary Russia, due to new objective and subjective determinants of a complex type, the non-linear development seems to prevail. It implies the normality of breaks, traumas and hybrids, which, on the one hand, excludes the previous orientation towards a unique future of the mankind and, on the other hand, includes a nationally oriented future. Thus, there is a demand for the concept of the national sovereign future — it is impossible to return to the romanticized “past futures” based on the “objective laws” of linear development from the lowest to the highest and on the idea that the human nature is kind and reasonable.

Based on the new objective and subjective determinants as leading to the sovereignization of national social sciences and humanities, we can identify an effective and humanistic vector for the development of complex processes. The main path is the transition to the innovative governance in the form of a non-linear humanistic system of a synergetic type, which, however, relies on the historical-civilizational grounds, sovereign scientific knowledge and nationally oriented digital technologies. This governance system involves a critical understanding of the liberal values of formal rationality, pragmatism, mercantilism, ‘universal’ interpretations of human rights and freedoms, which would hinder the optimal functioning of complex systems. It is necessary to take into account the dynamics of geopolitical challenges and to use a predictive orientation in the multifactorial analysis of complex, non-linearly developing realities in order to achieve an optimal balance between individual self-organization and public administration, which results in a dual task — to develop both the national human capital (successful identities) and the harmonious, socially responsible person (creative self-realization).

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

References

1. Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Cambridge; 2012.
2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
3. Beck U., Beck-Gernsheim E. *Distant Love. Personal Life in the Global Age*. Cambridge; 2014.
4. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; 2016.
5. Beck U. *World at Risk*. Cambridge; 2008.
6. Beck U., Beck-Gernsheim E. *The Normal Chaos of Love*. Cambridge; 1995.
7. Castells M. *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur* [Development of the society of network structures]. URL: <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>. (In Russ.).

8. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford; 2010.
9. Cliquet G. *Geomarketing: Methods and Strategies in Spatial Marketing*. ISTE; 2005.
10. Corber R.J., Valocchi S. (Eds.). *Queer Studies*. Oxford; 2003.
11. Giddens A. *The Politics of Climate Change*. Cambridge; 2009.
12. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [Organization of Society: Essay on the Theory of Structuration]. Moscow; 2003. (In Russ.).
13. Harris R., Sleight P., Webber R. *Geodemographics, GIS in Neighbourhood Targeting*. Wiley; 2005.
14. Kravchenko S.A. Challenges of ‘modern evil’ for the sustainable development: A request for cooperation of scientific and theological knowledge. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (3).
15. Kravchenko S.A. Pandemiya covid-19: vyzovy zdoroviyu naseleniya mira — vozmozhna li gumanisticheskaya globalokal'naya biopolitika? [Covid-19 pandemic: Global health challenges — is humanistic global-local biopolitics possible?]. *Political Studies*. 2020; 6. (In Russ.).
16. Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
17. Kravchenko S.A. The birth of “normal trauma”: The effect of non-linear development. *Economics and Sociology*. 2020; 2.
18. Kravchenko S.A., Perova A.E. “New catastrophism” and the future: The demand for non-linear knowledge. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3).
19. Lapin N.I. *Slozhnost stanovleniya novoy Rossii. Antroposotsiokulturny podhod* [Challenges in the Formation of New Russia. An Anthro-Sociocultural Approach]. Moscow; 2021. (In Russ.).
20. Mannheim K. *Diagnoz nashogo vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow; 1994. (In Russ.).
21. Mannheim K. Ideologiya i utopiya [Ideology and utopia]. *Diagnoz nashogo vremeni*. Moscow; 1994. (In Russ.).
22. Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic-philosophical manuscripts of 1844]. *Sotsiologiya*. Moscow; 2000. (In Russ.).
23. Mead G. Ot zhesta k simvolu [From gesture to symbol]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya Mysl*. Moscow; 1994. (In Russ.).
24. Mirsky M.B. *Meditsina Rossii v XVI — XIX vv.* [Russian Medicine in the 16th — 19th Centuries]. Moscow; 1996. (In Russ.).
25. Parsons T. *The Social System*. New York; 1951.
26. Parsons T. The sick role and the role of the physical reconsidered. *Millbank Memorial Fund Quarterly*. 1975; 53 (3).
27. Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York; 1986.
28. Perrow Ch. *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton; 2011.
29. Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. A Pine Forge Press Publication; 2004.
30. *Sotsialnaya mobilnost v uslozhnyayushchemsya obshchestve: ob`ektivnye i sub`ektivnye aspekty* [Social Mobility in the Increasingly Complex Society: Objective and Subjective Aspects]. Moscow; 2019. (In Russ.).
31. Sorokin P.A. *Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya* [American Sexual Revolution]. Moscow; 2006. (In Russ.).
32. Sorokin P.A. *Krizis nashogo vremeni* [The Crisis of Our Age]. Moscow; 2009. (In Russ.).
33. Toshchenko Zh.T. *Kentavr-problema: opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza* [A Centaur Problem: A Philosophical-Sociological Analysis]. Moscow; 2011. (In Russ.).
34. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiej i revolyutsiej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (A Theoretical-Empirical Analysis)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
35. Toshchenko Zh.T. *Paradoksalny chelovek* [Paradoxical Man]. Moscow; 2008. (In Russ.).

36. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From Proclass to a New Class]. Moscow; 2018. (In Russ.).
37. Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge; 2011.
38. Urry J. *What is Future?* Cambridge; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-231-243

EDN: UUPIYS

Суверенное будущее России: запрос на инновационное управление сложными объективными и субъективными детерминантами*

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. Автор критически анализирует «старые», линейные, и современные теории социокультурной динамики, делающие акцент на изучении трендов сложности и нелинейности. В статье обосновываются контуры концепции суверенного будущего страны, основанной на анализе новых и взаимосвязанных объективных и субъективных детерминант сложного типа. Автор рассматривает те детерминанты, что, по его мнению, наиболее значимы как задающие характер движения к будущему: социодинамика пространства и времени — рефлексии акторов; гибридизация социума и природы — новые возможности и ограничения для действий; цифровизация — трансформация дуализма человека и техники в их дуальность; метаморфозы труда; гибридизация образования — рефлексии обучающихся и обучаемых; усложняющиеся факторы здоровья и болезней — лечебные рефлексии; ценностно-нормативная дисперсия — ответы на гуманитарный кризис. Автор утверждает, что для становления суверенного будущего страны необходимо инновационное управление дуальностью объективных и субъективных детерминант. Квинтэссенцию этого типа управления автор видит в нелинейно-гуманистической системе синергичного типа, имеющей историческую и цивилизационную обусловленность, а также национальный ценностный фундамент. Такая система управления позволит сформировать новый социальный тип личности, адекватный суверенному будущему России, — гармонично развитый и социально ответственный.

Ключевые слова: Россия; суверенное будущее; сложность; нелинейность; объективные и субъективные детерминанты; инновационное управление; человеческий капитал; гармоничное развитие; социально ответственная личность

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

*© Кравченко С.А., 2023

Статья поступила 16.01.2023 г. Статья принята к публикации 13.04.2023 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-244-255

EDN: UOFIBW

Ценностный фактор неравномерности странового развития*

А.А. Белов¹, А.Н. Данилов², Д.Г. Ротман³

¹Научно-технологический парк «ИнКата»,
Пекинский просп., 18, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»,
Минская область, 222210, Республика Беларусь

²Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

³Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета,
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены причины неравномерности странового развития, предпринята попытка разработать социологические основы изучения данного феномена, проследить страновую социодинамику, построить карту странового развития современного глобального мира и исследовать траекторию Беларуси. Отмечается, что вектор социодинамики каждой страны не предопределен заранее, а задается внутренними факторами, и культура играет ключевую программирующую роль. Ценностный выбор выступает важным фактором, определяющим темпы и направленность эволюции современного общества. Авторы опираются на все доступные данные международных проектов по изучению ценностей — «Европейского исследования ценностей» (European Values Study, далее — EVS) и «Всемирного исследования ценностей» (World Values Study, далее — WVS). Период времени, охваченный указанными исследованиями, составляет сорок лет — с 1981 по 2021 годы, в Беларуси опросы проводятся с 1990 года. Обобщения проведены по модели, предложенной Р. Инглхартом и К. Вельцелем, и подтверждена гипотеза, что динамика ценностных ориентаций белорусского общества в целом повторяет траекторию изменений, которые происходили в странах Западной Европы и Северной Америки в предыдущие десятилетия. Высказывается предположение, что социально-демографические группы белорусского общества находятся на разных этапах трансформации ценностных ориентаций. Делается вывод, что городское и более образованное население Беларуси (прежде всего молодежь и люди среднего возраста) с точки зрения ценностных ориентаций наиболее близки современной Чехии и Словакии и незначительно отличаются от Австрии и Германии.

Ключевые слова: страновая неравномерность развития; программирующая роль культуры; ценностный выбор; Беларусь; факторный анализ; ценности

*© Белов А.А., Данилов А.Н., Ротман Д.Г., 2023

Статья поступила 22.01.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023.

Изучение неравномерности странового развития — актуальная и практически значимая тема социологической науки, которая фиксирует реальный исторический процесс и социальную историю эволюции человечества, прежде всего исследуя социодинамику общественных отношений и определяя тенденции социального развития. Сегодня, когда в мире наблюдается глобальная нестабильность и меняется его геополитическая картина, особое значение приобретает изучение истоков и факторов, задающих новые векторы страновой неравномерности развития. Все более очевиден кризис — буквально на глазах одного поколения происходят фундаментальные изменения в социальной жизни: возникают совершенно новые формы кооперирования труда, типы коммуникаций, способы хранения и передачи информации, связи и отношения, формы взаимодействия культурных традиций.

Несмотря на то, что история человечества становится глобальной, невозможно не заметить, как по-разному и с разной скоростью развиваются страны, народы и регионы — непохожи их стратегии, разнообразен и неповторим их путь, который «обычно связывают с необходимостью изменить фундаментальные цели человеческой деятельности. Но за каждым набором целей стоят ценности. Они санкционируют тот или иной вид деятельности и его цели. И тогда проблема стратегии развития современной цивилизации транслируется в проблему базисных ценностей ее культуры» [5. С. 67–68].

Представление об обществе как целостном организме, меняющемся во времени, оформилось достаточно давно. Как правило, эти изменения детерминированы стремлением сохранить устоявшиеся традиции, исторический опыт и ценности. Для социологии «общество — это, прежде всего, страна-государство. Сегодня на планете Земля 220 таких самостоятельных обществ, т.е. суверенных государств. И все они являются самодостаточными просто по факту своего существования, и в этом все они как будто бы равны. Но с точки зрения жизнеобеспечения о равенстве говорить не приходится» [7. С. 82]. Не приходится говорить и о схожести развития, его темпов и тенденций — как показывает история, у каждой страны свой путь.

Великая плеяда классиков социологии (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.) стремились «расколдовать» общества, в которых жили. Уже в работах Конта можно встретить представление об обществе как целостном организме, который проходит в своем развитии три стадии на пути к обществу позитивного знания — теологическую, метафизическую и позитивную. Соответственно, социология должна рассматривать общество в его статике и динамике, т.е. изучать строение общества и его изменения под лозунгом «порядок и прогресс». В будущем должна возникнуть новая социальная система, в которой полностью реализует-

ся принцип порядка и прогресса, — «Западная республика», куда войдут Франция, Италия, Испания, Англия и Германия, и Франция станет основой такого объединения в качестве «географического ядра отборной части человечества».

Подход к человеческой истории как эволюции социальных организмов разрабатывал и Спенсер, доказывая неразрывную связь между природными и социальными явлениями. В работе «Система синтетической философии» он определил эволюцию как переход материи от бессвязной однородности к связанной разнородности, от гомогенности природной системы — к гетерогенности, от простых форм организации материи — к сложным, т.е. общество — это изменяющаяся, развивающаяся система.

Человеческую историю как эволюцию социальных организмов рассматривал и Маркс, считая общество сложной развивающейся органической целостностью. «Способу производства и экономическому развитию (определяющим характер отношения общества к природе и рамки тех условий природного существования, в которых протекает жизнедеятельность людей) Маркс отводил такую же решающую роль в социальной истории, какую Дарвин отводил естественному отбору в биологической эволюции. ...Весь опыт цивилизационного развития XX века подтвердил, что именно успехи в экономике являются решающим фактором в улучшении жизни людей, достижении социального динамизма и успехов стран в международном сотрудничестве» [6. С. 427].

Значительно позже была признана программирующая роль культуры как «способа передачи накопленного социально-исторического опыта (надбиологических программ человеческой жизнедеятельности) в организации социальной жизни, в ее изменениях и порождении различных видов общества... Чтобы изменился тип общества и возник новый вид, должно произойти изменение культурного кода, мутации мировоззренческих универсалий, а затем уже технико-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами определит дальнейшую судьбу нового типа социальной организации» [6. С. 428–429]. При этом не происходит отказа от представления о социальной динамике общества как естественно-историческом процессе.

Мыслители каждой эпохи стремились внести свою лепту в эволюционную теорию, обогащая ее новыми деталями. Каждая концепция имеет свои преимущества и недостатки, например, теории формационного или цивилизационного пути могут объяснить неравномерности странового развития в глобальном мире. Каждая страна во всей своей целостности рассматривается как путь восхождения сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности, но вектор социодинамики каждой страны не задан заранее и определяется внутренними факторами, где культура играет ключевую роль [2]. В обществе формируется

своего рода «культурно-генетический код», который выполняет уникальную функцию отбора, сохранения и передачи культурного наследия живущих в нем народов. В культуре происходит таинство творения нового по принятому в ней образцу — он выкристаллизовывается из многообразия ценностей, которые привносились в ходе истории, доминировали, возникали и исчезали.

В переломные этапы истории в разных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей и мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и незыблемыми. Это время содержательно меняет ценностные ориентации, механизм их формирования, социальные институты и самого человека со всеми его поведенческими предпочтениями, установками и социальной средой обитания. Ценностный выбор во многом определяет темпы и направленность эволюции современного общества. Однако ускоренное обновление жизни по разным причинам (объективным и субъективным) без должного историко-социального осмысления и духовного проживания может создать иллюзию прогресса, а в действительности будет происходить торможение развития, застой или даже деградация. Именно так возникает неравномерность в страновом развитии.

Наша основная гипотеза заключается в том, что динамика ценностных ориентаций белорусского общества в целом повторяет траекторию изменений, происходивших в странах Западной Европы и Северной Америки в предыдущие десятилетия. Косвенно это подтверждает направленность изменений: с 1990 по 2018 годы в белорусском обществе наблюдалось однозначное движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения [1]. Однако косвенные аргументы не могут служить надежным обоснованием для такого глобального вывода — требуется эмпирическое подтверждение, т.е. сравнительный анализ ценностных ориентаций белорусского общества с другими странами на разных этапах их развития.

Для этого будут использованы данные крупнейших международных проектов по изучению ценностей — EVS и WVS. На сегодняшний день база данных двух проектов содержит информацию о 117 странах в разные моменты времени [12], охватывая период с 1981 по 2021 годы. Однако далеко не все страны участвовали во всех волнах двух проектов (например, Беларусь присоединилась к ним только с 1990 года [8–11]).

Опросный лист EVS и WVS содержит сотни вопросов, поэтому невозможно провести сравнительный анализ всех признаков. Целесообразно выделить основные характеристики тех ценностных ориентаций, что составляют фундамент для более частных суждений. Наиболее удачной и широко известной версией такого обобщения выступает подход Р. Инглхарта и К. Вельцеля [13] — выделение двух основных координат в системе ценностей: первая ось определяется полюсами «традиционные ценности» — «секулярно-рациональные ценности», вторая ось — полюсами «ценности вы-

живания» и «ценности самовыражения» [14; см. подробнее в: 1]. Мы также использовали базу данных с обобщенными характеристиками ценностных ориентаций, но в кластерном анализе работали не с обобщенными характеристиками, а со всеми признаками на двух осях, что объясняется слишком высоким уровнем абстракции двух характеристик ценностных ориентаций — использование всех десяти признаков в кластеризации позволяет более точно учитывать специфику стран.

Для оценки близости стран и социальных групп по их ценностным ориентациям рассчитывалось Евклидово расстояние, а для объединения стран и групп в однородные кластеры — иерархический кластерный анализ методом межгрупповой связи с предварительной стандартизацией исходных признаков. Для оценки качества полученной кластерной структуры применялся метод многомерного дисперсионного анализа, где в качестве независимого фактора выступал признак принадлежности к кластерам, а в качестве зависимых признаков — все переменные, которые лежали в основе кластеризации. Качество кластерного решения определялось с помощью коэффициента корреляции — между принадлежностью к кластеру и всеми признаками, отражающими ценностные ориентации. Коэффициент корреляции рассчитывался как квадратный корень из объясненной дисперсии десяти признаков.

Сначала были рассчитаны и проанализированы расстояния между всеми странами в соответствии с их ценностными ориентациями в разные моменты времени. Следует отметить, что на всех картах ценностей Инглхарт и Вельцель помещали Беларусь в группу с условным названием «православная Европа» (Orthodox Europe). Действительно, Беларусь всегда была достаточно близка к таким странам, как Россия, Украина, Сербия, Болгария и т.д. Например, Евклидово расстояние от современной Беларуси к современной России составляет 0,49, Украине — 0,48, Сербии — 0,35, Болгарии — 1,04. Для сравнения: это расстояние от Беларуси до Швеции составляет 2,93, что почти в 6 раз больше, чем расстояние до России, и почти в 3 раза больше, чем до Болгарии. Таким образом, мы можем наблюдать существенный разрыв ценностных ориентаций «православной Европы» и «западного мира», что может стать аргументом в пользу концепций особой «православной цивилизации» с особым культурным кодом и путем развития. Однако включение в анализ информации о «западных странах» несколько десятилетий назад показывает, что специфика «православной Европы» состоит скорее в более поздней трансформации ценностных ориентаций.

Хотя расстояние от современной Беларуси до современной Швеции с точки зрения ценностных ориентаций составляет 2,93, если мы рассмотрим Швецию по состоянию на 1981 год, то расстояние до Беларуси сократится более чем в 2 раза — до 1,36. Подобная ситуация характерна для большин-

ства стран Западной Европы: чем дальше исследование во времени, тем ближе современная Беларусь к странам Запада (Табл. 1). Ценностные ориентации населения Испании, Франции и Германии в первой половине 1980-х годов близки к современной Беларуси и сопоставимы по степени близости к ней современной России или Украины.

Таблица 1

Евклидово расстояние от современной Беларуси (2018) до стран Европы в разные периоды времени в соответствии с ценностными ориентациями

Страны	2017–2022	1981–1984
Испания	1,75	0,51
Франция	1,98	0,62
Германия	2,58	0,7
Нидерланды	2,1	1,07
Финляндия	2,29	1,27
Швеция	2,93	1,36
Великобритания	2,46	1,43

Выявленная закономерность позволяет утверждать, что особенности ценностных ориентаций современных «православных» стран, в том числе Беларуси, являются результатом более поздней трансформацией ценностей по сравнению с западными странами, т.е. современная Беларусь с этой точки зрения находится примерно на том же уровне, что Франция или Германия сорок лет назад.

Конечно, приведенные расчеты могут быть справедливо названы слишком поверхностными для столь глобальных выводов, поэтому целесообразно рассмотреть ценностные ориентации разных социально-демографических групп Беларуси в сравнении с другими странами. Ранее мы установили, что для младших возрастных групп, проживающих в крупных городах и имеющих высшее образование, характерна более выраженная ориентация на ценности самовыражения [1], а для более старших групп, проживающих в малых городах и сельской местности и не имеющих высшего образования, — напротив, преобладание ценностей выживания. Можно предположить, что разные социально-демографические группы белорусского общества находятся на разных этапах трансформации ценностных ориентаций.

Для проверки этой гипотезы был проведен кластерный анализ 466 объектов, в том числе 448 объектов на уровне отдельных стран (117 стран в разные моменты времени), и 18 социально-демографических групп Беларуси

(по результатам последней волны исследования в 2018 году). Было выделено 15 кластеров (внутренне однородных групп) объектов. Коэффициент корреляции между принадлежностью к кластеру и десятью признаками кластеризации составил 0,75, что свидетельствует о достаточно тесной связи и, соответственно, высоком качестве кластерного решения. Большинство объектов (более 90 %) объединились в семь самых крупных кластеров (Табл. 2).

Таблица 2

**Кластерная структура стран и социальных групп
в соответствии с ценностными ориентациями населения**

Номер кластера	Количество объектов	Региональная специфика	Хронологическая специфика	Компонента индивидуализма*	Компонента самовыражения*
1	138	Страны Азии, Африки и Латинской Америки	Весь период наблюдений	-1,176	-0,081
2	136	Страны Южной и Восточной Европы	Весь период наблюдений	0,308	-0,864
3	64	Страны Центральной и Западной Европы	Центральная Европа — весь период наблюдений, Западная Европа — до 2010 года	0,579	0,242
4	38	Западная Европа и Северная Америка	Современный этап	0,643	1,418
5	23	Скандинавские страны	Весь период наблюдений	1,436	1,486
6	20	Северная Америка и Австралия	До 2010 года	-0,388	1,467
7	17	Демократические страны Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань)	Весь период наблюдений	1,478	-0,594

* Компоненты индивидуализма и самовыражения — обобщенные характеристики ценностных ориентаций (две оси на карте ценностей). Измеряются по шкале от -3 до 3, где -3 — полная приверженность коллективистским ценностям (по первой оси) и однозначный приоритет ценностей выживания (по второй оси), а 3 — приверженность индивидуалистическим ценностям и приоритет ценностей самовыражения.

Социально-демографические группы из Беларуси вошли во второй и третий кластеры. В географическом разрезе второй кластер представлен странами бывшего СССР (включая республики Средней Азии) и балканскими странами, близкими современной Беларуси с точки зрения религии (в основном православие) и исторического развития (бывший социалистический блок). Примечательно, что некоторые страны вошли одновременно во второй и третий кластеры, но представлены на разных этапах развития.

Например, Эстония образца 1990–2010 годов вошла во второй кластер, а образца 2017 года — в третий, и аналогичная ситуация характерна для Венгрии (1981–2008 — второй кластер; 2017 год — третий) и Италии (1981 год — второй кластер; 1990–2017 годы — третий). Эта закономерность отражает хронологическое измерение трансформации ценностных ориентаций: второй кластер объединяет страны с более консервативными и традиционалистскими ценностями стабильности и выживания, их сменяют более индивидуалистические ценности самовыражения и развития.

Третий кластер в основном объединяет страны Центральной Европы, отражая современное состояние ценностного сознания: так, Хорватия, Чехия, Польша, Словакия, Словения, Венгрия, Эстония и Италия представлены, в том числе по состоянию на 2017 год, а страны условного запада (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Люксембург) попали в этот кластер по состоянию не позже 2010 года, т.е. население этих западных стран еще больше продвинулось в направлении ценностей самовыражения и развития, поэтому они вошли в состав других (четвертого и пятого) кластеров.

Распределение социально-демографических групп Беларуси по кластерам подтверждает гипотезу: в частности, во второй кластер вошли все жители сельской местности и жители малых и средних городов старше 30 лет. Из крупных городов в данный кластер вошли только старшие возрастные группы (50+ лет), и 30–49-летние без высшего образования. В состав третьего кластера вошли исключительно горожане, в основном в возрасте до 30 лет. Единственная более старшая группа представлена жителями крупных городов 30–49 лет с высшим образованием (Рис. 1). Таким образом, городское и более образованное население Беларуси (молодежь и люди среднего возраста) с точки зрения ценностных ориентаций ближе современной Чехии и Словакии, чем Австрии и Германии (не более чем на 10 лет). В то же время «провинциальное» население Беларуси (преимущественно старшие группы без высшего образования) с точки зрения ценностных ориентаций в большей мере близки современной России, Казахстану и Армении.

Проведенный анализ позволил уточнить методологические основания социологического изучения неравномерности странового развития. В истории социологии ученые по-разному объясняли закономерности социального развития, но полагали, что страны как сложноорганизованные системы шли по пути восхождения к более высоким уровням организованности и сложности. Однако вектор социодинамики каждой страны не был предрешен и однозначен, поскольку в недрах культуры происходит сложный процесс ценностного отбора, и по выбранным ценностным лекалам выстраивается образ будущего. Ценностный фактор определяет темпы и направленность эволюции современного общества, а сбой на этом пути могут привести к торможению, застою или даже деградации, что и порождает неравномерность в страновом развитии. Например, дина-

мика ценностных ориентаций белорусского общества в целом повторяет траекторию изменений, которые происходили в странах Западной Европы и Северной Америки в предыдущие десятилетия. Однако разные социально-демографические группы белорусского общества находятся на разных этапах ценностной трансформации.

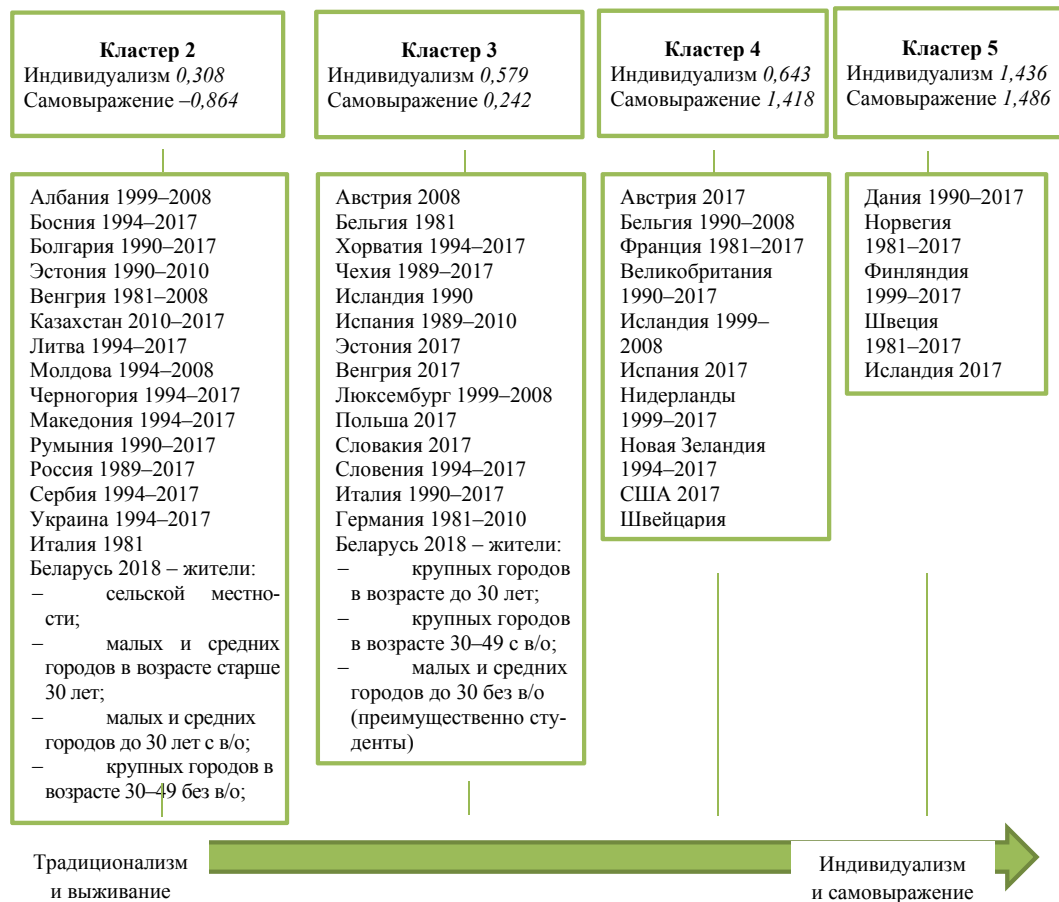

Рис. 1. Группы стран в соответствии с близостью ценностных ориентаций

Библиографический список

1. Белов А.А., Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Белорусское общество: от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3.
2. Данилов А.Н. Потенциал культуры и механизм формирования нового идеала прогресса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 2.
3. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.

4. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
5. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М., 2015.
6. Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб., 2019.
7. Шавель С.А. Социосферная стратегия развития общества. Минск, 2022.
8. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2009.
9. Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2013.
10. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, В.В. Правдивца, Д.Г. Ротмана. Минск, 2016.
11. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна 2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
12. Integrated Values Surveys 1981–2021 // URL: <https://www.gesis.org/en/services/finding-and-accessing-data/european-values-study/integrated-values-surveys-ivs-1981-2021>.
13. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. N.Y., 2005.
14. Inglehart–Welzel Cultural Map // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.
15. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
16. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-244-255

EDN: UOFIBW

Value factor of the countries uneven development*

A.A. Belov¹, A.N. Danilov², D.G. Rotman³

¹Scientific-technological park “EnCata”,
Pekinsky Prosp., 18, Chinese-Belarusian Industrial Park “Great Stone”, Minsk Region, 222210,
Republic of Belarus

²Belarusian State University,
Kalvarijskaya St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus

³Centre for Sociological and Political Research of Belarusian State University,
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Abstract. The authors consider reasons for the countries uneven development, provide sociological foundations for the study of this phenomenon, examine countries’ sociodynamics, reconstruct a map of countries development in the contemporary global world, and explore the

*© A.A. Belov, A.N. Danilov, D.G. Rotman, 2023

The article was submitted on 22.01.2022. The article was accepted on 21.04.2022.

trajectory of Belarus. The authors argue that the vector of sociodynamics is not predetermined, it depends on internal factors, and culture plays a key programming role. Value choice is an important factor determining the pace and direction of the contemporary society evolution. The article is based on the available data of international projects — European Values Study (EVS) and World Values Study (WVS). The period covered by these studies is forty years — from 1981 to 2021, and in Belarus surveys have been conducted since 1990. Authors' generalizations are based on the Inglehart–Welzel model, and they confirm the hypothesis that the dynamics of value orientations in the Belarusian society follows the trajectory of changes that took place in Western Europe and North America in previous decades. The authors argue that social-demographic groups of the Belarusian society can be placed at different stages of the values transformation, i.e., urban and more educated population of Belarus (mainly the younger and middle-aged groups) are close to contemporary Czech Republic and Slovakia and slightly differ from Austria and Germany in terms of the value orientations.

Key words: countries uneven development; programming role of culture; value choice; Belarus; factor analysis; values

References

1. Belov A.A., Danilov A.N., Rotman D.G. Belorusskoe obshchestvo: ot tsennostey vyzhivaniya k tsennostyam razvitiya i samovyrazheniya [Belarusian society: From the values of survival to the values of development and self-expression]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (3). (In Russ.).
2. Danilov A.N. Potentsial kultury i mekhanizm formirovaniya novogo ideala progressa [Culture potential and mechanism for a new progress ideal]. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020; 2. (In Russ.).
3. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
4. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
5. Stepin V.S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kultury* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture]. Moscow; 2015. (In Russ.).
6. Stepin V.S. *Chelovek. Deyatel'nost. Kultura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
7. Shavel S.A. *Sotsiosfernaya strategiya razvitiya obshchestva* [Social-Spheric Strategy for the Development of Society]. Minsk; 2022. (In Russ.).
8. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus v proekte "Issledovanie evropejskikh tsennostej"* [Value World of the Contemporary Man: Belarus in the European Values Study]. Ed. by D.M. Bulyenko, A.N. Danilov, D.G. Rotman. Minsk; 2009. (In Russ.).
9. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnykh proektah po izucheniyu tsennostej* [Value World of the Contemporary Man: Belarus and its Neighbors in the International Value Studies]. Ed. by D.M. Bulyenko, A.N. Danilov, D.G. Rotman. Minsk; 2013. (In Russ.).
10. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropejsky soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektah po izucheniyu tsennostej* [Value World of the Contemporary Man: Eastern Partnership, European Union and Russia in the International Value Studies]. Ed. by D.M. Bulyenko, A.N. Danilov, V.V. Pravdivets, D.G. Rotman. Minsk; 2016. (In Russ.).

11. *Tsennotny mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropejskih tsennostej", volna 2018* [Value World of the Contemporary Man: European Values Study, Wave 2018]. Ed. by D.M. Bulynko, D.G. Rotman. Minsk; 2019. (In Russ.).
12. Integrated Values Surveys 1981–2021. URL: <https://www.gesis.org/en/services/finding-and-accessing-data/european-values-study/integrated-values-surveys-ivs-1981-2021>.
13. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. New York; 2005.
14. Inglehart–Welzel Cultural Map. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.
15. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4. (In Russ.).
16. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-256-271

EDN: UPJUDW

Вовлеченность студентов в научную работу в период обучения в вузе: социологический анализ*

Н.П. Нарбут^{1,3}, И.А. Алешковский², А.Т. Гаспаришвили^{1,2,3},
О.В. Крухмалева^{1,2}, Н.Е. Савина²

¹Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 46, Москва, 119991, Россия

³Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Аннотация. Одним из приоритетов научно-образовательной политики России является повышение привлекательности карьеры в сфере науки и высшего образования. Правительство России реализует ряд федеральных программ, направленных на вовлечение молодежи в научно-исследовательскую деятельность. Научная работа студентов — традиционно неотъемлемая часть образовательного процесса, элемент преемственности поколений, процесса формирования и обновления научных школ, наставничества и введения в профессию. Однако при вовлечении в научную работу у студентов возникают трудности, которые обусловлены как особенностями организации высшей школы, так и личностными характеристиками обучающихся. В статье рассмотрены характеристики участия студентов российских вузов в научной работе в ходе обучения, а также их научные достижения в процессе обучения и проблемы, которые ограничивают или затрудняют вовлечение студентов в научную деятельность, снижают их мотивацию и удовлетворенность обучением в целом. Статья основана на материалах опроса студентов вузов России, проведенного сотрудниками Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в ноябре — декабре 2022 года (N = 123977). Результаты опроса показали, что в процессе обучения в вузе формируется неоднородный студенческий поток, существенно различающийся по качеству и формам подготовки, реализации индивидуальных способностей и наклонностей, уровню мотивации и запросов к высшему образованию. Соответственно, образовательный процесс должен быть организован таким образом, чтобы максимально и всесторонне раскрыть индивидуальные способности каждого обучающегося, обеспечить гибкий подход к формированию образовательной траектории, способствовать вовлечению в научно-исследовательскую деятельность большинства студентов.

*© Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Савина Н.Е., 2023
Статья поступила 07.02.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

Ключевые слова: студенты; высшее образование; научная деятельность; наставничество; мотивация; вовлеченность; индивидуальные образовательные траектории; образовательные результаты

Сегодня в России приоритетное внимание уделяется развитию научной сферы как основы технологического суверенитета страны. В целях повышения роли науки и технологий в решении важнейших государственных задач Указом Президента России В.В. Путина период 2022–2031 годов объявлен Десятилетием науки и технологий (1). Ведущая роль в сохранении, развитии, приращении и популяризации научного знания, в вовлечении в научную деятельность молодого поколения принадлежит высшей школе.

В настоящее время в России наблюдается дефицит научных кадров по целому ряду направлений. После реформы аспирантуры в начале 2010-х годов и оформления ее как третьего уровня высшего образования деформировалась система подготовки кадров высшей квалификации (2). Падение престижа профессии ученого, низкий уровень стипендий аспирантов и неконкурентные формы оплаты труда в научно-образовательной сфере также выступают сдерживающими факторами для студенческого участия в научной деятельности. В 2021 году количество занятых в сфере исследований и разработок сократилось на 2,4 % и 8,8 % по сравнению с 2020 и 2012 годами соответственно и составило 663,7 тысяч человек (3), доля выпускников аспирантуры, которые защитили кандидатские диссертации, в 2021 году составила около 10 % (1500 человек из 14,3 тысяч) (4). Снижение численности научных кадров не отвечает потребностям экономики и обусловило пересмотр роли и места аспирантуры в системе образования, а также общих подходов к привлечению молодежи в науку.

Вопросам вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность уделено достаточно внимания в российской и зарубежной литературе. В силу многогранного характера данные вопросы рассматриваются в междисциплинарном поле и преимущественно в рамках компетентностного подхода в образовании [1; 2; 5; 6; 10; 29]. В частности, «произошел сдвиг от традиционной дидактической модели образования к конструктивистскому подходу, в большей степени ориентированному на студентов. Этот подход направлен на обучение студентов присоединению к сообществу ученых, а не на поощрение накопления фактических знаний» [29]. Что касается «вовлеченности», то в российском контексте она рассматривается и как «индивидуальная студенческая вовлеченность, отражающая деятельность студентов по достижению академических целей и по включению в образовательный процесс, и как институциональные условия для “вовлеченного” обучения, отражающие усилия вуза, направленные на “вовлечение” студентов в учебный процесс» [8; 9].

Зарубежные исследователи характеризуют «вовлеченность» двойственно. С психологической точки зрения она (*involvement*) нередко анализируется

в контексте академической прокрастинации [26; 30] (невыполнение учебных заданий, списывание, неготовность к занятиям и т.п.). С точки зрения социальной составляющей (мотивированности, заинтересованности в учебном процессе, организации социальных связей и взаимоотношений в процессе учебы) вовлеченность (*engagement*) [21; 23; 27; 28; 33] нередко пересекается с понятием «удержания» студентов в образовательной среде [18; 24; 31] — как «положительные социальные, когнитивные, эмоциональные и поведенческие инвестиции студента, сделанные при взаимодействии с высшим учебным заведением и его центральными агентами (сверстники, сотрудники и само учебное заведение)» [18]. Социологические исследования показывают, что образовательные успехи и вовлеченность студентов в разные виды учебной деятельности зависят от личных способностей и интересов, но также варьируют по курсам и направлениям подготовки [19; 21; 22; 24; 25; 33]. Определяющим считается первый год обучения, который оказывает влияние на дальнейшую образовательную траекторию студента, формирует его научный интерес и желание заниматься исследовательской деятельностью.

Зарубежные практики (США, Китай, Корея, Великобритания, Франция, Австралия, Германия) по реализации индивидуальных образовательных траекторий студентов, поддержке их исследовательских навыков и вовлечению в научно-исследовательскую деятельность представлены в работах зарубежных [20; 32] и российских [7; 16] авторов. Отечественные специалисты рассматривают и возможности применения зарубежного опыта в России — для индивидуализации высшего образования и составления гибких программ, учитывающих способности и потребности обучающихся. Влияние семейной и образовательной среды, а также личности научного руководителя, наставника на формирование научно-исследовательских компетенций студента признаются предельно значимыми [3; 4; 13; 14] для обеспечения преемственности в высшей школе, выстраивания личной и научной коммуникации между ППС и студентами. Особое внимание авторы уделяют организации взаимодействия в процессе выполнения НИР студента — как наиболее продуктивной форме такого сотрудничества [10; 13; 14]. Научное наставничество — важный фактор в формировании научной идентичности студента: «наставники связывают студентов с карьерными ресурсами и исследовательскими возможностями, оказывают эмоциональную поддержку, укрепляют уверенность студентов и их научную самооффективность» [17]. Важна и внеучебная активность студентов, в том числе в научной сфере, в работе неформальных научных коллективов, но сегодня она «находится на минимальных показателях, что полностью исключает эффективную и успешную деятельность в обществе и экономике за пределами вуза» [5] и негативно сказывается на формировании профессиональных компетенций будущих специалистов и развитии их надпрофильных навыков.

В настоящее время возможности привлечения студентов к научно-исследовательской деятельности реализуются не в полной мере, поскольку ППС ориентируются на наиболее активных и требовательных студентов. Для большинства обучающихся, особенно в бакалавриате и специалитете, основными формами НИР остаются курсовые и дипломные проекты, что в современных условиях существенно ограничивает раскрытие потенциала обучающихся, реализацию их индивидуальных образовательных потребностей, а иногда выступает причиной незавершения обучения, ухода из вуза.

Представленные ниже данные были получены в ходе социологического исследования удовлетворенности студентов процессом обучения, качеством образования и его возможностями, проведенного Центром стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедрой социологии РУДН им. Патриса Лумумбы в 2022 году при поддержке Российского Союза ректоров. Объем выборочной совокупности составил 123977 человек (3 % студентов России и 4,82 % студентов очных отделений), т.е. выборка репрезентативна для 4130018 студентов, обучающихся в российских вузах, и 2568274 студентов, обучающихся очно (5). Корректировка выборки проводилась по четырем критериям: федеральный округ; уровень обучения; курс обучения; форма возмещения затрат на обучение. В опросе приняли участие студенты очных отделений государственных и негосударственных вузов всех федеральных округов, проходящие обучение в бакалавриате, специалитете и магистратуре. В выборку попали студенты всех укрупненных профилей обучения, но наиболее представительные группы в выборке (как и в генеральной совокупности (6)) — это шесть профилей обучения: здравоохранение и медицина; инженерное дело; информатика и информационные технологии; экономика, менеджмент, государственное управление; юриспруденция; образование и педагогика.

Итак, неотъемлемым элементом обучения в высшей школе является участие студента в НИР. Сегодня это часть подготовки квалифицированного специалиста, формирования его базовых знаний, практических умений и навыков. Направление подготовки, специализация и возможности, предлагаемые вузами, непосредственно влияют на вовлеченность студентов в научную деятельность [2; 6; 11; 12; 15; 26]. Ее элементами традиционно являются студенческие научные общества (СНО) и студенческие научные кружки (СНК), функционирующие на базе вузов, факультетов или кафедр. Они помогают формировать у студентов практические навыки и умения, способствуют повышению мотивации в обучении, развитию интереса к научно-исследовательской, познавательной деятельности, творческого подхода и самостоятельности. В последние годы во многих российских вузах стали активно формироваться данные объединения, в том числе при поддержке государственных программ и проектов («Наука и университеты», «Приоритет-2030», «Передовые инженерные школы», НОЦ, цифровые кафедры). Так, в рамках

программы «Приоритет-2030» предусмотрена возможность разрабатывать и реализовывать проекты, позволяющие в рамках основных образовательных программ высшего профессионального образования учитывать особенности и склонности студентов, стимулировать их научную активность и создавать научные объединения.

Доля тех студентов, которые в процессе обучения ведут научную работу в разных научных объединениях, в выборке составляет 21 %. Распределение по группам (Рис. 1) показывает, что, например, в группе тех, кто поступил в вуз по результатам олимпиад школьников, в такую работу вовлечен каждый третий (30 %). Необходима активизация деятельности студенческих научных обществ, современные форматы организации научной деятельности студентов (коворкинги, интеллектуальные лаборатории, стартапы). На реализацию этих целей направлена запущенная в 2023 году программа научно-педагогического наставничества в высшей школе, одна из целей которой — согласование и сплочение студенческих научных обществ с советами молодых ученых, работающих в вузе. Как отметил заместитель Председателя Правительства РФ, курирующий программу: «В целях развития системы научного наставничества мы задействуем студенческие научные объединения и советы молодых ученых. Благодаря этому мы получим единый трек профессионального роста молодого ученого — от абитуриента до доктора наук, а также обеспечим поддержку преемственности между поколениями исследователей» (7).

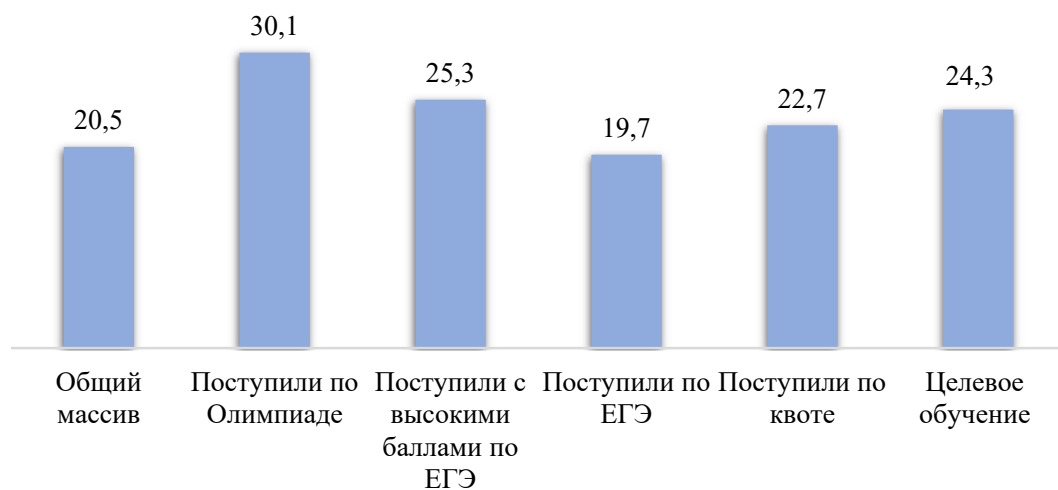

Рис. 1. Участие в работе научных кружков и обществ (в %, в каждой группе)

В ходе анализа данных опроса была выделена группа студентов, для которых одним из значимых мотивов получения высшего образования была «возможность заниматься наукой, научной деятельностью». Их доля относительно невелика — 12 %. Основные мотивы получения высшего образования — это приобретение интересной профессии (51 % ответивших) и возмож-

ность сделать карьеру (46 %), значительная часть (40 %) считает, что высшее образование позволит им получать более высокую зарплату, реже упоминаются мотивы, связанные с социальной мобильностью, — восприятие образования как социального лифта, конкурентоспособность на рынке труда и престижность диплома конкретного вуза.

Вместе с тем вовлечение всех студентов в научную деятельность является важной задачей, которая связана как с запросом на практическую составляющую обучения, так и с ответом на современные вызовы развития [5; 7]. Значимость инициатив вузов по вовлечению студентов в научно-исследовательскую деятельность требует более пристального внимания в части вариантов организации такой деятельности. Аналогичные мнения высказывают и зарубежные исследователи: «целостный подход к обучению моделирует и измеряет вовлеченность и ожидания от обучения в разрезе четырех проявлений вовлеченности — аффективной, социальной, когнитивной и поведенческой. Они связаны с репутацией вуза, благополучием обучающихся, качеством образования, самооффективностью и самооценкой студентов» [18].

В перечне мер, необходимых с точки зрения студентов для повышения качества образования в их вузе, каждый десятый респондент назвал стимулирование научной активности студентов, развитие научных кружков и обществ. Мероприятия и программы, связанные с проведением в России в 2023 году Года педагога и наставника (8), возможно, станут дополнительным стимулом. Так, в 2023 году пилотная программа наставничества студенческих научных объединений со стороны советов молодых ученых начнет действовать в шести вузах: Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Северном (Арктическом) федеральном университете им. М.В. Ломоносова, Государственном академическом университете гуманитарных наук, Московском государственном техническом университете гражданской авиации и Петрозаводском государственном университете (9).

Среди тех обучающихся, кто в качестве мотива получения высшего образования назвал возможность заниматься научной работой, преобладают студенты из Москвы (29 %), Приволжского (16 %) и Центрального (13 %) федеральных округов и Санкт-Петербурга (11 %). Они учатся в государственных вузах, преимущественно в бакалавриате (57 %), и поступили в вуз с высокими баллами ЕГЭ или по результатам олимпиад школьников. Они гораздо активнее, чем их коллеги, участвуют в СНО и СНК (33 % против 21 % по общему массиву) и пытаются получить грантовую поддержку (7 % против 5 %). Они настроены на продолжение обучения в магистратуре или аспирантуре (69 %). Наибольший интерес к научной работе проявляют те, кто дальнейшую профессиональную деятельность связывают, в первую очередь, с научной сферой (50 %), здравоохранением (22 %), информационными технологиями (23 %), культурой и искусством (24 %) и образованием (31 %). Расчет

взвешенных значений по курсам обучения показывает тенденцию роста значимости мотива «занятия научной работой» в ходе обучения — от первого к последнему курсу (Рис. 2). Например, среди первокурсников бакалавриата получение высшего образования связывают с возможностью научной работы 9 %, на четвертом курсе — уже 12 %. У студентов специалитета рост также заметен, хотя он не столь равномерный: 1 курс — 13 %, 4–12 %, 6–16 %. В целом «опыт первого года для студентов чрезвычайно важен, он может определять все дальнейшие образовательные результаты и привести к иным результатам, чем более поздний опыт» [19].

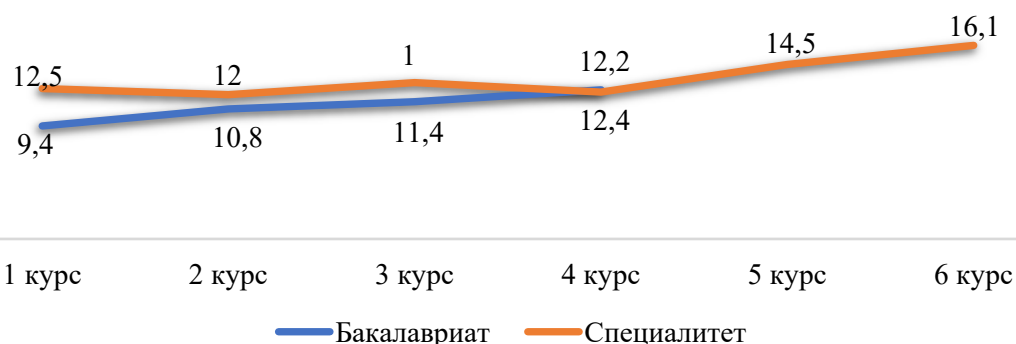

Рис. 2. Мотивация научной деятельностью по курсам обучения (в %)

У студентов бакалавриата снижение интереса к научной работе происходит на втором и четвертом курсах. Возможно, это связано с тем, что у бакалавров меньше времени на самоопределение в профессии (в силу четырех лет обучения), на определение своего научного интереса, приобретение специфического опыта и навыков научной работы, а также меньше возможностей для корректировки образовательной траектории. На специалитете есть возможность осмысленно подойти к своей образовательной траектории, соотносить ее со своими возможностями и интересами, скорректировать с учетом индивидуальных запросов и возможностей вуза. В этой связи широко обсуждаемая модель образования «2+2+2» или обучение по программе специалитета представляется наиболее перспективной, особенно на направлениях естественно-научного профиля, инженерных и технических специальностях.

Планируют связать свою будущую профессиональную деятельность с научной сферой 14 % респондентов (указали, что сфера науки для них — одна из наиболее привлекательных с точки зрения профессиональной реализации). Однако планы студентов изменяются по курсам обучения (Рис. 3).

У студентов бакалавриата интерес к профессии примерно одинаков на всех курсах обучения, но более выражен у тех, кто собирается продолжать обучение в магистратуре. Однако бакалаврская подготовка в текущем ее формате не предполагает системной научной деятельности, т.е. не дает возможности рассматривать ее как будущую профессию. Вероятно, на вто-

ром и третьем курсах бакалавриата необходимо уделять более пристальное внимание выявлению и раскрытию склонностей студентов к научной работе, стимулируя их научный поиск и интерес, вовлекая их в деятельность формальных и неформальных научных объединений и НИР профильных кафедр, поощряя их публикационную активность. Это позволит удержать студентов, ориентированных на науку, в вузе на следующем уровне обучения [5–7]. Предлагается использовать такие формы вовлечения студентов в научную работу, как «неформальное образование (мастер-классы, видеолекции, творческие студии и мастерские, курсы дистанционного обучения, молодежные образовательные форумы)» [15].

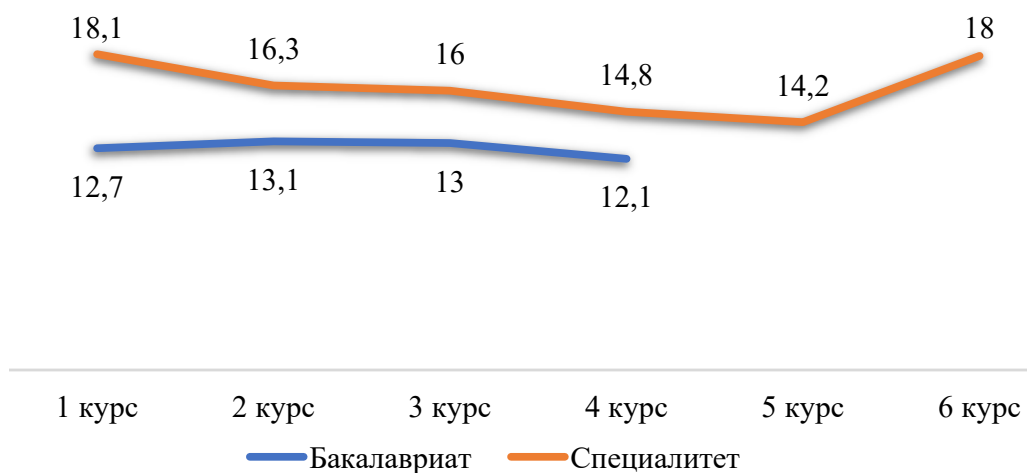

Рис. 3. Планы на работу в научной сфере по курсам обучения (в %)

У студентов специалитета фиксируется некоторое падение интереса к научной работе от первого к пятому курсам. Причины такого снижения, видимо, кроются как в организации научной работы и низкой вовлечения в нее обучающихся, так и во внешних факторах, например, в низком престиже профессии ученого, ее материальных составляющих, отсутствии у студентов понимания этой сферы. К старшим курсам, особенно в специалитете, формируется более взвешенное понимание профессиональной траектории, и научная деятельность уступает место более практичным и понятным сферам занятости. Вероятно, те студенты, кто хотел бы работать в науке, ориентированы на обучение в аспирантуре или магистратуре.

Например, среди студентов Московского университета (N = 5079) «на входе, т.е. при поступлении, возможность заниматься наукой называют значимой мотивацией для получения высшего образования более 11 % студентов. И чем ближе диплом, тем интерес к науке выше. Так, продолжить обучение в России на следующем уровне образования (в магистратуре или аспирантуре) планируют 52 % (по России — 44 %). Научную карьеру намерены стро-

ить 34 % выпускников МГУ (по России — 14 %). В прошлом году мы приняли в аспирантуру 1500 человек, а всего у нас их 3500. И показатели защит в Московском университете — одни из самых высоких в стране. Из 450 защит в прошлом году 403 пришлось на выпускников аспирантуры. Как повысить научную мотивацию молодежи — вопрос по-прежнему актуальный. И здесь, без сомнений, велика роль научных школ, научного руководителя» (10).

Показателем активности и мотивированности являются личные достижения студентов, которые они считают значимыми для себя. Менее половины респондентов (43 %) считают, что не имеют значимых достижений за период обучения в вузе. Однако среди «студентов-высокобалльников» и «олимпиадников» доля таких ответов составляет 35 % и 32 % соответственно, то в группе целевиков (поступивших по целевому набору) их доля превышает 45 %. Основными своими достижениями те, кто заявил об их наличии, считают отличные оценки — 25 %, расширение знаний по информационным технологиям — 15 % и публикацию научных работ — 10 %.

Наличие научных публикаций и высокая успеваемость — наиболее конкретные и значимые достижения для тех, кто планирует связать профессиональную деятельность с наукой. Это подтверждает наше предположение, что на научную работу настроены наиболее мотивированные и подготовленные студенты. В группе студентов, ориентированных на научную деятельность, личные достижения распределились следующим образом: отличные результаты обучения — 31 %, публикация научных работ — 20 %, расширение знаний в области информационных технологий — 18 %, успехи в изучении иностранного языка — 11 %, приглашение на работу по специальности — 10 %. Отметим, что за время обучения не имеют достижений 37 %, что меньше общего показателя по выборке, т.е. мотивация на научную работу на входе в вуз практически у трети респондентов подтверждается собственными усилиями в процессе обучения.

Обучение в вузе предполагает и выполнение обязательной НИР в рамках подготовки курсовых и дипломных проектов. Как правило, этот вид учебной деятельности выполняется под руководством опытного наставника — преподавателя вуза [3; 17]. Треть студентов отметили, что пока еще не имеют научного руководителя и не могут оценить опыт такого взаимодействия (преимущественно студенты первых курсов). Те обучающиеся, кто к моменту опроса уже имели опыт работы с научным руководителем, высказали достаточно высокую степень удовлетворенности этим взаимодействием — оно полностью устраивает половину опрошенных. Несколько более требовательны в этом вопросе высокобалльники и олимпиадники (по 48 %), менее — целевики (52 %).

Коммуникация с научным руководителем, судя по ответам студентов, происходит в стандартном формате [4; 14] и задействует все возможные ре-

сурсы и формы (Табл. 1). Традиционными формами взаимодействия с научным руководителем независимо от формата организации учебного процесса (очного, гибридного или дистанционного) остается удаленное общение с использованием электронной почты и мессенджеров, но более половины респондентов (53 %) общаются с научным руководителем и на личных консультациях. По сравнению с предыдущими замерами респонденты стали чаще прибегать к онлайн конференциям [6].

Таблица 1

Формы взаимодействия с научным руководителем (в %)

Варианты ответа	Поступили по олимпиаде	С высокими баллами ЕГЭ	По результатам ЕГЭ	По квоте	По целевому набору
Используется электронная почта	70,2	72,5	70	66,8	66,9
Есть возможность личных консультаций	61,1	57,7	53,5	46,8	48,2
Используются мессенджеры	50,6	50,8	50,1	46,2	45,7
Общение носит несистемный характер (на учебных занятиях, переменах)	21,3	20,9	22,4	19,7	19,3
Общение идет в режиме конференции на определенной платформе	12,4	9,7	7,2	8,7	7,6
Взаимодействие фактически отсутствует	4,7	5,6	6	7,2	7,8

Поступившие по олимпиадам и с высокими баллами ЕГЭ более активны и заинтересованы во взаимодействии с научным руководителем: практически по всем форматам работы их доли ответов несколько выше, чем в среднем по массиву. В этих группах фиксируется запрос на личное взаимодействие либо очно, либо в формате видеоконференции (например, у олимпиадников — 61 % и 12 % соответственно).

Относительно организации научного наставничества в вузах можно отметить, что сложившиеся традиции передачи знаний и опыта от преподавателя к студенту, формирование научных школ и индивидуальная подготовка учеников успешно реализуются и сегодня. Негативным фак-

тором выступает, прежде всего, большое количество студентов на одного научного руководителя, наставника. Этот вид нагрузки в вузах достаточно высок и неуклонно растет: в настоящее время нагрузка на преподавателя составляет в среднем 6 дипломников и 17 курсовых работ или проектов (11). Такая занятость снижает эффективность научного взаимодействия и не способствует индивидуализированному подходу к студенту, что может снижать мотивацию обучающегося, интерес к учебе в целом и научной деятельности в частности. Решением проблемы может стать привлечение к руководству курсовыми работами аспирантов, которые могли бы взять часть технических и вводных функций на себя, тем самым разгрузив своего научного руководителя. Кроме того, такая работа была бы полезна студенту и его наставнику-аспиранту в плане обмена практическим опытом и навыками, способствовала бы неформальной коммуникации, а также вовлечению в научную деятельность и работу формальных и неформальных научных обществ и объединений более широкого круга участников.

Поскольку при поступлении в вуз на научную работу ориентирована относительно небольшая часть студентов, задача российской высшей школы — поддержать мотивацию студентов к научной деятельности и заинтересовать научно-исследовательской работой и тех, кто изначально имел другие приоритеты. Решение этой задачи требует индивидуализированного подхода к каждому студенту и времени для раскрытия талантов и склонностей обучающегося, формирования его научного интереса и вовлечения в научную деятельность. Проведенное исследование подтверждает, что модель образования «2+2+2» на базе специалитета или интегрированной магистратуры позволяет решить данную задачу наиболее успешно, а привлечение к научному наставничеству аспирантов должно положительно отразиться на взаимодействии научного руководителя, студента, научных объединений и сообществ в вузах, обеспечить преемственность научной работы, стимулировать научную активность всех ее участников. Реализуемые в настоящее время федеральные программы и проекты выступают дополнительным стимулом в поддержании и расширении интереса студентов к научной деятельности.

Примечания

- (1) Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 231 // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/WiWS6wA3UWh0h5dWnOndvYMgdY7pJlkA.pdf>.
- (2) Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 10 «Структура системы образования» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698>.
- (3) Молодым ученым нашли определение. 09.09.2022 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5549539>.
- (4) Выступление В. Фалькова на заседании комитета советников Высшей аттестационной комиссии. 06.10.2022 // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/15972589>.

- (5) Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2022 год // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php>.
- (6) Лидирующие направления по росту бюджетных мест. 13.05.2021 // URL: <https://rg.ru/2021/05/13/falkov-nazval-lidiruiushchie-napravleniia-po-rostubiudzhethnyh-mest-v-vuzah.html>; На какие специальности в вузах самый большой спрос // Skillbox, 13.08.2022. URL: <https://skillbox.ru/media/education/stalo-izvestno-na-kakie-spetsialnosti-v-vuzakh-samyu-bolshoy-spros>.
- (7) В России запустят программу научного наставничества. 10.03.2023 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/17236941>.
- (8) Указ Президента Российской Федерации о проведении в Года педагога и наставника № 401 от 27 июня 2022 года // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/photo1656329380.jpeg>.
- (9) В России запустят программу научного наставничества. 10.03.2023 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/17236941>.
- (10) Интервью ректора МГУ им. М.В. Ломоносова, академика В.А. Садовниченко. 03.04.2023 // URL: <https://rg.ru/2023/04/03/sovet-rektora.html>.
- (11) Преподавательские практики сотрудников вузов и научных организаций: информационный бюллетень / М.А. Кирюшина, Я.И. Алексеева, В.Н. Рудаков. М., 2023.

Библиографический список

1. Бершадская М.Д., Серова А.В., Чепуренко А.Ю., Зима Е.А. Компетентностный подход к оценке образовательных результатов: опыт российского социологического образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2.
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная неуспешность учащихся и студентов как социальный феномен: методология исследования // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5.
3. Зырянов В.В. Научный руководитель: между вызовами времени и реалиями высшего образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10.
4. Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. № 9.
5. Дождииков А.В., Чичерина О.В. О повышении эффективности системы конкурсов, грантов и олимпиад для российских студентов как элемента внеучебной деятельности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 10.
6. Елькина И.Ю. Факторы вовлеченности студентов в учебный процесс в условиях дистанционного обучения // Образовательные ресурсы и технологии. 2022. № 1.
7. Ильина И.Е., Жарова Е.Н., Королева Н.Н. Поддержка молодых исследователей: зарубежные практики и возможность их применения в России // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 3.
8. Малошонок Н.Г. Студенческая вовлеченность в учебный процесс: методология исследований и процедура измерения // Социологические исследования. 2014. № 3.
9. Малошонок Н.Г., Щеглова И.А. Модели организации обучения студентов в университете: основные представления, преимущества и ограничения // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2.
10. Маметьева О.С., Супрун Н.Г., Халикова Д.А. Научно-исследовательская работа студентов вуза: результативность и проблемы организации // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1.
11. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
12. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3.

13. *Стромов В.Ю., Сысоев П.В.* Модель организации научно-исследовательской деятельности студентов в вузе // *Высшее образование в России*. 2017. № 10.
14. *Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Вишневская А.В.* Культура коммуникации преподавателя и студента как матрица формирования «soft skills» выпускника // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 12.
15. *Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В.* Характеристики личности и активности студентов как предикторы степени реального и предпочтительного участия в образовательно-развивающей деятельности // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 1.
16. *Шапошникова Н.Ю.* Планирование индивидуального развития студентов Великобритании: модели реализации // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 4.
17. *Atkins K., Dougan B.M., Dromgold-Sermen M.S. et al.* “Looking at myself in the future”: How mentoring shapes scientific identity for STEM students from underrepresented groups // *International Journal of STEM Education*. 2020. Vol. 42. No. 7.
18. *Bowden J.L.-H., Tickle L., Naumann K.* The four pillars of tertiary student engagement and success: A holistic measurement approach // *Studies in Higher Education*. 2021. Vol. 46. No. 6.
19. *Bowman N.A., Holmes J.M.* Getting off to a good start? First-year undergraduate research experiences and student outcomes // *Higher Education*. 2018. Vol. 76.
20. *Cain L, Goldring J, Westall A.* Seeing behind the curtain: Reverse mentoring within the higher education landscape // *Teaching in Higher Education*. 2022. October.
21. *Carini R.M., Koh G.D., Klein S.P.* Student engagement and student learning: Testing the linkages // *Research in Higher Education*. 2006. Vol. 47. No. 1.
22. *Ferrer J., Ringer A., Saville K., Parris M.A., Kash K.* Students’ motivation and engagement in higher education: The importance of attitude to online learning // *Higher Education*. 2022. Vol. 83.
23. *Guo J.-P., Yang L.-Y., Zhang J., Gan Y.-J.* Academic self-concept, perceptions of the learning environment, engagement, and learning outcomes of university students: Relationships and causal ordering // *Higher Education*. 2022. Vol. 83.
24. *Kahu E.R., Nelson K.* Student engagement in the educational interface: Understanding the mechanisms of student success // *Higher Education Research & Development*. 2018. Vol. 37. No. 1.
25. *Lardy L., Bressoux Pr.P., Clercq M.D.* Achievement of first-year students at the university: A multilevel analysis of the role of background diversity and student engagement // *European Journal of Psychology of Education*. 2022. Vol. 37.
26. *Patrzek J., Sattler S., Veen F., Grunschel C., Fries S.* Investigating the effect of academic procrastination on the frequency and variety of academic misconduct: A panel study // *Studies in Higher Education*. 2015. Vol. 40. No. 6.
27. *Ryan R.M., Deci E.L.* Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions // *Contemporary Educational Psychology*. 2020. Vol. 61.
28. *Smyth L., Davila F., Sloan T. et al.* How science really works the student experience of researched education // *Higher Education*. 2016. Vol. 72.
29. *Stewart M., Stott T., Nuttall A.-M.* Study goals and procrastination tendencies at different stages of the undergraduate degree // *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 41. No. 11.
30. *Tight M.* Student retention and engagement in higher education // *Journal of Further and Higher Education*. 2020. Vol. 44. No. 5.
31. *Trolian T.L., Jach E.A., Archibald G.C.* Shaping students’ career attitudes toward professional success: Examining the role of student faculty // *Interactions Innovative Higher Education*. 2021. Vol. 46.
32. *Xerri M.J., Radford K. & Shacklock K.* Student engagement in academic activities: A social support perspective // *Higher Education*. 2018. Vol. 75.

Students' engagement in research at the university: A sociological analysis*

N.P. Narbut^{1,3}, I.A. Aleshkovski², A.T. Gasparishvili^{1,2,3}, O.V. Krukhmaleva^{1,2},
N.E. Savina²

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

³Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Abstract. One of the priorities of Russia's scientific-educational policy is to increase the attractiveness of a career in science and higher education. The Russian government implements a number of federal programs aimed at involving the youth in research activities. Students' research work is a traditional integral part of the educational process, an element of the generational continuity, of the formation and renewal of scientific schools, of tutoring and professional training. However, when students are involved in research, there are difficulties determined by the peculiarities of the organization of the higher education and by the students' personal characteristics. The article considers the features of the participation of the Russian universities' students in research, their scientific achievements and problems that limit or hinder their involvement in research activities, reduce their motivation and satisfaction with studies in general. The article is based on the survey of the Russian universities' students, conducted by the Center for Education Development Strategy of the Moscow State University in November — December 2022 (N = 123977). The results of the survey show that, when studying at the university, students differ significantly in the quality and forms of training, realization of individual abilities and inclinations, level of motivation and requests for higher education. Therefore, the educational process should be organized in such a way as to comprehensively realize the students' individual abilities, provide a flexible approach to educational trajectories and support the involvement of the majority of students in research activities.

Key words: students; higher education; research activity; tutorship; motivation; engagement; individual educational trajectories; educational results

References

1. Bershadskaya M.D., Serova A.V., Chepurenko A.Yu., Zima E.A. Kompetentnostny podkhod k otsenke obrazovatelnykh rezultatov: opyt rossijskogo sotsiologicheskogo obrazovaniya [Competence-based approach to the evaluation of learning results: Russian experience in sociological education]. *Higher Education in Russia*. 2019; 28 (2). (In Russ.).

*© N.P. Narbut, I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, N.E. Savina, 2023
The article was submitted on 07.02.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

2. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Obrazovatel'naya neuspeshnost uchashchikhsya i studentov kak sotsialny fenomen: metodologiya issledovaniya [Educational failure of students as a social phenomenon: Research methodology]. *Higher Education in Russia*. 2020; 29 (5). (In Russ.).
3. Zyryanov V.V. Nauchny rukovoditel: mezhdru vyzovami vremeni i realiyami vysshogo obrazovaniya [Research supervisor: Between the challenges of time and realities of higher education]. *Higher Education in Russia*. 2019; 28 (10). (In Russ.).
4. Gavrilova E.V., Ushakov D.V., Yurevich A.V. Translyatsiya nauchnogo opyta i lichnostnoe znanie [Transfer of scientific experience and personal knowledge]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 9. (In Russ.).
5. Dozhdikov A.V., Chicherina O.V. O povyshenii effektivnosti sistemy konkursov, grantov i olimpiad dlya rossijskih studentov kak elementa vneuchebnoj deyatel'nosti [On improving the efficiency of the system of competitions, grants and olympiads for Russian students as an element of extracurricular activities]. *Higher Education in Russia*. 2022; 31 (10). (In Russ.).
6. Elkina I.Yu. Faktory vovlechnosti studentov v uchebny protsess v usloviyah distantsionnogo obucheniya [Factors of student engagement in the educational process in distance learning]. *Obrazovatel'nye Resursy i Tekhnologii*. 2022; 1. (In Russ.).
7. Il'yina I.E., Zharova E.N., Koroleva N.N. Podderzhka molodyh issledovatelej: zarubezhnye praktiki i vozmozhnost ih primeneniya v Rossii [Support for young researchers: International practices and the possibility of their application in Russia]. *Integratsiya Obrazovaniya*. 2020; 24 (3). (In Russ.).
8. Maloshonok N.G. Studencheskaya vovlechnost v uchebny protsess: metodologiya issledovaniy i protsedura izmereniya [Student involvement in the educational process: Research methodology and measurement]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 3. (In Russ.).
9. Maloshonok N.G., Shcheglova I.A. Modeli organizatsii obucheniya studentov v universitete: osnovnye predstavleniya, preimushchestva i ogranicheniya [Models of the organization of students' university studies: Basic concepts, advantages and limitations]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2020; 24 (2). (In Russ.).
10. Mametieva O.S., Suprun N.G., Khalikova D.A. Nauchno-issledovatel'skaya rabota studentov vuza: rezul'tativnost i problemy organizatsii [Research work of university students: Efficiency and problems of organization]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2018; 1. (In Russ.).
11. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennye plany rossijskih studentov: ozhidaniya i opaseniya v professional'noy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
12. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennye plany rossijskoy studencheskoy molodezhi: gendernye i inye razlichiya v otsenkah sobstvennykh perspektiv na rynke truda [Russian students' life plans: Gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 3. (In Russ.).
13. Stromov V.Yu., Sysoev P.V. Model organizatsii nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti studentov v vuze [Model of the organization of students' research activity]. *Higher Education in Russia*. 2017; 10. (In Russ.).
14. Chevtaeva N.G., Nikitina A.S., Vishnevskaya A.V. Kultura kommunikatsii prepodavatelya i studenta kak matritsa formirovaniya "soft skills" vypusknika [Communication Culture as a Matrix for Graduate's "Soft Skills" Development]. *Higher Education in Russia*. 2020; 29 (12). (In Russ.).
15. Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevsky E.V. Kharakteristiki lichnosti i aktivnosti studentov kak prediktory stepeni real'nogo i predpochtitel'nogo uchastiya v obrazovatel'no-razvivayushchej deyatel'nosti [Characteristics of students' personality and activity as predictors of the real and preferred participation in education-development activities]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*. 2022; 55 (1). (In Russ.).

16. Shaposhnikova N.Yu. Planirovanie individualnogo razvitiya studentov Velikobritanii: modeli realizatsii [Personal development planning of the UK students: Implementation models]. *Higher Education in Russia*. 2020; 29 (4). (In Russ.).
17. Atkins K., Dougan B.M., Dromgold-Sermen M.S. et al. “Looking at myself in the suture”: How mentoring shapes scientific identity for STEM students from underrepresented groups. *International Journal of STEM Education*. 2020; 42 (7).
18. Bowden J.L.-H., Tickle L., Naumann K. The four pillars of tertiary student engagement and success: A holistic measurement approach. *Studies in Higher Education*. 2021; 46 (6).
19. Bowman N.A., Holmes J.M. Getting off to a good start? First-year undergraduate research experiences and student outcomes. *Higher Education*. 2018; 76.
20. Cain L., Goldring J., Westall A. Seeing behind the curtain: Reverse mentoring within the higher education landscape. *Teaching in Higher Education*. 2022; October.
21. Carini R.M., Koh G.D., Klein S.P. Student engagement and student learning: Testing the linkages. *Research in Higher Education*. 2006; 47 (1).
22. Ferrer J., Ringer A., Saville K., Parris M.A., Kash K. Students’ motivation and engagement in higher education: The importance of attitude to online learning. *Higher Education*. 2022; 83.
23. Guo J.-P., Yang L.-Y., Zhang J., Gan Y.-J. Academic self-concept, perceptions of the learning environment, engagement, and learning outcomes of university students: Relationships and causal ordering. *Higher Education*. 2022; 83.
24. Kahu E.R., Nelson K. Student engagement in the educational interface: Understanding the mechanisms of student success. *Higher Education Research & Development*. 2018; 37 (1).
25. Lardy L., Bressoux Pr.P., Clercq M.D. Achievement of first-year students at the university: A multilevel analysis of the role of background diversity and student engagement. *European Journal of Psychology of Education*. 2022; 37.
26. Patrzek J., Sattler S., Veen F., Grunschel C., Fries S. Investigating the effect of academic procrastination on the frequency and variety of academic misconduct: A panel study. *Studies in Higher Education*. 2015; 40 (6).
27. Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*. 2020; 61.
28. Smyth L., Davila F., Sloan T. et al. How science really works: The student experience of researched education. *Higher Education*. 2016; 72.
29. Stewart M., Stott T., Nuttall A.-M. Study goals and procrastination tendencies at different stages of the undergraduate degree. *Studies in Higher Education*. 2016; 41 (11).
30. Tight M. Student retention and engagement in higher education. *Journal of Further and Higher Education*. 2020; 44 (5).
31. Trolian T.L., Jach E.A., Archibald G.C. Shaping students’ career attitudes toward professional success: Examining the role of student faculty. *Interactions Innovative Higher Education*. 2021; 46.
32. Xerri M.J., Radford K., Shacklock K. Student engagement in academic activities: A social support perspective. *Higher Education*. 2018; 75.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-272-283

EDN: TVVXMU

Features of the Russian volunteer movement*

N.L. Bagramyants¹, M.L. Ivleva²

¹ Bauman Moscow State Technical University,
2nd Baumanskaya St., 5/1, Moscow, 105005, Russia

² RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: nonnalev@yandex.ru; ivleva-ml@rudn.ru)

Abstract. The article considers features of the Russian volunteer movement based on the qualitative criteria, including historical retrospection, and the method of unstructured interview. The authors describe the key characteristics of three models of the Russian volunteering — pre-revolutionary, Soviet and contemporary — and conclude that volunteering in Russia has always been perceived by the public opinion as a kind of cooperative project uniting citizens. The article provides an overview of the legislative framework of the contemporary Russian volunteer movement and of its most popular areas which are mainly associated with ensuring human security. The authors identify and systematize the problems of the Russian volunteer movement and name among the most pressing ones the relationship of volunteer organizations with the state, which can lead to a spiral of silence in the Russian society and hinder the cognitive and emotional involvement of people in the volunteer movement. The article also mentions the influence of the special military operation on the civil activity of the Russian population. The preliminary research results show the emerging shift in the society's attitude to volunteering, which is manifested in a certain loss of interest in supporting civil initiatives due to paying more attention to one's family and close social circle. The authors argue that the specifics of the Russian volunteer movement is determined by its non-political nature 'from below' and focus on the goals of ensuring human security. Thus, not only the state influences the individual, which is typical for the Russian society and history, but also the individual through volunteering influences the state that cannot ignore the powerful social request for justice.

Key words: Russia; volunteering; models of Russian volunteering; types of Russian volunteers; humanitarian security; Russian society

In the volunteer movement in Russia, there is a direct dialogue between social and political actors — as a way of political communication between society and the state, which shows to what extent policies affect social solidarity and to what extent social solidarity affects the stability of political structures and the course of political

*© N.L. Bagramyants, M.L. Ivleva, 2023

The article was submitted on 24.11.2022. The article was accepted on 13.04.2023.

processes. The success of this communication determines the legitimacy of the political elite [7] and is determined by the society's approval of their activities, exercises of power, and governance [45].

There are many empirical and theoretical studies of the Russian volunteer movement, which consider it primarily as a sociological [22; 30; 31], philosophical [35; 37] and political [21; 24] phenomenon. Researchers mostly identify its ambivalent nature: on the one hand, people would like to get free from social obligations to the state; on the other hand, the neopatrimonial political system does not give them such an opportunity. The balance between political pressure and motives for gratuitous assistance has not been found yet, and these two remain the driving forces of Russian volunteering in many ways.

Three models of Russian volunteering

In Russia, the focus is traditionally on the state rather than society due to the “fusion of the authorities and the economic sphere; the forms of their connection have changed over the course of history, but even today their inseparable unity remains, which is directly reflected in the political life” [49]. These circumstances led to three key models of charity and volunteerism in the Russian political tradition and culture [20].

The first one was created in pre-revolutionary Russia—social and environmental volunteering prevailed. It aimed at helping to find a job, preventing impoverishment and illiteracy, distracting from drinking and smoking, healthcare, and protecting the environment. The Sisters of Mercy communities [4] and the Russian Red Cross Society [5] assisted the state in natural disasters and on the battlefields of the First World War. Volunteering in pre-revolutionary, imperial Russia had two features — autonomous participation (people were involved not by force, but voluntarily, believing that participation in volunteer organizations was a civil duty), and being “the result of the state's inability to independently solve social problems” [17]. There was a sense of “common cause” in the Russian society, based on the idea of citizenship and solidarity created by the Russian Orthodoxy and socialism in the 19th century — as an interpretation of the people as a single collective personality, “society without government, the accomplishment of Christianity” [19]. Volunteering was perceived as a cooperative project for uniting citizens.

The second, Soviet, model of Russian volunteerism has similarities with the first as determined by the limited capabilities of the state to independently solve social problems and sometimes even by their outright neglect (like under the state terror in the 1930s). The difference from the first model was the key principle of participation — not autonomous but forced by such political organizations as Pioneer, *Komsomol* and party. In imperial Russia, volunteers could to a certain extent influence decision-making in the field of social and humanitarian security, especially at the local level, while in the Soviet period, volunteer movement became the result of external mobilization.

However, there was a paradoxical nuance. Objectively, there was no ‘voluntariness’ (people could not but accept the state’s mobilization call), which created a spiral of silence [27]. For example, *subbotniks*, introduced in 1919 by V. Lenin, initially were the voluntary, free, traditional, collective, socially useful labor on Saturdays, but turned into a massive, forced activity with an illusory approval by the majority (due to the fear of social isolation and obstruction) [32]. Subjectively, participation in the volunteer movement was perceived as a completely independent decision, which was true in many cases — people often wholeheartedly accepted the social, collectivist ideals of communism [50]. “However, there was no truly socialist consciousness due to ideological failures, which denied many fruitful ideas from the Russian historical heritage as ‘class alien’” [44]. One needed public space for free social communication in the atmosphere of sincere unity and common interests, and voluntary labor provided a chance for common cause and communication. Thus, All-Russian Voluntary Fire Society, All-Union Voluntary Society for the Fight for Sobriety, All-Union Voluntary Society of Book Lovers, Voluntary Society for Assistance to the Army, Aviation and Navy, and many others were created.

Communist construction projects in Bratsk, Krasnoyarsk, Irkutsk and other Siberian cities in the 1950s–1960s are of particular interest: voluntary labor took the form of a collective common cause and social solidarity reminding of the ideals of pre-revolutionary volunteering: people heard about the new construction site and left to help, although they knew that at first they would not work in their specialty and would receive a much less salary [1]. The scale of volunteering reflected the internal revival of the Soviet society in the 1960s, which was called *ottepel* (thaw). The volunteer movement became the organizing force of new mobilization — as a kind of popular counterbalance to the coercive state machine [38]. “In Siberia, not in Moscow, there was a genuine Russian-Soviet, people’s truth, a space of freedom and a new political space in some way reminding of republicanism. Accumulation of many individual freedoms in one common will was launched ‘from below’” [15].

In 1954, the state started to cultivate virgin and fallow land in order to solve the country’s food security problems — *tselina* project. Young people from different towns and villages moved to the southern regions to serve the country [15]. However, the state remained communist, and, despite the voluntary impulse of citizens, the authorities continued to force people to participate in state projects. The possibilities of the society to influence the authorities’ choice of the strategic development vector were limited for many reasons: ideology, policies and scarce economic resources. But the people’s sustainable social structures supported most decisions that change the fate of the state (for instance, the Organized Volunteer Movement saved the government) — the idea of common destiny and common space is still considered a measure of all other values.

At the same time, the Russian society was worried about its possible future, which in the late 1980s led to the formation of the third, post-Soviet, model

of volunteering. In the 1990s, the level of social security was extremely low, and most threats were determined by the interrelated negative economic and social factors, including the danger of a social explosion. Personal safety and decriminalization of the society were needed, but the state could not launch or implement relevant social programs. The first informal associations of citizens were established (NGOs) and aimed primarily at ensuring human and social security. These organizations united different people, and their activities contributed not only to solving specific problems, but also to the national unity and communication between society and the state. The post-Soviet model of volunteering in Russia is characterized by the dialectic of autonomous and forced participation under the general weakness of the state.

Organization of Russian volunteering

Volunteering in Russia is regulated by federal laws. The main one is the Federal Law No. 135 “On Charitable Activities and Volunteerism (Volunteering)” of August 11, 1995. There is also the Federal Law of May 19, 1995, No. 82 “On Public Associations” and the Federal Law of June 28, 1995, No. 98 “On the State Support of Youth and Children Public Associations”. The laws define all volunteering terms, set the rights and obligations of the volunteer and organizers of volunteer activities, and the rules for interaction between the authorities and volunteer organizations. Some regions adopted local laws on volunteering.

In Russia, there are many ‘horizontal’ civil initiatives from below, including unofficial volunteering built on personal agreements, for example, helping neighbors. There are also official volunteer communities supported by the state, for example, Volunteers of Culture, uniting people who aim at preserving the peoples’ cultural heritage and the historical appearance of small towns (1). There are three clusters of online volunteer communities in terms of their internal organization and mechanism of creation: online volunteer communities as social franchises (volunteers solve a social problem); online volunteer service communities organized for special events such as sports; volunteer online communities of direct action, which aim at solving specific problems [39]. One way or another, these online volunteer communities are involved in offline activities.

Anyone can find a suitable volunteer activity on Dobro.ru with more than 3 million registered volunteers and 34 thousand registered organizations (2). Volunteer courses are based on real cases (3). Volunteers work with charity foundations, NGOs, volunteer centers of universities and colleges, government agencies [6]. There are resource centers for volunteering — regional organizations that support and develop volunteerism, coordinate volunteers, provide them with methodological materials, train leaders of volunteer associations as effective managers. For example, in Moscow, this is the Mosvolonter Center (4). By 2024, such centers will work in every Russian region.

In 2018, the Year of the Volunteer, the Concept for the Development of Volunteerism (Volunteering) until 2025 was approved (5). The Concept ensures the methodological, information, consulting, educational and resource support for volunteer activities in the institutions of social services, education, healthcare and assistance in emergency situations. According to the Concept, volunteering is to be developed in various professional and social groups, ages and family forms, based on the regional and local traditions of volunteering.

The position of business is of great importance for the volunteer movement. The Social Charter of the Russian Business sets the principles of the corporate social responsibility and volunteering. Although such social responsibility is determined by the business' economic interests, it ultimately contributes to the common social good [41].

According to the survey conducted on September 23–29, 2021, from 2018 to 2021, there was an “increase in the activity of Russians in terms of gratuitous assistance to the poor and victims of natural disasters — from 38 % to 45 %. Russians began to donate more to socially useful purposes (21 % in 2020 and 28 % in 2021) and unite to solve common problems (13 % and 19 %). At the same time, the share of those giving alms decreased” [10]. The survey from August 2, 2021, showed that most often Russians participate in the collective repair of doorways/houses (24 %) and elections (22 %), and help people in difficult situations (20 %) [40]. According to the online survey from November 25 to December 1, 2021, the number of volunteers increased eightfold since 2013, and volunteers mainly help those in need of medical or special care (19 %), children (18 %), pensioners (18 %), animal shelters (16 %), and charity organizations (13 %) [42]. The first large-scale study of the youth volunteering in Russia [34] (31,257 students from 78 regions) provided the following social portrait of the student volunteer: unmarried girl aged 18 to 22, a bachelor's student, engaged in sports, cultural or social activities, who still finds time to relax with friends.

The most demanded areas of the Russian volunteer movement

The search and rescue movement had the greatest impact on the ideology and scale of the Russian volunteer movement, largely due to the well-known Liza Alert (6). It was created in 2010 and named after the four-year-old girl Liza Fomkina, who was lost in the forest near Moscow with her aunt, and for five days nobody searched for them. Only when information appeared on the Internet, hundreds of people began the search on their own, but the girl was found dead on the tenth day. Liza Alert does not accept financial assistance, does not have accounts or virtual wallets, you can donate only the necessary equipment (drones, thermal imagers, etc.). Both small and huge groups are formed for searches, and the main thing is coordination of rescuers and coordination of volunteers with the law enforcement agencies.

There are thousands of volunteers-rescuers in Russia. In May 2022 alone, Liza Alert received 3,641 requests to search for missing people: 2517 were found alive, 161 — dead, and the search for those not found continues (7). In Russia, there are more than a hundred different names of search teams, but Liza Alert is the largest one, with a single ‘how to search’ system, training grid and uniform requirements.

According to the survey, search and rescue and volunteering in emergency situations is not popular among students — they are not ready to risk their health and life. The most popular areas of volunteer activity among students are social (71 %), event (47 %) and environmental (39 %) [33]. However, the pandemic had a huge impact on the volunteer movement in Russia, mainly contributing to the development of local, pedagogical and psychological volunteering. During the pandemic, with the support of business and the state, new horizontal network structures of volunteerism developed (such as the All-Russian #WeTogether): about 7 thousand people were volunteers in hospitals, and the #WeTogether platform became an aggregator of civil activities [43]. Based on the federal initiative “Volunteers of Enlightenment” and the project “Help to Study at Home”, students and teachers developed the IT volunteering by assisting in remote classes and tutoring sessions with schoolchildren, weak students and undergraduates [25].

The NGOs also strengthened coordination throughout Russia under the pandemic. The NGO coalition “Caring Nearby” focused on helping elderly people in self-isolation, lonely ones and those without Internet access. In Yakutia, the project “Get Better!” aimed at helping doctors and medical institutions working with covid-19 patients (volunteers brought lunches to the Yakutsk City Hospital No. 2 at the time of its quarantine).

There are many real heroes among volunteers like Elizaveta Aleshina from Tula: she died of a serious illness in early June 2022 at the age of 25, and she was a volunteer for 15 years, starting from children’s events and later organizing assistance to the elderly. She said: “Volunteering became an integral part of my life, I have been volunteering for more than 12 years. Many people ask me why I need this, why to work for free? For me, this is a call of my soul, new acquaintances, communication, positive emotions, training and a great experience” [36]. Such examples show that there is a huge potential of unity in society at the everyday level, which helps state institutions and citizens interact with each other on the initiative from below and proves the need for cooperation in solving the most acute social problems and ensuring social security.

The peculiarity of the concept “security” is that the emphasis in its analysis and practical implementation is not so much on the security as on the individual for “being human has various specific requirements” [14]. Human security is the foundation for human development as both an analytical tool and a real policy [8]. The key areas of Russian volunteering correspond to a three-part system of humanitarian security, consisting of physical, biological/environmental, and social spheres [48]. The physical sphere includes natural disasters (earthquakes, tsunamis, typhoons,

floods, tornadoes, etc.), biological/environmental– epidemics, pandemics, climate change, social — societal, political and economic problems. The volunteer movement in Russia focuses on human security — gratuitous assistance to the poor and victims of natural disasters; assistance in life difficulties and food delivery; environmental protection; search for people; cultural development of urban areas.

Opinion polls show interesting trends. According to the survey from February 17–21, 2022, Russians are most afraid of “illness of loved ones, children” (56 %), “war” (53 %) and “illness, loss of working capacity” (41 %). As the main problems of society, respondents name “rising prices” (62 %), “corruption, bribery” (38 %) and “poverty, impoverishment of the majority of the population” (37 %) [13]. In March, after the start of the special military operation in Ukraine, the majority supported the actions of the Russian armed forces, especially those who approve the president’s actions, the older generations, and those who live in small cities and rural areas: 53 % “definitely support”, 28 % “rather support”; 14 % “do not support”; 6 % found it difficult to answer [12]. In March, the approval of the main state institutions also increased significantly: the activities of the president were approved by 83 %, of the prime minister — by 71 %, the government — 70 %, the State Duma — 59 % [3]. Thus, those who feared war in February were replaced by those who “definitely support” it in March, and the fear of rising prices and poverty also decreased. This paradox can be explained as follows: respondents were convinced that the war would be ended by military means, which was supported by the legislative use of the term “special operation” instead of the term “war”, by the regular reminder that the conflict in eastern Ukraine began 8 years ago, and by the conviction in the justice of the special operation as based on deep religious and cultural grounds.

In June–July, Russians’ attention to the special operation was declining, while the support of the Russian armed forces in Ukraine remained high (20 % did not support it). There is growing confidence in the Russian society that the special operation would continue for a long time (a third of Russians mentioned six months) [11], but in general Russians assessed the country’s economic situation more optimistically than in March.

The growing confidence of respondents that they would not lose their jobs and would not experience a decrease or delay in wages supported the consumer demand [16] and affected the desire to participate in the volunteer movement in two ways. On the one hand, people saw that the state emphasized the need to solve important social-economic problems, i.e., strived to fulfill its social obligations and maintain the quality of life, which determined the positive attitude to volunteering. On the other hand, there was a decrease in civil activity over the past 12 months [9]. The most common types of civil engagement still were gratuitous assistance to the poor and those affected by natural disasters (44 %), educational events (30 %), donations to social purposes (26 %), and collective solving of common problems and protecting rights (16 %). However, only 8 % were engaged in volunteering over the past 12 months. More and more people were increasingly family-oriented, being

socially passive. There is an emerging shift in the society's attitude to volunteering, which cannot be identified as a trend without further research, but such moods were confirmed by the unstructured interviews conducted with 528 respondents (18+) in 34 localities of 10 subjects of the Russian Federation.

Problems of the Russian volunteer movement

The key problems of the volunteer movement are its heterogeneity, imbalance between official and unofficial activities, public misunderstanding of the difference between volunteers and service personnel, consumerist perception of volunteers by many state and non-state organizations, which results in volunteers' emotional burnout, disorganization and disunity of volunteer organizations [2].

However, the main problem is the relationship of volunteer organizations with the state due to the lack of the tradition of contractual, law-based relationship between the state and society and of the institutional understanding of the state, which pushes people away from official volunteering. This does not mean that there are no spontaneous social contracts in Russia. For instance, in 2015, there was the so-called Crimean consensus — the state informed the population that in order to live in a prosperous state in the future, they should tighten their belts, and the population agreed. Another example is the pandemic consensus in 2019: in exchange for the citizens' patience, the state promised to solve the economic crisis after lockdowns and to preserve the health of the population. Both agreements broke up for different reasons, but the main one was the insecurity of the contract due to the lack of trust.

In Russia, relations between the state and society have the character of the state patronage, which has a direct impact on the volunteer movement. In 2020, the studies of the civil society in Russia showed that participation in volunteering became politically approved and important for a career, which leads to formalism in volunteering. The relationship between volunteer organizations and the state is ambiguous for the state strives for control and support, which may lead to conflicts, like with “the volunteer election-observation movements — their interests are directly opposite to those of the state” [23].

Volunteering is often considered by the state as a form of patriotic education, which reproduces the Soviet model of volunteering ‘from above’. In the volunteer movement, there is “semi-volunteerism as a duty to participate in events sanctioned by the state organizations and quasi-volunteerism as an imitation of volunteer activity” [31], which can generate a spiral of silence and hinder the cognitive-emotional involvement of people in volunteering.

The basis of the Russians' interest in volunteering is the desire to achieve social justice which the country sorely lacks: people need meaningful, joint, public actions to reach socially important goals (reduce poverty, achieve a decent level of health care, etc.). Episodic volunteering (actions from time to time) is based on this

desire. The survey of 2,494 episodic volunteers showed the impact of satisfaction on intentions to engage in volunteering in the future [32]. There is an increase in the share of episodic volunteers in many countries: in the USA — to 40 %, Australia — 69 %, Canada — 59 %, the UK — 78 %, Russia — 58 %. “Episodic volunteers are more often women than men (76 % vs 24 %), over 30 years old, mostly with higher (57 %) or incomplete higher (14 %) education, with average income, living in large cities (41 %), mainly specialists (28 %), students (26 %) or managers [34]. Satisfaction is the main motive for the future participation in volunteer activities, and satisfaction depends greatly on the management of volunteer participation and the feeling of belonging to the team. We believe that no less important is the understanding of doing something little but significant for solving the problem: to feed the elderly, to transfer children to the camp, etc. Thus, the volunteer movement in Russia is rather non-political, ‘from below’, focusing on issues of social and human security, influencing the legitimacy of power and contributing to social solidarity.

Funding

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project №21-511-07002 MOH PIOO_a “Ethnosocial identity at the intersection of cultures in the changing social reality in the post-Soviet space”

Notes

- (1) Program “Volunteers of Culture”. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/creative-people/volunteers>. (In Russ.).
- (2) Good.ru. URL: <https://dobro.ru>. (In Russ.).
- (3) Online University of Social Sciences. URL: https://edu.dobro.ru/?utm_source=dobroru&utm_medium=organic&utm_campaign=promo&utm_content=mainpag. (In Russ.).
- (4) Moscow Volunteer Center. URL: <https://mosvolonter.ru>. (In Russ.).
- (5) Concept for the Development of Volunteerism (Volunteering) in Russia until 2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039562>. (In Russ.).
- (6) LizaAlert. URL: <https://lizaalert.org>. (In Russ.).
- (7) LizaAlert. URL: <https://lizaalert.org/statistika-otryada-lizaalert-za-maj-2022-goda>. (In Russ.).
- (8) Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FZ “On Public Associations”. URL: <https://base.garant.ru/510164186>. (In Russ.).

References

1. Alekseev L. *Energy Source of Ust-Ilim*. Irkutsk; 1998. (In Russ.).
2. Antonova T.V. Issues and prospects of the volunteer activity of the youth (based on the regional sociological study). *Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2021; 27 (1). (In Russ.).
3. Approval of institutions, ranking of parties and politicians. 30.03.22. URL: https://www.levada.ru/2022/03/30/odobrenie-institutov-rejtingi-partij-i-politikov/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail:&utm_campaign=newsletter-post-title_81. (In Russ.)¹.
4. Archive of the Community of Sisters of Mercy. URL: <https://www.prlib.ru/en/section/1169535>. (In Russ.).
5. Archive of the Russian Red Cross Society in the Russian Empire Charters, Legislative Acts. URL: <https://www.prlib.ru/en/section/1169536>. (In Russ.).

¹The ANO *Levada Center* has been included in the registry of non-commercial organizations acting as foreign agents.

6. Association of Russian Volunteer Centers. URL: <https://avts.rf/regional>. (In Russ.)
7. Bukovansky M. *Legitimacy and Power Politics*. Princeton University Press; 2002.
8. Buzan B. What is human security? A reductionist idealistic notion that adds little analytical value. *Security Dialogue*. 2004; 35 (3). (In Russ.).
9. Civil activity. 07.07.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/07/07/grazhdanskaya-aktivnost-4/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail: &utm_campaign=newsletter-post-title_81. (In Russ.).
10. Civil involvement. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3>. (In Russ.).
11. Conflict with Ukraine. 30.06.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/06/30/konflikt-s-ukrainoj-3/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail: &utm_campaign=newsletter-post-title_81. (In Russ.).
12. Conflict with Ukraine. 31.03.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/03/31/konflikt-s-ukrainoj/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail: &utm_campaign=newsletter-post-title_81. (In Russ.).
13. Fears and problems of the Russian society. 10.03.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/03/10/strahi-i-problemy-rossijskogo-obshhestva/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail: &utm_campaign=glavnye-publikacii-nedeli_85. (In Russ.).
14. Gasper D. *The Idea of Human Security*. Institute for Social Studies. GARNET Working Paper No. 28. 2008. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/csgr/garnet/workingpapers/2808.pdf>.
15. Glaser M., Krivushin I. *Moscow's Evolution as a Political Space from Yuri Dolgoruky to Sergei Sobyenin*. Palgrave Macmillan; 2021.
16. Goncharov S. Economic expectations and consumer plans. 21.06.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/06/21/ekonomicheskie-ozhidaniya-i-potrebitelskie-plany/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail: &utm_campaign=newsletter-post-title_81. (In Russ.).
17. Gorlova N.I. *Development of the Institution of Volunteering in Russia: History and Contemporary Situation*. Moscow; 2019. (In Russ.).
18. Grebennikov S., Dobronravov N. *To Siberia for Songs!* Moscow; 1964. (In Russ.).
19. Herzen A.I. *The Old World and Russia: Iskander's Letters to the Editor of The English Republic, V. Linton (1854)*. London; 1858.
20. Khvorostyanova N.I. Volunteering in the Russian society and Russian sociology: A look from abroad. *Sociological Journal*. 2017; 23 (2). (In Russ.).
21. Istomina A.G., Oberemko O.A. Legitimization of the volunteers' protest participation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015; 6. (In Russ.).
22. Kholina O.I. Volunteering as a social phenomenon in the Russian society. *Theory and Practice of Social Development*. 2011; 8. (In Russ.).
23. Levinson A. Volunteering and protest as extra-everyday phenomena. *Bulletin of Public Opinion*. 2020; 3–4. (In Russ.).
24. Loskutova E.V. *History of the Youth Political Organizations in Contemporary Russia*. Moscow; 2008. (In Russ.).
25. Russian Ministry of Education: Students of pedagogical universities from different regions join the project “Volunteers of Enlightenment”. URL: <https://edu.gov.ru/press/2369/k-proektu-volonty-prosvescheniya-prisoedinyayutsya-studenty-pedvuzov-iz-raznyh-regionov-rossii>. (In Russ.).
26. Negative expectations in the economy. 22.04.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/04/22/negativnye-ozhidaniya-v-ekonomike/?utm_source=mailpoet&utm_medium=e-mail: &utm_campaign=newsletter-post-title_81. (In Russ.).
27. Noelle-Neumann E. The spiral of silence: A theory of public opinion. *Journal of Communication*. 1974; 24.
28. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Humanitarian populism. *Russian Sociological Review*. 2022; 21 (4).
29. Nikulin, A., Trotsuk, I. Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below”. *Politics and Policies of Rural Authenticity*. P. Pospëch, E.M. Fuglestad, E. Figueiredo (Eds.). Routledge; 2022.

30. Pevnaya M.V. Volunteering as a sociological category: Definition of the concept. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2012; 2. (In Russ.).
31. Pevnaya M.V. Volunteering as a sociological issue. *Sociological Studies*. 2013; 2. (In Russ.).
32. Piskunova M., Rakov T. Late Soviet *subbotniks*: From productivist utopia to rituals of political loyalty. *Tomsk State University Bulletin*. 2021; 73. (In Russ.).
33. Study of student volunteerism. 29.06.2022. URL: <https://dobro.press/articles/kto-eti-ludirezultaty-samogo-masshtabnogo-v-istorii-issledovaniya-studencheskogo-dobrovolchestva>. (In Russ.).
34. Scholars identified the motives of episodic volunteering. URL: <https://iq.hse.ru/news/708427433.htm>. (In Russ.).
35. Shcherbakova N. Concept “volunteer activity” in philosophy. *Bulletin of ZabSU*. 2012; 11. (In Russ.).
36. She gave her life to people. Volunteer Lisa Aleshina died. 13.06.2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/13/liza>. (In Russ.).
37. Shoshina Yu.V., Davydenkova A.G., Vasilenkova A.A. Social-philosophical meaning of volunteering: Ideological and practical aspects. *Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*. 2021; 10 (3A). (In Russ.).
38. Siberian Forum 2013. Epoch: Great Komsomol construction projects and big projects today. URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/33408/forum_028.pdf?sequence=1. (In Russ.).
39. Smirnov V.A. Online communities of Russian volunteers (on the example of the social network Vkontakte). *Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2019; 25 (3). (In Russ.).
40. Social-political activity of Russians: Monitoring. 02.08.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>. (In Russ.).
41. Social Charter of Russian Business. Principles of Responsible Business. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/6/d/6d3d27cdf73435bb86b41daf5d39c772.pdf>. (In Russ.).
42. Social Information Agency: There are eight times more volunteers in Russia than in 2013. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/12/03/opros-35-rossiyan-zanimayutsya-volonterskoj-deyatelnostyu>. (In Russ.).
43. *Society and the Pandemic: Experience and Lessons from the Fight against Covid-19 in Russia*. Moscow; 2020. (In Russ.).
44. Sokolova R.I. *Anthropological Dimension of the Russian State: Theory and Practice*. Moscow; 2009. (In Russ.).
45. Streeck W. Nach dem Korporatismus: Neue Eliten, neue Konflikte. Herfried Münkler/Grit Straßenberger/Matthias Bohlender (Hg.). *Deutschlands Eliten im Wandel*. Frankfurt am Mein; 2006.
46. Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I. Cooperation in Rural Russia: Past, Present and Future. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2018; 27 (1).
47. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
48. Tanaka A. Toward a theory of human security. *Human Security in East Asia: Beyond Crises*. C.G. Hernandez, Eun Mee Kim, Yoichi Mine, Xiao Re (Eds.). Palgrave Macmillan; 2018.
49. *The External Factor and the Development of the Russian Society. Dynamics of Interaction of Internal and External Factors, and the Vector of the Russian Society Development*. Moscow; 2013. (In Russ.).
50. Tolstykh V.I. *We Were. Soviet Man as He Is*. Moscow; 2008. (In Russ.).
51. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Social activity of the youth: Approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 4. (In Russ.).

52. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G., Lavrushina A.I. (Non)institutional forms of social activity of the Russian youth (the results of expert and mass surveys). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2016; 6–7. URL: <http://online-science.ru/userfiles/file/wbdohjja0jtm2bmwwpjukcgkacy3hbvd.pdf>. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-272-283

EDN: TVVXMU

Специфика российского волонтерского движения*

Н.Л. Баграмянц¹, М.Л. Ивлева²

¹Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
ул. 2-ая Бауманская, 5, стр. 1, Москва, 105005, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: nonnalev@yandex.ru; ivleva-ml@rudn.ru)

Аннотация. В статье обозначена специфика волонтерского движения в России на основе качественных показателей, включая историческую ретроспективу, и неструктурированных интервью. Авторы систематизируют ключевые характеристики трех моделей российского волонтерства: дореволюционной, советской и современной российской. Выделены общие и особенные черты этих моделей, и сделан вывод, что волонтерство всегда воспринималось российским обществом как некий совместный проект, объединяющий граждан. Представлен обзор законодательной базы российского волонтерского движения и его наиболее востребованных направлений, которые преимущественно ограничены обеспечением безопасности. Выявлены и систематизированы проблемы волонтерского движения, и в качестве ключевой проблемы авторы рассматривают взаимоотношения волонтерских организаций с государством, которые могут породить спираль молчания и препятствовать вовлечению людей в волонтерское движение. Очерчено влияние специальной военной операции на гражданскую активность российского населения. Отмечена тенденция смещения отношения общества к волонтерству — определенная потеря интереса к гражданским инициативам и возрастающее внимание к близкому окружению. Делается вывод, что специфика волонтерского движения в России состоит в его неполитическом характере, развитии «снизу» и фокусе на обеспечении безопасности человека. Таким образом, не только государство оказывает влияние на личность и формирует ее, что в целом характерно для России, но через волонтерство и личность влияет на государство, которое не может игнорировать мощный социальный запрос на справедливость.

Ключевые слова: Россия; волонтерство; модели российского волонтерства; типы российских волонтеров; гуманитарная безопасность; российское общество

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Грант №21-511-07002 МОН РЮО_а «Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве»

*© Баграмянц Н.Л., Ивлева М.Л., 2023

Статья поступила 24.11.2022 г. Статья принята к публикации 13.04.2023 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-284-293

EDN: SWUNXH

Эра covid-19: как пандемия повлияла на гендерное неравенство и рождаемость (на примере стран БРИКС)*

Е.А. Мосакова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 13а, Москва, 119991, Россия

(e-mail: lizavetam@mail.ru)

Аннотация. Преодоление глобальной проблемы гендерного неравенства в области трудовых отношений — одна из важнейших задач, стоящих перед человечеством на пути достижения целей устойчивого развития в XXI веке. В статье рассматривается только один аспект данной проблемы — достижение более полного гендерного равенства на рынке труда путем предоставления женщинам дополнительных возможностей для совмещения профессиональной и семейной занятости. Пандемия новой коронавирусной инфекции стала одним из механизмов, способствующих достижению более полного гендерного равенства на рынке труда и повышению уровня рождаемости. С одной стороны, цифровизация и развитие дистанционных форм занятости позволяют женщинам более свободно совмещать семейные и профессиональные обязанности. С другой стороны, даже для работодателей, склонных к дискриминации в сфере трудовых отношений, пол работника, как и другие его демографические характеристики, становится все менее значимым фактором. Однако степень влияния пандемии, которая способствовала развитию дистанционной занятости, на уровень гендерного равенства зависит от структуры экономики. Так, в странах с высокой долей третичного сектора экономики и в странах, где он наиболее развит, быстро распространяются дистанционные формы занятости, что способствует снижению гендерного неравенства на рынке труда и в экономике в целом. На примере стран БРИКС в статье показан ряд зависимостей между гендерным неравенством в экономической и образовательной сферах, экономической занятостью женщин и уровнем рождаемости. Так, в группе стран БРИКС с расширенным и суженным воспроизводством населения более высокому уровню гендерного равенства в экономической сфере соответствуют более высокие уровень рождаемости и средний возраст матери при рождении первого ребенка. Для всех стран БРИКС характерна прямая зависимость между уровнем рождаемости и уровнем женской занятости на рынке труда: более высокому уровню экономической занятости женщин соответствует более высокий уровень рождаемости, и наоборот.

Ключевые слова: гендерное неравенство; рынок труда; индекс гендерного неравенства; уровень экономической занятости; дискриминация; пандемия коронавируса; БРИКС

*© Мосакова Е.А., 2023

Статья поступила 17.01.2023 г. Статья принята к публикации 13.04.2023 г.

Для современной глобальной экономики отсутствие равных прав и возможностей у мужчин и женщин на рынке труда представляет серьезный вызов, который препятствует росту ВВП, производительности и благосостояния людей [13. С. 23]. Более того, одна из целей устойчивого развития на период 2016–2030 годов, принятых на Саммите в сентябре 2015 года в Нью-Йорке, — «добиться гендерного равенства и расширить права и возможности всех женщин и девочек» (цель № 5) [11]. Соответственно, достижение более полного гендерного равенства на рынке труда путем предоставления женщинам дополнительных возможностей для совмещения профессиональной и семейной занятости стало приоритетом для правительств большинства стран мира.

В международном праве гендер не выделяется в качестве отдельного от биологического пола признака, на основании которого возможна дискриминация в сфере занятости [8]. Гендерное неравенство считается результатом и проявлением дискриминации по признаку пола в области трудовых отношений. В терминологии Организации Объединенных Наций (ООН), которая является универсальным правовым и научным ориентиром в данной области, сформулирована концепция гендерного неравенства [9. С. 53–68]. С одной стороны, гендерное неравенство (*gender inequity*) трактуется как несправедливое обращение с мужчинами и женщинами — без учета специфических потребностей данных групп. Несправедливость связана не столько с предоставлением неодинаковых условий, сколько с неспособностью обеспечить равный доступ к правам, льготам, обязательствам и возможностям [7. С. 71]. С другой стороны, гендерное неравенство (*gender inequality*) означает отсутствие равных прав, равной ответственности и равных возможностей у мужчин и женщин.

Статья опирается на российские и зарубежные исследования в области рождаемости и гендерной дискриминации в сфере трудовых отношений. Особое внимание уделено официальным статистическим данным, характеризующим состояние рынка труда и, в частности, положение женщин. В частности, для оценки гендерной дискриминации на рынке труда России используется *Global Gender Gap Index* за 2016, 2021 и 2022 годы (GGGI, ИГН), рассчитанный по методологии ВЭФ (рассматривается доковидный период, так как выявлять новые тенденции в условиях неопределенности и пандемии было преждевременно). Пандемия *covid-19* стала одним из механизмов достижения более полного гендерного равенства на рынке труда и повышения уровня рождаемости: во-первых, под ее влиянием стали стремительно развиваться дистанционные формы занятости, позволяющие женщинам совмещать выполнение семейных и профессиональных обязанностей; во-вторых, для работодателей пол работника становится все менее значимым фактором по сравнению с квалификацией и образованием. Однако степень влияния пандемии зависит от структуры экономики: в странах, где наблюдается более высокая доля третичного сектора и где он более развит, быстрее возникают

дистанционные формы занятости, что способствует снижению гендерного неравенства на рынке труда и в экономике в целом.

Кроме того, на примере стран БРИКС показана зависимость между гендерным неравенством и уровнем рождаемости. Так, более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства. При этом на общий уровень гендерного равенства значимо влияет уровень гендерного неравенства в экономике (в том числе в сфере трудовых отношений) и в образовании, которые также определяют уровень рождаемости. В частности, во всех стран БРИКС более высокому уровню женской занятости соответствует более высокий уровень рождаемости. Но наблюдаются отличия в уровне гендерного неравенства в экономике в зависимости от уровня рождаемости: в группе стран с расширенным и суженным воспроизводством более высокому уровню гендерного равенства в экономической сфере соответствуют более высокие уровень рождаемости и средний возраст матери при рождении первого ребенка.

Проблема достижения более полного гендерного равенства в сфере трудовых отношений во многом обусловлена необходимостью совмещения женщиной профессиональных и семейных обязанностей, поэтому женская трудовая занятость и уровень рождаемости тесно связаны. Возникает вопрос о направлении и механизме данной зависимости. Рассмотрим ее на примере объединения БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) на основе суммарного коэффициента рождаемости (далее — СКР) и Индекса гендерного равенства (далее — ИГН).

Сравнение значений ИГН и СКР в странах БРИКС в 2021 году (в отчете ВЭФ за 2022 год данные по России отсутствуют) показывает прямую зависимость — более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства (Табл. 1). ИГН отражает общий уровень гендерного равенства в стране на основе четырех компонентов — уровней гендерного неравенства в экономике, политике, здравоохранении и образовании, но мы рассмотрим только экономическую и образовательную сферы.

Таблица 1

ИГН и СКР в странах БРИКС, 2021

Страна	ИГН	Рейтинг ИГН	ИГН (экономика)	ИГН (образование)	СКР (детей на 1 женщину)
ЮАР	0,781	18	0,658	0,994	2,41
Индия	0,625	140	0,326	0,962	2,24
Россия	0,708	81	0,767	1	1,82
Бразилия	0,695	93	0,665	1	1,74
Китай	0,682	107	0,701	0,973	1,69

Источник: [11. С. 133–134, 155–156, 217–218, 331–332, 349–350].

В целом, если сравнивать ИГН и ИГН в экономической сфере за пятилетний интервал (2016 и 2021), то можно отметить несколько тенденций (Табл. 2) [3. С. 632].

Таблица 2

ИГН и СКР в странах БРИКС, 2016

Страна	ИГН	ИГН (экономика)	СКР
ЮАР	0,764	0,677	2,49
Индия	0,683	0,408	2,45
Россия	0,691	0,722	1,762
Бразилия	0,687	0,64	1,76
Китай	0,676	0,656	1,6

Источник: [4; 5. С. 109; 10].

Во-первых, во всех странах БРИКС, кроме России, отмечено снижение СКР, что отражает общемировую тенденцию. Во-вторых, наблюдается положительная динамика в области гендерного равенства во всех странах БРИКС, кроме Индии (все страны демонстрируют повышение уровня общего гендерного равенства, хотя и в разной степени). В-третьих, ИГН для экономической сферы увеличился в России, Бразилии и Китае, а в ЮАР и Индии, наоборот, снизился. Во многом это объясняется влиянием пандемии, которая способствовала ускоренной цифровизации экономики, что наиболее ярко проявилось в странах с более высоким уровнем ВВП (номинального) на душу населения (Табл. 3). В странах БРИКС с самыми низкими значениями ВВП на душу населения проблема гендерной дискриминации на рынке труда лишь усугубилась, так как они не смогли в полной мере адаптироваться к новой цифровой реальности.

Таблица 3

ВВП на душу населения в странах БРИКС, 2021

Страна	ВВП на душу населения, долл. США
ЮАР	5,236
Индия	2,031
Россия	10,793
Бразилия	6,728
Китай	11,713

Источник: [1].

Неравномерное влияние пандемии на экономическую сферу как в странах БРИКС, так и в мире в целом можно объяснить несколькими причинами: во-первых, главной проблемой большинства экономик в условиях пандемии стала неспособность организаций/компаний работать в дистанционном формате, и только в самых развитых странах рынки товаров и услуг смогли в короткие сроки адаптироваться к новой реальности. Однако не во всех сферах экономики был возможен переход к работе в онлайн-режиме. Например, в промышленности не произошло существенных изменений, что связано с объективной невозможностью переноса производственных процессов в онлайн-пространство. Но если рассматривать производство товаров повседневного спроса, то их в кратчайшие сроки удалось перевести в онлайн-формат. В Индии к числу основных отраслей экономики относятся сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, добыча горючих полезных ископаемых и др. В ЮАР это горнодобывающая, обрабатывающая и пищевая промышленность, рыболовство, сельское хозяйство и др. То есть в Индии и ЮАР в экономике ведущими являются те отрасли, которые по объективным причинам невозможно перевести в онлайн-формат. Соответственно, влияние пандемии на цифровизацию экономики и рынка труда было одним из наименьших в этих двух странах, поэтому за 2016–2021 годы ситуация с гендерным равенством в экономике и на рынке труда в них, как минимум, не улучшилась.

Во-вторых, в условиях пандемии предприятия были вынуждены «переориентировать» и «дифференцировать» выпускаемую продукцию в ответ на новую экономическую реальность — компании, в первую очередь малого и среднего бизнеса, стремились осваивать новые направления, предпринимали действия по диверсификации основной деятельности. Однако в ЮАР и Индии дифференциация производства, в том числе расширение дистанционных форм занятости, была невозможна по тем же причинам, что и перевод их экономик в онлайн формат.

В-третьих, пандемия стала мощным импульсом для цифровизации бизнеса и развития новых форм занятости на рынке труда [2]: в результате ускоренного внедрения IT-технологий особенно активно развивались такие относительно новые формы занятости, как работа на дому, самозанятость, фриланс и др. Важно отметить, что процессы перестройки рынка труда в связи с цифровизацией и диверсификацией бизнеса не остановились и после пандемии и будут иметь долгосрочные последствия. Наибольшие возможности для снижения гендерного неравенства в сфере трудовых отношений (и в экономике) в краткосрочной и среднесрочной перспективах среди стран БРИКС имеют Россия, Китай и Бразилия.

Таким образом, пандемия covid-19 может стать одним из механизмов снижения гендерной дискриминации на рынке труда и повышения уровня рождаемости: цифровизация и развитие дистанционных форм занятости по-

звоняют женщинам успешнее совмещать семейные и профессиональные обязанности, а для работодателей пол работника становится все менее значимым фактором. При этом влияние пандемии на экономику зависит от структуры экономики: страны с более высокой долей или с более развитым третичным сектором смогли в более короткие сроки и с более низкими материальными издержками адаптироваться к новой экономической реальности: стремительное развитие дистанционных форм занятости способствовало снижению уровня гендерного неравенства на рынке труда и в экономике в целом.

Рассмотрим более подробно связь ИГН в экономике с рождаемостью, а именно с уровнем рождаемости и средним возрастом матери при рождении первого ребенка (далее — СВМ) (Табл. 4). Для стран БРИКС с уровнем рождаемости выше уровня простого воспроизводства населения (СКР более 2,14 детей на женщину; если СКР выше, то наблюдается расширенное воспроизводство, если ниже — суженное) — ЮАР и Индии, как и для стран с уровнем рождаемости ниже уровня простого воспроизводства — России и Бразилии, характерна прямая зависимость: более высокому уровню гендерного равенства в экономике соответствует более высокий уровень рождаемости. Отметим, что для Китая зависимость между ИГН в экономической сфере и СКР не характерна вследствие того, что 1979–2015 годы проводилась политика «одна семья — один ребенок», что существенным образом отразилось на системе ценностных ориентаций и потребностей населения, в том числе в детях: новые поколения еще длительное время будут воспроизводить модель однодетной семьи.

Таблица 4

ИГН (экономика), СКР и СВМ в странах БРИКС, 2021

Страна	ИГН	СВМ	СКР
ЮАР	0,658	27,7	2,41
Индия	0,326	27,4	2,24
Россия	0,767	28,6	1,82
Китай	0,701	27,6	1,69
Бразилия	0,665	27,1	1,74

Источник: [11. С. 133–134, 155–156, 217–218, 331–332, 349–350].

Зависимость прослеживается между ИГН в экономической сфере и СВМ при рождении первого ребенка: в странах с расширенным и суженным воспроизводством населения более высокому уровню гендерного равенства в экономике соответствует и более высокий СВМ.

Таким образом, у стран с расширенным и суженным воспроизводством населения между ИГН в экономике и рождаемостью наблюдается зависи-

мость: более высокий уровень гендерного равенства — более высокий уровень рождаемости. Во многом это обусловлено тем, что для ИГН в экономической сфере одним из подиндексов является уровень экономической занятости женщин, поэтому следует рассмотреть зависимость между этим показателем и уровнем рождаемости (Табл. 5). Для стран с суженным и расширенным воспроизводством населения характерна прямая зависимость между уровнем рождаемости и уровнем женской занятости: чем выше уровень женской занятости, тем выше уровень рождаемости, и наоборот. Аналогичная зависимость выявлена между уровнем мужской/женской занятости и СКР.

Таблица 5

**Соотношение уровней женской и мужской занятости
и СКР в странах БРИКС, 2021**

Страна	Уровень женской занятости, %	Соотношение уровней женской и мужской занятости, раз	СКР
ЮАР	54,1	0,82	2,41
Индия	22,3	0,28	2,24
Россия	69	0,87	1,82
Бразилия	61,9	0,77	1,74
Китай	68,6	0,83	1,69

Источник: [11. С. 133–134, 155–156, 217–218, 331–332, 349–350].

В Китае, несмотря на то что страна динамично развивается, занятость женщин значительно ниже, чем мужчин. Так, по итогам 2021 года численность женщин-работников была почти на 20 % ниже, чем мужчин: 360,49 и 449,45 млн [12]. Это обусловлено целым рядом факторов: во-первых, в результате проводимой несколько десятилетий демографической политики («одна семья — один ребенок») в китайском обществе возник существенный гендерный дисбаланс (в населении преобладают мужчины). Во-вторых, население старших возрастных групп, прежде всего пенсионеры, вследствие неполного социального обеспечения вынуждено выходить на рынок труда. Пенсионный возраст подавляющего большинства женщин составляет от 50 до 55 лет, но власти планирует ввести план отложенного выхода на пенсию. В-третьих, поскольку в большинстве сельских районов фиксируется более высокий уровень рождаемости (3–4 ребенка), женщины реже выходят на рынок труда. Женщины в развитых странах имеют меньшее число детей и, соответственно, меньше работы по дому, поэтому у них больше времени и сил для трудовой деятельности.

В-четвертых, в Китае принят ряд законов и положений для достижения гендерного равенства в сфере труда, но в них подчеркивается особое отношение к женщинам, основанное на их биологических особенностях. Это не то же самое, что обеспечение гендерного равенства, поскольку некоторые защитные меры только подчеркивают физиологические характеристики женщин, а не способствует обеспечению гендерного равенства. Более того, в законодательстве сохраняются недостатки, вследствие чего права женщин недостаточно защищены, например, это нечетко прописанные санкции и критерии гендерной дискриминации.

В Китае в 1982–2021 годы наблюдалось увеличение числа работающих женщин прежде всего потому, что женщины стали переходить из сельского хозяйства, лесного, животноводческого и рыбного в несельскохозяйственные профессии. Тем не менее, женские профессии по-прежнему сосредоточены в отраслях, основанных на ручном труде, а количество работников-женщин и их профессиональные роли на рынке труда все еще ниже, чем у мужчин. Быстрее всего растет доля женщин в сфере услуг, в частности, в торговле (рост составил 28,39% за последние 40 лет), но большинство профессий здесь — продавцы и неквалифицированные работники. В целом в Китае фиксируется значительный гендерный разрыв на рынке труда, который в последние годы показывает тенденцию к увеличению.

Занятость женщин на рынке труда во многом обусловлена полученным образованием. В ряде стран в сфере образования либо уже достигнут гендерный паритет, либо они близки к нему. Прослеживается следующая зависимость: для стран (ЮАР и Индия) с уровнем рождаемости выше простого воспроизводства характерна прямая зависимость — чем выше уровень гендерного равенства в сфере образования, тем выше уровень рождаемости. В России и Бразилии достигнут полный гендерный паритет по этому показателю. Однако в отношении России нельзя однозначно утверждать гендерное равенство в доступе к профессиональной подготовке и образованию, что объясняется ассиметрично высоким образованием женщин при относительно низкой востребованности на рынке труда, т.е. женщины не могут реализовать свой высокий образовательный уровень. Так, в 2021 году число школьников-мальчиков и девочек было одинаковым: 96,8% и 96,6%; в среднем образовании — 91% и 90,4%; в высшем — 89,1% и 75%; в послевузовском — 0,64% и 0,66% [11. С. 332]. Кроме того, в России функционируют специализированные учебные заведения, которые ограничивают доступ женщин, что особенно ярко проявляется в научной карьере [6. С. 11].

В Китае по итогам 2021 года фиксировался более низкий уровень охвата высшим образованием как мужчин, так и женщин по сравнению с развитыми странами (на четверть): высшее образование получали 45,9% мужчин и 55,9% женщин; по общему уровню грамотности ситуация противоположная — 95,2% женщин и 79,5% мужчин [11. С. 156]. То есть в Китае проблема

гендерного неравенства заключается не в невозможности реализации женщинами полученного образования, как в России.

Таким образом, пандемия covid-19 в ряде стран способствовала снижению уровня гендерного неравенства в сфере трудовых отношений и повышению уровня рождаемости, прежде всего благодаря развитию дистанционных видов занятости. Однако влияние пандемии в значительной степени зависело от структуры экономики, вернее, от доли и развитости третичного сектора. Соответственно, для достижения гендерного равенства необходимо сочетание разных мер — и демографических, и экономических.

Библиографический список / References

1. ВВП на душу населения по странам мира. 2021 / VVP na dushu naseleniya po stranam mira [GDP per capita by country]. URL: <https://investor.of.by/post/vvp-na-dushu-naseleniya-po-stranam-mira-2021-61052f9f46aa762fd1facc2a>. (In Russ).
2. Исследования влияния пандемии covid-19 на российский бизнес / Issledovaniya vliyaniya pandemii covid-19 na rossiyskiy biznes [Studies of the impact of the covid-19 pandemic on the Russian business]. URL: <https://roscongress.org/materials/issledovanie-vliyaniya-pandemii-covid-19-na-rossiyskiy-biznes>. (In Russ).
3. Кизилова К., Мосакова Е.А. Уровень рождаемости в странах БРИКС в контексте гендерного неравенства на рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. №4 / Kizilova K., Mosakova E.A. Uroven rozhdayemosti v stranah BRICS v kontekste gendernogo neravenstva na rynke truda [Birth rate in the BRICS countries in the context of gender inequality in the labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ).
4. Рейтинг стран по уровню суммарного коэффициента рождаемости / Rejting stran po urovnyu summarnogo koeffitsienta rozhdayemosti [Countries ranking by the total fertility rate]. URL: <http://total-rating.ru/1841-summarnyy-koefficient-rozhdae-mosti-v-stranah-za-2016-god.html>. (In Russ).
5. Российский статистический ежегодник. М., 2017 / *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; 2017. (In Russ).
6. Хасбулатова О.А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918–2015 гг.: историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2015. №3–4 / Khasbulatova O.A. Professionalnoe obrazovanie muzhchin i zhenshchin v Rossii v 1918–2015 gg.: istoriko-sotsiologicheskyy analiz [Professional education of men and women in Russia in 1918–2015: A historical-sociological analysis]. *Woman in Russian Society*. 2015; 3–4. (In Russ).
7. *ABC of Women Workers' Rights and Gender Equality*. Geneva; 2000.
8. Convention concerning Discrimination in Respect of Employment and Occupation. 1958. No. 111. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/ILO_C_111.pdf.
9. Koehler G. Tapping the sustainable development goals for progressive gender equity and equality policy? *Gender & Development*. 2016; 24 (1).
10. The Global Competitiveness Report. 2016. URL: .
11. The Global Competitiveness Report. 2021. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf.
12. The Global Competitiveness Report. 2022. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2022.pdf.
13. *The Power of Parity: How Advancing Women's Equality Can Add \$12 Trillion To Global Growth*. Shanghai; 2015.

14. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-284-293

EDN: SWUNXH

Era of covid-19: How the pandemic affected gender inequality and fertility (on the example of BRICS)*

E.A. Mosakova

Lomonosov Moscow State University,
Leninskiye Gory, 1, bldg. 13a, Moscow, 119991, Russia

(e-mail: lizavetam@mail.ru)

Abstract. One of the most important tasks on the way to the global sustainable development in the 21st century is gender equality. The article considers one aspect of this task — achieving more complete gender equality in the labor market by providing women with additional opportunities to combine professional and family responsibilities. The covid-19 pandemic contributed to gender equality in the labor market and to the growth of birth rate. On the one hand, digitalization and remote forms of employment allow women to better combine family and professional activities. On the other hand, for employers, the gender of the employee is becoming less significant. However, the impact of the pandemic on gender equality depends on the structure of the economy. Thus, in countries with a higher share or a more developed tertiary sector, remote forms of employment develop faster, which contributes to gender equality in the labor market. On the example of the BRICS countries the author shows some dependencies between gender inequality in economy and education, female employment and birth rate. Thus, in the BRICS countries with expanded and narrowed reproduction, a higher level of gender equality in economy corresponds to a higher level of fertility and a higher mean age of women at the birth of the first child. All BRICS countries show the direct relationship between birth rate and female employment: a higher level of female employment corresponds to a higher level of birth rate, and vice versa.

Key words: gender inequality; labor market; global gender gap index; labor force participation rate; discrimination; covid-19 pandemic; BRICS

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-294-315

EDN: TACHXV

Herzen contra Marx: In search for a diagonal*

A.V. Shabaga

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: shabaga-av@rudn.ru)

Abstract. The first half of the 19th century was a period of dissidence and alternative social movements in Europe. The most famous and influential dissidents were A.I. Herzen and K. Marx. Both were supporters of socialism and founded movements that were destined to radically change the social life of the European East and West. They developed those social constructs of the future that are still in demand, since socialist and social-democratic ideas largely determine the contemporary political landscape. At first, both supported liberalism but later declared it unconstructive. Herzen criticized liberals for inventing the people rather than studying them and for demanding that everyone would become *homo politicus* to solve social problems. Marx became a preacher of dictatorship as the only way to build a just society in Europe, and often practiced authoritarianism which Herzen criticized. Herzen also criticized liberalism for its latent individualism and searched for a path to democratically reorganize the Russian society, which he considered mainly in the collectivist spirit. The author focuses on Herzen's attempt to prove the possibility of bypassing the bourgeois formation of Marx by a 'diagonal' transition from pre-capitalism to socialism. Herzen considered capitalism a social failure, a 'historical dislocation' that developed in Western Europe but affected all peoples of the world. Herzen proposed an alternative construct with a certain potential for anti-capitalist associations constantly emerging in various regions of the world — they try to create self-governing communities free from the shortcomings of bourgeois democracy.

Key words: Herzen; Marx; social theories; communal socialism; communism; anti-capitalism; anti-liberalism; 'diagonal' path of development; Russia

In Europe, the first half of the 19th century was a time of dissidence and social movements which were largely the followers and successors of the "Age of Enlightenment." A.I. Herzen and K. Marx are among the best known and

*© A.V. Shabaga, 2023

The article was submitted on 01.02.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

most influential dissidents of that time: both spent a major part of their life in the European West (Britain, France, etc.) and were the founders of movements that after transformations radically changed the social life of Europe. Herzen's followers were successively Russian *Narodniks*, Socialists-Revolutionaries and partly Anarchists, as for Marx's ideas — Communists, Socialists and Social-Democrats in all countries. The ideas of Herzen and Marx, albeit in a modified form, clashed in Russia during the October Revolution and the Civil War, when the supporters of these ideas took important positions in the Russian governments, and the political consequences of this struggle affected the whole world.

Therefore, when speaking about social movements of the 19th century, we should focus on socialism — as an idea, a social movement, and a political phenomenon that acquired a global significance. Even today socialist ideas largely determine the development of societies in the West and East of Europe, and it is the socialist component of globalization as a society of equal access to social benefits and opportunities that makes globalization highly attractive for many. When speaking about social changes of a socialist nature, their adherents mainly mean an evolution, while the 19th century was a time of revolutions. The most influential adepts of socialist transformations in Europe of that time were Communist Marx (praised the industrial West), Anarchist-Socialist Bakunin (praised Europe as a whole for embodying his ideas), and Communal Socialist Herzen (praised the socialist light from the East).

Unlike M.A. Bakunin, his friend Herzen and Marx did not recognize the instrumentality of anarchism, believing that the future of Europe was solely socialist and referring to the evident crisis of European monarchies, which raised the question of social self-organization. Although both Herzen and Marx believed that they supported the majority, they defined this majority as the population of the East and West of Europe, respectively. Through all his political life, Marx remained true to his “Proletarians of all countries unite”, while Herzen regarded as vicious the very fact of the existence of proletariat, not to mention making it a mainstay, since nothing good could come from a poor foundation. Probably, these contradictions were determined by different interpretations: Marx defined proletariat as a social class deprived in the capitalist system, while Herzen — as paupers and cadgers [7. P. 101, 493], i.e., worthless people condemned by the society and incapable of preserving the community, liberating the person and spreading rural and *volost* self-government to cities and the state: “I will not repeat what I have already said about this embryonic organization of community self-government, in which all offices are elective and all are proprietors, although the land does not belong to anyone, and proletariat is an abnormal phenomenon, an exception” [38. P. 189-190].

Both Herzen and Bakunin were confirmed in this interpretation of the Western estates and classes by the defeat of the revolutions of 1848–1849, in which both took an active part. They argued that both the West European petty bourgeoisie and working class were incapable of revolutionary transformations. Therefore,

they rejected Western theories of social development, which previously regarded with sympathy, and introduced new conceptions as criticism of the West based on Western methodology. For example, Herzen borrowed from G.W.F. Hegel the idea of self-developing world spirit which, in its striving for the fullest embodiment of freedom, is objectified in history. Hegel spoke about the German spirit, “the spirit of the new world”, whose “aim is the realization of absolute Truth as the unlimited self-determination of Freedom” [16. P. 357], which became unacceptable to Herzen after 1849. He argued that true socialism could only be achieved through the Slavic community — by relying on a milieu with no individualism, with collectivism and mutual assistance, and with mercantilism as a way of life reduced to a minimum. In Hegelian terms, Herzen believed that by the 19th century it had become evident that the Slavs embodied the world spirit: “Slavs are a future part of humankind now entering history” [41. P. 105]. In his final conception of social development, Hegel combined elements of monarchy, aristocracy and democracy (the Prussian kingdom was his ideal), which 150 years later allowed T. Adorno to accuse him of a strange “theodicy of this world” [1. P. 276]. Herzen, who was of aristocratic origin and a distant relative of the czar, considered only democracy capable of objectifying social freedom and regarded peasant community as a tool for proving this first in the East and then in the West; as a basis of the free federation of Slavs, democracy would become a “historical battering ram for upsetting the philistinism of bourgeois Europe” [6. P. 327].

Herzen’s goal was consonant with Marx’s ideas, but he rejected Marx’s means for achieving it. Without getting into the differences between Marx’s formations (inevitable transition from bourgeois to socialist society) and Herzen’s community (socialism as already present in any *per se*), we will focus on their methodological differences. In the spirit of Hegelian dialectics, Marx argued that social development was ensured by the removal of antagonistic contradictions (in his time between the bourgeois relations of production and the social character of production) [48. P. 7–8]. According to Marx, to stop antagonism, we need to remove one of the sources of contradictions. In other words, any social problem was to be solved simply: proletariat would remove bourgeoisie in a revolutionary way and create a classless, harmonious society. Herzen took a different approach: to explain the nature of social changes, he used a “geometric” tool based on the rule of forces composition from mechanics: social changes were based on the resultant force vector, i.e., the sum of the two most significant social development vectors. Graphically, they could be represented as a diagonal of the parallelogram of forces [18. P. 51; 25. P. 206; 19. P. X, 105]. By these two vectors Herzen meant the collectivism of the Slavic (mostly Russian) community and the strength of the West-European social knowledge, which started to manifest their potential: “We have two indications for finding a diagonal: the very everyday life and structure of our rural community and the findings of economic and social science, since they are worn down without application there” [26. P. 23]. This method was

relevant for both the classical triad of thesis-antithesis-synthesis and the Hegelian law of the conflict of opposites.

Both Herzen and Marx were adherents of liberalism in their youth but later rejected the idea as non-constructive. Herzen criticized liberals for inventing the people instead of studying them, for defaming them out of love not less than others out of hate, and for liberals demand that everyone should become a political person and, like Cincinnatus, solve social problems [36. P. 81–82]. Marx became a propagandist of dictatorship as the only path to the just society in Europe. He often practiced authoritarianism, for which was criticized by Herzen, who began to reject liberalism for its latent individualism [46. P. 526]. Herzen searched for the way to rebuild the Russian society as democracy, interpreting it mainly in the collectivist spirit. Herzen hoped for the success of his project in the Russian, Ukrainian and Byelorussian Provinces, in which the community and collectivist moods remained strong. He believed that Russia would serve as a model of revolutionary transformations for all Roman-German societies mired in individualism. According to Herzen, insurgent Russia would lift up the fraternal Slavic peoples of Eastern Europe against political and national oppression and would become a model for radical social transformations in Central and East Europe.

Thereby, the Polish question was especially important for Herzen: in the 19th — early 20th century European revolutionaries (primarily in Russia and Poland) viewed Poland as their main ally in the struggle with autocratic Russia. However, Russian revolutionaries stressed the struggle against autocracy, while Polish revolutionaries focused on the struggle against Russia. Being for the most part noblemen, Polish revolutionaries fought for the transformation of Poland from a geographical concept into a political formation, in which their estate rights would be ensured. They defined Poland as the territory of the Rzeczpospolita within the boundaries of 1772, i.e., including Lithuanian, Ukrainian and Byelorussian lands [72. P. 384–386], and, to Herzen's regret, took little interest in socialist ideas. On the other hand, Herzen hoped that the division of Poles (Austria, Prussia and Russia) could become a catalyst for revolutionary transformations in Central Europe based on the ideas of Russian socialism. That is why, despite hardships, Herzen waged a relentless struggle to support Poles, being aware that their success would provide Russian revolutionaries with an extremely important ally.

Herzen's project for transforming East-European and later all European society (concept of community socialism) implied a transition to new social relations with the help of the socialist potential of the Slavic community — Herzen wanted the project to realize the potentials of all Slavic countries, and without Poland his whole theory was challenged. According to Herzen, Poles like Slavs 'had' to arrive at socialism through community; thus, he strived to incorporate obstinate Poles into his system of community socialism. The Polish question became a touchstone for checking the validity of his scientific approach — the more so as it was a kind of the 'Slavic' response to Marx's 'Germanic' project for remodeling Europe.

In his *Émigré Literature* F. Engels sharply criticized Herzen's idea that socialism would come to Europe from Russia and Slavic countries [9. P. 543]. In his letter to the editors of the *Otechestvennye Zapiski (Notes of the Fatherland)*, Marx protested against Herzen's plans for uniting Slavic peoples as supporting the Czar [54. P. 116; 56. P. 438–448; 12. P. 222]. In *The Alliance of Socialist Democracy and the International Workingmen's Association*, Marx and Engels criticized Herzen's liberal delusions related to a democratic solution of the agrarian question in the Russian Empire [58. P. 430]. In one of his letters, Marx described Herzen's theory of "community socialism" as "imaginative lies" [52. P. 358]. However, half a century later, the very reliance on the community consciousness ensured the Bolsheviks' victory that allowed them to create one version of socialist society which was later tested in most European countries. Since subsequently Central European — mostly Slavic — countries got into the domain of Soviet socialism, despite the enormous distance between community socialism and Soviet socialism, we can admit that Herzen's "imaginative lies" were not so fantastic.

It took Herzen some time to get interested in the community. In the late 1830s — early 1840s, in the Moscow's public and scholarly life, there were furious debates between two camps — Westernizers and Slavophiles. Members of two camps knew one another well and were Herzen's friends. Westernism, unlike Slavophilism, was a rather variegated school of thought that combined elements of many theories and was divided into several trends. Herzen, who was enthusiastic about utopian socialism and a follower of materialism, supported the left wing of Westernizers. The main principles of Westernism included the condemnation of serfdom and autocracy and the strive to Europeanize Russia, while Slavophiles insisted that Russia should develop in its very special way, different from the development of Western Europe in that Orthodoxy and the community were to play the main role.

Thus, the key difference between two camps was that for some progress was the goal and efficiency was its criterion, while for others it was tradition measured in terms of morality and justice. However, despite being a resolute opponent of Slavophiles engaged in heated debates with them, Herzen experienced their strong influence (for instance, borrowed some principles from their community theory [17. P. 80–81]). At that time, the merge of such ideas as progress and tradition was possible due to Hegel's dialectic method (social process develops through contradictions) and philosophy of history. The Hegelian idea of world history as the gradual unfolding of the world spirit was interpreted as its development should be embodied most fully in Slavs in general and in Russia in particular [52. P. 358].

In 1847, Herzen left abroad, and since then took an active part in the European, but mainly Russian, revolutionary movement. Like Marx and Bakunin, he pinned great hope on the revolutions of 1848–1849, expecting that their victory would lead to the triumph of socialism in Western Europe, and Russia would inevitably go through socialist transformations. After the defeat of the revolution, Herzen decided that socialism in the West had come to an end. When searching for new

ways of socialist transformations, he decided that the defeated socialist movement would revive in Eastern Europe but as based on the fraternal community principle rather than the individual rights concept. “From 1848, they began to understand that neither ossified Roman law nor cunning casuistry, nauseating deistic philosophy and merciless religious rationalism can obstruct the destinies of society” [33. P. 309]. Thus, Herzen’s searches for socialist elements in Europe led him to the Slavic (primarily Russian) community. When examining the peasant community relations based on a periodic egalitarian repartition of lands, mutual assistance, self-sustainment and equality of all community members, Herzen found actual elements of socialism. He believed that these elements should be developed and extended to the entire Russian society, the Slavic world and Europe as a whole. However, implementation of this project implied the destruction of autocracy.

Herzen saw the prerequisites for the overthrow of Czarism in the peasants’ escalating struggle with landowners: “The socialist principles, which have been unrecognized, hidden, downtrodden in the Slavic world for a long time, are in turmoil in Russia” [24. P. 92], i.e., Herzen considered the goals and future of the community differently from Slavophiles, who idealized pre-Petrine Russia. “They need the olden time, tradition, the past, and we want to tear Russia away from it” [20. P. 407]. Thus, unlike Slavophiles, who represented Slavs as humble Christian lambs, Herzen saw the socialist potential in them [68. P. 7] and believed that some “vague aspirations of the Slavic peoples are in line with the revolutionary aspirations of the masses in Europe” [23. P. 146].

However, despite all differences, especially in goals, Herzen was close to Slavophiles in the belief that the Slavic peoples would play the main part at that point of history. Herzen, just as Slavophiles thinking in the categories of the Hegelian absolute spirit, believed that the West Europeans had exhausted their historical potential and the future belonged to the Slavic peoples. But Slavophiles saw the future of the Slavs in the ideals of Orthodoxy, while Herzen associated the historic calling of Slavdom with the ability to develop the socialist teaching. Herzen’s socialism was relevant to the peasants’ notions of property and social structure in relation to land, for, according to the Bible, “The Land is God’s” (“The land shall not be sold for ever: for the land is mine; for ye are strangers and sojourners with me” — Leviticus 25:23) and cannot be expropriated. This is what Herzen wrote about the Slavic community before the serfdom: “The original social structure of this agrarian people was essentially democratic... land was not yet private property: every rural community owned a certain part of land. Every member of the community was granted the right to till part of this common property, and everyone used the fruits of his labor” [35. P. 35]. Thus, Herzen regarded the Russian community life as the soil for the blossoming ideas of Western socialism.

This was a utopia, since the community and conservative community relations, on the contrary, were the basis of the Russian autocracy at that time. The community supported autocracy and serfdom as a fiscal unit with shared responsibility and

a supplier of provisions, export products, workforce and army recruits. The community, even though the socialist element was present in it, was not only anti-bourgeois (which Herzen particularly valued) but even pro-feudal and, in this sense, anti-socialist.

According to Marx, the community was a superstructure based on a low labor productivity, and its days were numbered. Herzen did not admit the community degeneration trend and did not accept Marx's idea of antagonism between community productive forces and production relations. He argued that there was only a contradiction between the community and landlords' farming, and its solution was "liberation of peasants with land, i.e., practical socialism" [33. P. 325]. That is why at first Herzen ardently supported the peasant reform of 1861. However, when the government limitations of social transformations became evident, Herzen said that "all reforms starting with the peasant reform were not just incomplete but deliberately distorted" [30. P. 195], although in general he admitted that the peasant reform "despite its incompleteness, immediately led to various economic, administrative and legal consequences — namely, the introduction of *zemstvo* institutions, judicial reforms, etc." [30. P. 195].

Several decades later V.I. Lenin examined the results of the reform of 1861 and its possible options and concluded that the more completely the reform would have been implemented, the more land the peasants would have received and the more rapidly capitalism would have developed in Russia [44. P. 258]. Herzen saw no prospects for capitalism in Russia and tried to fight its manifestations by propagating community socialism. The community based on the principle of self-reliance by its very nature denounces any capitalist mode of production. However, Russian capitalism received a strong impetus after the 1861 reform, attacked the Russian community and gradually eroded its foundations, which made the community lose many of its members. The same processes had already been long underway in other European countries including Slavic peoples — community relations were falling apart, and the *volost* (rural district with several villages), the link between the central power and the local communities, could not save them.

However, in the mid-19th century, the decline of the Slavic community was not so evident, which allowed some political figures (mostly Russians) declare it a basis for social constructs in the long run. According to Herzen, communities as "embryos of the state structure" formed its "fabric" when united into a *volost*, outside of which any rule of the people came to an end. For Herzen, the immediate task after the emancipation of the peasants/community was liberation of the *volost* from the arbitrariness of the central power [26. P. 24–25]. Marx did not agree and used the Polish example to prove the irreversible decline of the community and *volost* (*gmina*). Although Marx considered the institute of *volost* democratic, he explained its nature differently from Herzen — as a part of *szlachta*'s freedom: "the fate of the 'democratic' Lethetic community was inevitable. The dominium proper is usurped by the crown, the aristocracy, etc.; the patriarchal relations between the dominium

and the peasant communities lead to serfdom; optional parcellation creates a sort of peasant middle class, the Equestrian Order, to which the peasant can rise only so long as war of conquest and colonization continue, both of which, however, are also conditions which accelerate his downfall. As soon as the limit has been reached this Equestrian Order, incapable of playing the role of a real middle class, is transformed into the lumpen-proletariat of the aristocracy” [53. P. 63].

However, subsequently Marx adjusted his concept of the peasant community in general and of the Russian community in particular to the European social development: “If the Russian Revolution becomes the signal for a proletarian revolution in the West, so that both complement each other, the present Russian common ownership of land may serve as the starting point for a communist development” [63. P. 305]. In other words, Marx argued that the proletariat of the West, having crushed its capitalist system, should help the Russian peasants after they overthrow the system of feudal serfdom. Only in this case Russia would bypass capitalism and the socialist elements of the community would develop further. Thus, Herzen and Marx agreed on the need for socialism in Europe, they disagreed on the ways to achieve it.

There was another reason for Herzen’s support for the community — the peasantry constituted an overwhelming majority of the population in Slavic countries (unlike some countries of the West). Thereby, Herzen wanted to emancipate the Slavic world based on the peasants’ aim to expropriate the landed estates and praised the socialist elements of community relations. He believed that only socialism would once and forever destroy social injustices [24. P. 92]: “Socialism leads us back to the threshold of our native home... We left it... and went to the great school of the West. Socialism returned us to our rural dwellings with experience and knowledge” [40. P. 73]. Herzen believed that the presence of socialist elements in the Slavic community was not a sufficient basis for a new, better social system. Elements of community life could turn into principles of social system only being combined with an advanced scientific theory, which would sweep the whole society. Herzen did not doubt that socialism was the most advanced scientific theory of that time: “The contemporary revolutionary thought is socialism. There is no revolution without socialism. Without socialism, there is only reaction — monarchic, demagogic, conservative, Catholic or republican” [40. P. 73]. Therefore, socialist transformations were possible only through the synthesis of an advanced Western doctrine with an objective Slavic material, the community: “A single powerful thought of the West... is capable of impregnating the embryos dormant in Slav patriarchal life” [33. P. 321]. Herzen believed that socialism would triumph first in the Slavic countries as the best prepared for a social revolution [40. P. 73], and his belief strengthened in the late 1850s under the “new powerful rise of the liberation movement” [2. P. 74] in Russia and other Slavic countries including Poland.

Let us consider how Herzen wanted to implement the theory of community socialism. He believed that all viable states consisted of institutes and cells which

in embryo incorporated all main features of these states, i.e., no institute should oppose the state that created it, for otherwise either the state would change to abolish that institute, or the new ideas and principles of the institute would change that state. Thus, any viable state must be internally consistent — the same principle must be the foundation of both the smallest cell constituting the state and the state as a whole. Since Herzen believed that the “community principle is the great foundation of the Slavs’ life” [35. P. 43], the community principle was the basis of his theory of the state known as community socialism. “*Artel* and rural community, distribution of profit and division of fields by peasant meetings” [19. P. IX, 149] is the essence of community relations. “Above the community, there should only be national unity, *res publica* (common cause) or the ruling power. Free communities are grouped into larger self-managed units (*volosts*)” [35. P. 53]. Local authorities are elective: “*starostas* [elders] elected by communities elect a chief for the *volost* from the common people, who is called the head. Many heads govern thirty thousand souls. In addition to the head, two judges are elected... for legal management of community affairs and the *volost* police. In villages, police duties are performed by elective *desyatskys* and *sotskys* [lower police positions]. Taxes and duties are distributed by the head and the elders. Thus, this is truly socialist self-government” [35. P. 53].

Herzen did not deny the state as such but sought to minimize the state pressure on the community and individual and to create a state that would help communities and individuals harmonize their aspirations for higher living standards (by collective management ‘from top to bottom’). That is why Herzen emphasizes that his ideal state is *res publica* — common cause or “*zemscoe delo*”. He translates the word ‘republic’ into Russian as ‘*zemsky*’ having two meanings: common cause relating to land in regions or country and land business relating to “land cultivated by community peasants”. Thus, Herzen’s republic is different from the real republics before the mid-19th century: “Socialists above all, we are deeply convinced that social progress is possible only under complete republican freedom and democratic equality. A republic that would not lead to socialism seems absurd — a transitional stage as an end in itself. On the other hand, socialism that would try to do without political freedom would rapidly degenerate into autocratic communism” [24. P. 88–89]. These words were written a hundred years before G. Orwell. According to Herzen, socialist principles should be applied to the entire society/republic. He declares himself an adherent of “agrarian and *artel*, rural and urban, statewide and regional socialism” [42. P. 286].

Herzen’s theory of Russian socialism, despite its many democratic and socialist principles (collectivity, electivity, self-reliance, etc.), was criticized by Marx and Engels, who believed that it was peasantry rather than peasant community to be emancipated: “The big agrarian countries between the Baltic and the Black seas can free themselves from patriarchal feudal barbarism only by an agrarian revolution, which turns the peasants who are serfs or liable to compulsory labor into free landowners” [60. P. 352]. Marx denied that the community had a social potential

and insisted that Herzen's 'cornerstones' (community and community relations) would fall apart under socialism due to their contradictions, thus, describing Herzen's interpretation of the social situation in Russia as "imaginative lies". Marx named Herzen's socialist state an eclectic "democratic–social–communist–Proudhonist Republic" [11. P. 487] and called Herzen a "socialist dilettante" [47. P. 82]. Lenin also described the *Narodnik* movement (founded by Herzen as a part of "Russian socialism") as eclectic and contradictory, naming "elements of democracy, utopian socialism, petty-bourgeois reforms and reactionary nature of the petty bourgeois" as its main elements [45. P. 237]. Lenin saw the petty-bourgeois character of Herzen's theory in the agrarian character of "Russian socialism".

Herzen developed plans for emancipating Russia in the mid-19th century as the emancipation of peasant communities with their cultivated lands — as a reliable guarantee against the proprietary individualism leading to private property and capitalism with subsequent dispossession of land and emergence of the proletariat. Herzen believed in agrarian democracy, and *Raznochintsy* (who did not belong to a particular class; members of the clergy, merchant class, petite bourgeoisie, peasantry, minor officials, and impoverished educated noblemen) and *Narodniki* ("populists" from the Russian middle class in the 1860s) stages of the revolutionary movement in Russia confirmed his correctness. Moreover, Herzen extended his theory to Poland for at least two reasons: it was a Slavic country and its major part belonged to the Russian Empire. The history of the Polish national liberation movement showed that the agrarian revolution should be the first stage of liberation and the solution of the Polish question. Engels stressed that "the establishment of agrarian democracy for Poland has become a vital question not only politically but also socially... the Polish people's source of existence, agriculture, is headed for ruin if the peasant who is enserfed or liable for labor-service does not become a free landowner" [60. P. 367], and believed that agrarian democracy was the only form of struggle against "patriarchal feudal absolutism" for Eastern Europe [60. P. 353]. However, Engels, like Marx, advocated agrarian democracy as representing the interests of "free landowners", by whom he meant agricultural workers.

Herzen interpreted agrarian democracy differently — as the community and as the federative idea, which exacerbated his theoretical opposition to Marx. Herzen regarded socialist state as a community of communities, a federation of rural and urban communities, which he called "*zemskoe delo*" (common cause). His ideas about the federative structure of Europe reflected the social-political processes of the 19th century. On the one hand, the idea of federation popular among the European radical politicians was a response to the impudent suppression of the national self-consciousness in republican France, which tried with a decree of the Constituent Assembly to erase the ethnic-cultural identity of the peoples from the kingdom of the Bourbons. From January 4, 1790, 'departments' named mainly after mountains and rivers, i.e., geographic reference points (the Bas-Rhin, the Vosges, the Upper Pyrenees, the Maritime Alps, etc.), were introduced instead of the former

historical regions (provinces) — Flanders, Brittany, Lorraine, Gascony, Provence, etc. Certainly, this practice of forced unification was supported by either liberals or democrats. On the other hand, the ideas of federalism as a version of democratic thought were recognized, which affected both social movements and political processes. The ideas of federalism were especially important for Herzen as he knew Proudhon, the theorist of the West-European federalism [67. P. 533–537] and the author of the book *On the Federative Principle* [68], and was a friend of another proponent of this principle Bakunin.

At that time, the most famous fighter for federalism in the social-political practices of the European countries was the Italian politician G. Mazzini, well-known to Herzen and Marx. While it is hardly possible to describe the relations between Marx and Mazzini as warm (Mazzini called Marx a “destructive spirit”, “extraordinarily sly”, “vindictive,” and “implacable”) [15. P. 394–396], Herzen highly valued him, including as a friend [19. P. XI, 15–16]. Mazzini combined federalism was the idea of national liberation of all European peoples from foreign oppression (like of Italy from the Austrian rule). Herzen sympathized this combination as complying with the main principles of the emancipation of Slavic communities from the class and national oppression.

The ideas of the national liberation of the European peoples became particularly acute in the 19th century (German/Italian/Irish/Norwegian question, etc.). Thereby, liberation of the southern and western Slavs from the German rule looked quite natural and urgent. There were different recipes for its elimination: the earliest one was the famous project of the Croat J. Krizanic, who called for unification of all Slavic peoples to overthrow the hateful “German yoke” [69. P. 115]. In the early 19th century, the ideas of Pan-Germanism and Pan-Slavism evolved from the nationalist theory and the French Revolution (subsequently, with the help of M. Garibaldi, they were supplemented with irredentist projects). Just as with any pan-movement, there was an internal struggle for superiority inside Pan-Slavism. Unlike Pan-Germanists, where the struggle started between Austrian Great Germans and Prussian Little Germans, in the 19th-century Pan-Slavism, there were three competing movements — Russian, Polish and Austrian, and two main contenders — Russians and Poles. Some Poles supported Russia, others insisted on the leading role of Poland in the future unification of the Slavs. Nevertheless, there was an idea that the Slavic liberation movement of the mid-19th century must unite all Slavic peoples in a single state, which was expressed by a part of the Slavic elite of Austria, Germany and Turkey and implied the release from the oppression by politically and economically much stronger foreign bourgeoisie and nobility: “the Slav world is striving for unity” [33. P. 313]. Herzen, following Decembrists, proposed to create a federation of free Slavic peoples: “While deeply hating any centralization, I am convinced that compatriotic federalizations produce an incomparably broader state environment than the splitting of a single race into separate parts” [32. P. 18].

In the federation, there is no oppression, all peoples live “as free with free and equal with equal” [21. P. 113].

In other words, Herzen opposed the leadership of any Slavic nation and regarded Slavic federation as a means not only of the future class and national liberation but also for rebuffing the German expansion against the Slavic world, which contradicted Marx’s concept as presupposing political and technological influence of the European West on the East and its further acculturation up to absorption. Slavic quasi-federations established by Versailles after the defeat of Germany in the World War I also aimed at constraining Germany. In 1938, Slavic quasi-federations were divided and included into the new German state on various grounds. After the World War II, they were restored, and the federal principle was implemented largely under the influence of Soviet Russia. However, after the collapse of the USSR in 1991, Russia put the destiny of its former Slavic allies into their hands, and the federations quickly collapsed. This disintegration of Slavic federations (Czechoslovakia, Yugoslavia, and Russia–Ukraine–Byelorussia) was politically and financially supported by federative Germany, including participation in military conflicts, in order to make fragments of the former federative states parts of the new federation created on the territory of Western and Central Europe under its leadership. Thus, the questions raised by Herzen and Marx were hardly imaginary.

These problems of the social state, peoples’ freedom, and federation as a way of their protection remain relevant. According to Herzen, federation is based on the idea of people’s freedom, which implied both liberation from any exploitation (social component) and unification with kindred ethnic groups to ensure security from foreign enslavers (ethnic component). Marx rejected this combination (national self-determination, democracy and federalism) with the triad of proletarian self-consciousness, dictatorship, and unitarianism. Marx particularly strongly opposed federalism as a harmful political invention weakening proletarians. He divided federalism into three types according to his doctrine of social formations: reactionary [49. P. 26; 50. P. 567; 57. P. 587], petty bourgeois [62. P. 265; 8. P. 466–468], and anarchist [10. P. 162–163; 59. P. 424–426; 8. P. 466–469]. Marx insisted on the universal, unitary, unification of the poorest class, proletarians, and did not pay special attention to ethnic groups, considering them mainly in terms of perceptiveness to the Western industrial thinking and the ideas of proletarian internationalism. In his address to the communist organization, he called his supporters to reject the vicious practices of democracy and federalism and their manifestations — national liberation and self-government: “The democrats will either work directly towards a federated republic, or at least, if they cannot avoid the one and indivisible republic, they will attempt to paralyze the central government by granting the municipalities and provinces the greatest possible autonomy and independence. In opposition to this plan the workers must not only strive for one and indivisible German republic, but also... for the most decisive centralization of power in the hands of the state authority. They should not let themselves be led

astray by empty democratic talk about the freedom of the municipalities, self-government, etc. In a country like Germany, where so many remnants of the Middle Ages are still to be abolished, where so much local and provincial obstinacy has to be broken down, it cannot under any circumstances be tolerated that each village, each town and each province may put up new obstacles in the way of revolutionary activity, which can only be developed with full efficiency from a central point” [62. P. 265–266]. Therefore, the concept of community especially irritated Marx: “Least of all can a so-called free system of local government be allowed to perpetuate a form of property which is more backward than modern private property and which is everywhere and inevitably being transformed into private property; namely communal property, with its consequent disputes between poor and rich communities. Nor can this so-called free system of local government be allowed to perpetuate, side by side with the state civil law, the existence of communal civil law with its sharp practices directed against the workers” [62. P. 265–266].

Such a fundamental opposition could not but concern Poland. Formally Herzen and Marx seemed to hold the same position: both published articles and made presentations stressing that Poland had to be restored as the main fighter against Russian czarism. However, Herzen regarded liberated Poland as the keystone in the future federation of free Slavic peoples, while Marx — as a sanitary cordon protecting the West from Asiatic barbarism: “There is but one alternative for Europe. Either Asiatic barbarism, under Muscovite direction, will burst around its head like an avalanche, or else it must re-establish Poland, thus putting twenty million heroes between itself and Asia and gaining a breathing spell for the accomplishment of its social regeneration” [55. P. 208]. This is certainly a strange idea for the author positioning himself as an internationalist and advocate of all proletarians, but later this idea acquired great political instrumentality even among those who opposed Marx’s doctrine.

Thus, despite conceptual disagreements, both Marx and Herzen attached great importance to Poland in political theories. Herzen believed that Poland was not only a catalyst for the future social revolution but also an obstacle for an all-Slavic federation, and strived to change the minds of both Polish and Russian revolutionaries in favor of a democratic union: “The solidarity of Russia and Poland and of the entire Slavic world cannot be rejected; it is obvious. Moreover, without Russia, there is no future for the Slavic world... it will be absorbed by the German element” [33. P. 314]. According to Herzen, the socialist revolution in Europe would begin in the Slavic lands, and he regarded the assimilation of Slavs as an attempt of the German peoples to prevent the future social revolution. That is why Herzen sought to unite the forces of all Slavic — revolutionary — peoples, so that “when the thunderstorm, which no power in the world can stop, breaks out, they will not be taken unaware” [32. P. 42]. He did not doubt that practically all Slavs would pass on to such a type of social state in which ‘social’ would mean ‘communal’ (as close to the term *‘socium’*).

Today Herzen's confidence in the inevitable transition of all Slavs, including those in Austria and Turkey, to community socialism may seem inexplicable. But Marx expressed no lesser confidence that all peoples of the European West would inevitably change their social structure according to the communist ideals. This was a vividly manifested struggle of ideas on the source of the new social being, which continues, albeit in different forms. For instance, in the 20th century, in the European East, the pseudo-Marxism largely relied on the community notions, which was particularly the case of the Soviet Union: according to N.A. Berdyaev, the revolution was made "in the name of Marx but certainly not according to Marx" [3. P. 86]. In the West, various socialist parties periodically come to power with the emasculated version of Marxism devoid of its most radical points, but communist concepts are often replaced by communitarianism.

If we compare the areas of application of Marx's ideas (mainly the West) and Herzen's ideas (mainly the East), one may wonder whether contemporary political contradictions between these two parts of Europe are a consequence of value differences in social organization, which were identified already by Herzen and Marx. If this is so, then there is a conditional division of the 20th-century Europe into 'Marx's' and 'Herzen's' parts. In some sense, the struggle between Western communitarianism and Russian communalism continues today due to their values adopted as the basic characteristics of both societies. We mean not only Russian–West-European contradictions, but general differences in the social organization of the state, ethnic and confessional systems between West-European societies and Central/South-European societies.

Herzen focused on the theoretical aspect of such differences in the opposition of both Slavs–Germans' and Poles–Slavs. Keeping in touch with the Polish revolutionaries (noblemen), he understood well their aims and methods. Herzen believed that the peasant community in Poland, the main bearer of socialist elements, was dying and losing its latent socialist values. He saw a connection between Catholicism and decomposition of the community: "In the areas of Orthodoxy, with a language closer to Russian than Polish, with the preserved Russian peasant way of life, the *mir*, assembly and common ownership of land, people would probably want to be Russian. In the areas of Catholicism or the Union, with no commune or the common ownership of land, sympathy for Poland is probably stronger" [32. P. 21]. This reminds M. Weber's later attempt to introduce an anti-Marxian concept of social development as relating Protestantism to capitalism [74]. Herzen argued that the socialist revival of Poland in the mid-19th century presupposed "a closer connection to the Slavic world to remember its Slavic beginning" [29. P. 90]. However, despite the strong desire to see Poland in a federation of free Slavic republics, Herzen did not want its forced incorporation: "Poland... has an inherent right to a state independent of Russia. Whether we wish free Poland to be separated from free Russia is another question. No, we do not wish this" [32. P. 18].

Herzen hoped for voluntary unification of Russia and Poland on a federative basis — a free unity based on equality [29. P. 89]. “Russia has no rights to Poland... and if Poland does not want this union, we can grieve for this, we may not agree with this, but we cannot refuse to give Poland freedom” [32. P. 18–19]. The idea of a federation of free Slavic peoples was extremely appealing in the first half of the 19th century. For instance, such a federation was mentioned, in one way or another, in many program documents of the left wing in the Polish national liberation movement [43. P. 217–225].

Herzen believed that autonomy was one of the main conditions for “community socialism”, emphasizing the preferability of the self-government of communities, *volosts* and even the whole federation. The opinion of masses was the most important thing, but the opinion of a minority should be respected. Herzen argued that in case of a disagreement, the minority had the right to leave the federation: if Ukraine “wants to be neither Polish nor Russian... Ukraine should be recognized as a free and independent country... That is why I value federalism so highly. Federal parts are connected by common goal and no part belongs to another” [32. P. 21].

According to Herzen, the main basis of federalism was voluntariness, therefore, Slavic unity needed time and a gradual approach: “it is necessary to achieve it through a number of different independent forms and... combinations... let us keep the future union in mind as an ideal” [32. P. 21]. These combinations included the Danube-Carpathian federation of Western Slavs and the republican federation of Southern Slavs [27. P. 173–174], the “links of an extensive confederation” from the Balkans to the Adriatic Sea [41. P. 105], and, finally, a turning of all Slavic federations into a union. Herzen proposed to make Constantinople the capital of this Slavic union [37. P. 199] as the “beginning of a democratic and socialist Slavic federation” [28. P. 238]. In the article in one Chartist magazine, Herzen wrote: “Neither Vienna, a rococo German city, nor Saint Petersburg, a new German city, nor Warsaw, a Catholic city, nor Moscow, a solely Russian city, can claim the role of the capital of united Slavs — only Constantinople” [37. P. 199]. Is it a geometric sum of the “diagonal approach”? Or a political construct for distancing from the Saint Petersburg–Moscow legacy and for making the capital of the federation equidistant from Pan-Slavists of Austria, Poland and Russia?

These ideas bothered Marx as strangely coinciding with the foreign-policy plans of the Russian Empire — since the Greek project of Catherine II, the value of Constantinople was strategically equal to the British Gibraltar and Kiev in the cultural-historical terms. Therefore, Herzen’s statements that the “conquest of Constantinople will be the beginning of new Russia” [28. P. 238] and that “Constantinople will replace Saint Petersburg” [37. P. 199] made Marx accuse Herzen of liberal hesitations, of “singing the praises to the czar-liberator” during the reforms, and of making the czar “continue his emancipatory work and launch a crusade for the liberation of the oppressed Slavic peoples” [59. P. 430]. Marx considered these views utopian and Pan-Slavist [51. P. 440–441; 61. P. 9; 54.

P. 116–119; 14. P. 359; 13. P. 438–448] for he associated the triumph of socialism with a revolutionary war of the advanced European states against czarist Russia as a stronghold of reaction in Europe. For this reason, Marx regarded all Slavs' calls for consolidation as supporting the reactionary-protective policy of the Russian czar. He tended to perceive Slavs in general and Russians through the 1848–1849 events in Hungary — when the Austrian army (mainly Southern Slavs) and the Russian army suppressed the Hungarian rebellion against the Habsburg monarchy.

At the initial stage of the Russian reforms (1861), a time of hopes and even euphoria, Marx had certain grounds for accusing Herzen of Pan-Slavism. However, as the reforms were implemented, Herzen's liberal illusions were vanishing, and he returned to a consistently revolutionary stand and focused on the consolidation of Slavs on a democratic and even socialist basis rather than under the Saint Petersburg's gendarme rule [33. P. 324]. In addition, Herzen strived for the consolidation of revolutionaries — Slavs and West Europeans — in the struggle for radical changes: “Who can foretell the fate of the Slav world, if reaction and absolutism finally suppress the revolution in Europe?” [34. P. 334]. Thus, Herzen's federative projects based on an equitable integration and socialism significantly differed from Pan-Slavist projects. He saw not only a threat for the Western democrats from the Russian autocracy, which he strived to overthrow, but also a threat for the Russian democrats from Western reactionaries. In the article “Muscovite Pan-Slavism and Russian Europeanism”, he opposed himself to Slavophiles as a European, refusing to change “the collar of German slavery for the collar of Orthodox-Slavic slavery” and calling to throw off all collars. He tried to direct the energy and socialist potential of the Slavic peoples to the equal unification with the West-European peoples, saying that the “hopes and aspirations of revolutionary Russia coincide with the hopes and aspirations of revolutionary Europe and anticipate their future alliance” [23. P. 234, 255].

Therefore, despite some mutual accusations and political statements, defining Herzen as Pan-Slavist is as ridiculous as reproaching Marx for Pan-Germanism of a pan-European type, and the relevant Pan-Slavist and Pan-Europeanist terms were of a solely instrumental nature for Herzen and Marx. Both dreamt of socialism but understood it differently: Herzen advocated its collectivist version and relied on the community which prevailed among the Slavic peoples; Marx fought for a political system based on the value of public rather than collectivist, which was developed only in the European West. In other words, the struggle between Herzen and Marx for the future of Europe can be described as a conflict of basic values — community and society, or Tönnies' *Gemeinschaft* and *Gesellschaft* [73. P. 333–354].

Herzen assumed that the political leadership was more important for Marx (as for any native German) than the victory of socialism. In Russia, after the 1830s Saint-Simonist ideas had made a great impression on radicals, the situation was different: “Having got used to communities, land division, working *artels*, we saw this doctrine as closer to us than political doctrines. We, who witnessed the most terrible

abuses, were confused by socialism less than the Western bourgeoisie. In Moscow, socialism developed together with Hegelian philosophy. It is easy to imagine a union of new philosophy with socialism, but the Germans have only recently recognized a close connection between science and revolution — not because they did not understand it before but because socialism as everything practical did not interest them. Germans could be deeply radical in science, while remaining conservative in their actions, — poets on paper and bourgeois in life. On the contrary, we disgust dualism. For us, socialism is the most natural philosophical syllogism, an application of logic to the state” [23. P. 252].

There was a gradual departure of the West-European Marxists from Hegelian philosophy as a key element of scientific socialism in the 19th century. Bernstein, a leader of the German social democracy and the closest friend of Engels in the last years of his life, proposed a teleological interpretation of the labor movement. He declared that socialism was good only as a goal, i.e., as the movement towards it was more important [5. P. 201]; proclaimed Hegel’s dialectics unscientific due to its excessive speculativeness [5. P. 29–65] and suggested to rely on Neo-Kantianism in social cognition, considering Kant’s ideas as emasculating the antiscientific materialism and metaphysical hypocrisy of Hegel’s dialectics (“*Kant against cant*”) [5. P. 219–232].). One of the political heirs of Herzen, G.V. Plekhanov, the head of the *Narodnik Chorny Peredel* (“Black Repartition”) and later the leader of the Russian social democracy, read these statements before their publication [65. P. 336] and argued that the German Social Democrats must exclude Bernstein from their ranks. However, they decided otherwise, and Bernstein’s ideas became the basis for both German and European social democracy in the 20th–21st centuries. Thus, the programs of the Social Democratic Party of Germany (Erfurt Program of 1891 and Godesberg Program of 1959) revised Marx’s theory of class struggle and abolished his interpretation of the Hegelian method as a simple solution of complex problems (political elimination up to physical destruction of one class by another).

In Russia and, with certain reservations, Slavic countries, the 1917 Revolution and subsequent related events determined an extremely formal, arbitrary and radical version of Marxism with insertions of the strongly modified Herzen’s socialist ideas. Concerning Herzen, we can mention, first, the Bolsheviks’ reliance on the traditional community and their struggle against society (collective farms and specialized associations with shared responsibility); second, the federal structure of the state. The leaders of one of Marxist parties — Lenin, Trotsky and Stalin — knew well Herzen’s and Marx’ works, however, despite their claims, not as theorists but as authoritarian politicians, which is why they preferred Marx’s methods to Herzen’s theories which, nevertheless, affected the political space of the states allied with the USSR (all Slavic countries and ethnic groups). Most probably, Herzen would not accept the Soviet version of socialism, just as Marx would not accept the contemporary Western bourgeoisness largely sanctified by his name (by Socialists and Social Democrats as the main political force of Western Europe for decades).

If the potential of socialism is substantial (although there are other political regimes and explaining theories), we need to recognize Herzen's and Marx's impact on the future social destinies of the peoples of Europe.

In general, both projects relied on the scientific 'laws' of social development discovered by the socialist paradigm of the 19th century. The idea of justice was the basic value of this line of social thought, and both projects to a large extent determined the subsequent development of the European political culture, for the struggle for a more just society led to the creation of political parties. Herzen was regarded as the founding father of the most vigorous (up to radical) parties of the European East — *Narodniks* and Socialist Revolutionaries. Marx became the founder of the West-European movement claiming to be global. Many West-European parties that come to power have Marxist roots. Thereby, the question is whether socialism is a historically determined social inevitability (according to Marx) or a method of social organization based on the traditional ideas of social justice (according to Herzen).

Herzen's project, just as Marx's project, was anti-liberal. He preferred democracy — people's governance — to the liberal appeals of the Enlighteners during the French Revolution. This was one of the differences from the anti-liberal concept of Marx, who was not fond of democracy. It is no coincidence that Herzen chose the title *Kolokol* (Bell) for the newspaper published by the Free Russian Printing House — as an allusion to an essential attribute of the Novgorod *veche* (people's assembly, a type of the old Russian democracy). He defined democracy mainly as direct democracy and focused not so much on the issues of freedom as the issues of just power. During the Great Reforms, Herzen pinned great hopes on the liberation of peasants from serfdom as changing their social status, making them citizens and giving them a chance of self-government. However, the reforms disappointed him. Being aware of the West-European way of social development, Herzen saw that liberalism did not abolish exploitation but changed its forms. He tried to prevent the Russian population from replacing the vise of feudal lawlessness with more sophisticated forms of capitalist lawlessness. Herzen did not accept Marx's formational constructs claiming the status of the social law: "history has no invariable purpose about which Catholics teach and philosophers preach" [36. P. 137].

Moreover, Herzen did not believe that history should be interpreted mainly in economic terms and that a just society implies capitalism in the allegedly inevitable course of history. He considered capitalism a social failure that developed in Western Europe and then affected all peoples of the world and explained this failure by slowing down the movement to a just way of life. Herzen believed that his concept would eliminate evident injustices: "The slowness and confusion of the historical process is maddening and choking us; it is intolerable, and many of us hasten and hurry others, although we know better. Is this good or not? Herein lies the whole question" [22. P. 576]. This is another difference of Herzen's concept

from that of Marx: he opposed the economic approach of Marx (efficiency as the main criterion) with the ethical standards and values of traditional morals, which made I. Berlin call Herzen a moral preacher of genius [4. P. 83]. We would add that Herzen was also an outstanding visionary — a free community life which Herzen advocated so much is still in demand [64]. Thus, the transition to a community life on a new, conscious and fair principle is precisely the diagonal between Marx's capitalism and Herzen's communism that complicated the social life in the 20th century.

References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow; 2003. (In Russ.).
2. Belyavskaya I.M. *A.I. Herzen i polskoe natsionalno-osvoboditelnoe dvizhenie 60-h godov 19 veka* [A.I. Herzen and the Polish National Liberation Movement in the 1860s]. Moscow; 1954. (In Russ.).
3. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Paris; 1955. (In Russ.).
4. Berlin I. Herzen and Bakunin on individual liberty. Berlin I. *Russian Thinkers*. London; 2000. (In Russ.).
5. Bernstein E. *Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie*. Hamburg; 1984.
6. Billington J. *The Icon and The Axe*. Michigan University; 1966.
7. Dal V.I. *Tolkovy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow; 1978. Vol. I, III. (In Russ.).
8. Engels F. Bakunisty za rabotoj [Bakuninists at work]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
9. Engels F. Emigrantskaya literatura [Immigrant literature]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
10. Engels F. Kongress v Gaage (Pismo k Bignami) [The congress at the Hague (Letter to Enrico Bignami)]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
11. Engels F. Pismo I. Weydemeyera 12 aprelya 1893 g. [Letter to J. Weydemeyer]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 28. (In Russ.).
12. Engels F. Pismo K. Kautskomu 7.02.1882 [Letter to Karl Kautsky]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 35. (In Russ.).
13. Engels F. Posleslovie k rabote “O sotsialnom voprose v Rossii” [On the social question in Russia]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 22. (In Russ.).
14. Engels F. Vvedenie k broshyure Borkheima “Na pamyat ura-patriotam 1806–1807 godov” [Introduction to Borkheim]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 21. (In Russ.).
15. Engels F. Vystuplenie Mazzini protiv Internat sionala [Mazzini's speech against the International]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 17. (In Russ.).
16. Hegel G.W.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of World History]. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
17. Grevtsova E.S. Herzen kak filosof [Herzen as a philosopher]. *Values and Meanings*. 2012; 4. (In Russ.).
18. Herzen A.I. Analiticheskoe izlozhenie solnechnoj sistemy Copernika [Analytical presentation of the Copernican solar system]. *Collected Works*. Moscow; 1954–1966. Vol. 1. (In Russ.).
19. Herzen A.I. Byloe i dumy [My past and thoughts]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. IX–XI. (In Russ.).
20. Herzen A.I. Dnevnik 1842–1845 [Diary of 1842–1845]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 2. (In Russ.).

21. Herzen A.I. K izdatel'yu "Przełądu rzeczy polskich" [To the publisher of the *Przełądu Rzeczy Polskich*]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 15. (In Russ.).
22. Herzen A.I. K staromu tovarishchu [To the old friend]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 20. (In Russ.).
23. Herzen A.I. O razvitii revolyutsionnykh idej v Rossii [On the development of revolutionary ideas in Russia]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 7. (In Russ.).
24. Herzen A.I. Otvet na prizyv k russkim Polskogo respublikanskogo tsentra [Response to the appeal to the Russians of the Polish Republican Center]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 20. (In Russ.).
25. Herzen A.I. Pisma ob izuchenii prirody [Letters on the study of nature]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 3. (In Russ.).
26. Herzen A.I. Pismo k Garibaldi [Letter to Garibaldi]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
27. Herzen A.I. Pismo L. Pianciani [Letter to L. Pianciani]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 25. (In Russ.).
28. Herzen A.I. Pismo russkogo k Mazzini [Letter of the Russian to Mazzini]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 6. (In Russ.).
29. Herzen A.I. Polyaki proshchayut nas! [Poles forgive us!]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 12. (In Russ.).
30. Herzen A.I. Poryadok torzhestvuet! [Order triumphs!]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 19. (In Russ.).
31. Herzen A.I. Protest. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 17. (In Russ.).
32. Herzen A.I. Rossiya i Polsha [Russia and Poland]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 14. (In Russ.).
33. Herzen A.I. Russky narod i sotsializm [Russian people and socialism]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 7. (In Russ.).
34. Herzen A.I. Russky narod i sotsializm. Pismo k J. Michelet [Russian people and socialism. Letter to J. Michelet]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 7. (In Russ.).
35. Herzen A.I. Russkoe krepostnichestvo [Russian serfdom]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 12. (In Russ.).
36. Herzen A.I. S togo berega [From that shore]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 6. (In Russ.).
37. Herzen A.I. Stary mir i Rossiya [Old world and Russia]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 12. (In Russ.).
38. Herzen A.I. Stary mir i Rossiya. Pisma k W. Lintonu [Old world and Russia. Letters to W. Linton]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 12. (In Russ.).
39. Herzen A.I. Slavyanskaya agitatsiya [Slavic agitation]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 19. (In Russ.).
40. Herzen A.I. V redaktsiyu "Polskogo demokrata" [To the editors of the *Polish Democrat*]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 12. (In Russ.).
41. Herzen A.I. Vojna [War]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 14. (In Russ.).
42. Herzen A.I. 1857–1867. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 19. (In Russ.).
43. *Izbrannye proizvedeniya progressivnykh polskih myslitelej* [Selected Works of the Progressive Polish Thinkers]. Vol. 2. Moscow; 1957. (In Russ.).
44. Lenin V.I. Pamyati Herzena [In memory of Herzen]. Lenin V.I. *Complete Works*. Vol. 21. Moscow; 1968. (In Russ.).
45. Lenin V.I. Vtoroj variant konspektov leksij. "Marksistskie vzglyady na agrarny vopros" [Second version of lectures. "Marxist interpretation of the agrarian question"]. *Lenin Collections*. Vol. XIX. Moscow; 1932. (In Russ.).
46. Malia M. *Aleksandr Herzen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812–1855* [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. 1812–1855]. Moscow; 2010. (In Russ.).
47. Marx K. Eshche raz Stefanoni i Internatsional [Once again Stefanoni and the International]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).

48. Marx K. K kritike politicheskoj ekonomii [A contribution to the critique of political economy]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 13. (In Russ.).
49. Marx K. Klassovaya borba vo Frantsii s 1848 po 1850 g. [Class struggles in France, 1848 to 1850]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 7. (In Russ.).
50. Marx K. Commune. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 17. (In Russ.).
51. Marx K. Konfidentsialnoe soobshenie [Confidential communication]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 16. (In Russ.).
52. Marx K. Pismo F. Engelsu v Manchester 10 fevralya 1870 g. [Letter to Friedrich Engels, February 10, 1870]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 32. (In Russ.).
53. Marx K. Pismo F. Engelsu v Manchester 30 oktyabrya 1856 g. [Letter to Friedrich Engels, October 30, 1856]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 29. (In Russ.).
54. Marx K. Pismo v redaktsiyu “Otechestvennyh zapisok” [Letter to the editors of the *Notes on the Fatherland*]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 19. (In Russ.).
55. Marx K. Polsha i russkaya ugroza [Poland and the Russian threat]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 34. (In Russ.).
56. Marx K. Posleslovie k rabote “O sotsialnom voprose v Rossii” [Afterword, “On the social question in Russia”]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 22. (In Russ.).
57. Marx K. Vtoroj nabrosok “Grazhdanskoj vojny vo Frantsii” [Second draft of the *Civil War in France*]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 17. (In Russ.).
58. Marx K., Engels F. Alyans i Mezhdunarodnoe tovarishchestvo rabochih [Alliance and the International Workingmen’s Association]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
59. Marx K., Engels F. Alyans sotsialisticheskoy demokratii i Mezhdunarodnoe tovarishchestvo rabochih [Alliance of Socialist Democracy and the International Workingmen’s Association]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
60. Marx K., Engels F. Debaty po polskomu voprosu vo Frankfurte [Debates on the Polish question in Frankfurt]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 5. (In Russ.).
61. Marx K., Engels F. Mnimye raskoly v Internatsionale [Fictitious splits in the International]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 18. (In Russ.).
62. Marx K., Engels F. Obrashchenie Tsentralnogo komiteta k Soyuzu kommunistov. Mart 1850 [Address of the Central Committee to the Communist League. March 1850]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 7. (In Russ.).
63. Marx K., Engels F. Predislovie ko vtoromu russkomu izdaniyu “Manifesta kommunisticheskoy partii” [Preface to the second Russian edition of the *Manifesto of the Communist Party*]. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 19. (In Russ.).
64. Metcalf B. (Ed.). *Co-operative Lifestyles in Australia: From Utopian Dreaming to Communal Reality*. Sydney; 1995.
65. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Humanitarian populism. *Russian Sociological Review*. 2022; 21 (4).
66. Nikulin, A., Trotsuk, I. Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below”. *Politics and Policies of Rural Authenticity*. P. Pospěch, E.M. Fuglestad, E. Figueiredo (Eds.). Routledge; 2022.
67. Plekhanov G.V. O mnimom krizise marksizma [On the fictitious crisis of Marxism]. Plekhanov G.V. *Selected Philosophical Works*. Vol. 2. Moscow; 1956. (In Russ.).
68. Proudhon P.-J. *Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution*. Paris; 1863.
69. Proudhon P.-J. Iz pisem P.-J. Proudhona [From the letters of P.-J. Proudhon]. Herzen A.I. *Collected Works*. Vol. 11. (In Russ.).
70. Pustovojt P.G. Problemy slavyanskogo kharaktera v mirovozzrenii i tvorchestve Herzena [Issues of the Slavic character in the worldview and works of Herzen]. V *International Congress of Slavists*. Sofia; 1963. (In Russ.).

71. *Russkoe gosudarstvo v polovine XVII veka* [Russian State in the Half of the 17th Century]. P.A. Bezsonov (Ed.). Moscow; 1860. (In Russ.).
72. Shabaga A.V. *Istorichesky sub`ekt v poiskah svoego Ya* [Historical Subject in Search of One's Identity]. Moscow; 2009. (In Russ.).
73. Tönnies F. Obshnost i obshestvo [Community and society]. *Sociological Journal*. 1998; 3/4. (In Russ.).
74. Weber M. *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Tübingen; 1934.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-294-315

EDN: TACHXV

Герцен против Маркса: поиск диагонали*

А.В. Шаблага

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: shabaga-av@rudn.ru)

Аннотация. Первая половина XIX века была периодом развития инакомыслия и общественных движений в Европе. К наиболее известным и влиятельным диссидентам того периода можно отнести А.И. Герцена и К. Маркса. Оба были сторонниками социализма и основали движения, которым было суждено коренным образом изменить общественную жизнь европейского Востока и Запада. Социальные конструкты будущего, разработанные ими, до сих пор востребованы — социалистические и социал-демократические идеи во многом определяют современный политический ландшафт. Будучи в молодости приверженцами либерализма, позже Герцен и Маркс отказались от этой концепции, сочтя ее неконструктивной. Герцен подверг либералов критике за то, что они выдумывают народ, а не изучают его, и требуют, чтобы все без исключения стали *homo politicus* и занялись решением общественных вопросов. Маркс стал проповедником диктатуры как единственного способа построения справедливого общества в Европе. Он часто практиковал авторитаризм, за что его критиковал Герцен. Переболев либерализмом, Герцен стал относиться к нему критически и потому, что осознал его латентный индивидуализм. Герцен искал пути переустройства российского общества в демократии, понимая ее, главным образом, как выражение коллективистского духа. Особый интерес представляет попытка Герцена обосновать возможность миновать буржуазную формуацию Маркса посредством «диагонального» перехода от докапиталистического общества к социализму. Герцен считал капитализм социальной неудачей, «историческим вывихом», который, развившись в Западной Европе, затронул все народы мира. Альтернативный конструкт, предложенный Герценом, имеет потенциал для антикапиталистических объединений, постоянно возникающих в разных регионах мира, — они пытаются создать самоуправляющиеся общины, лишённые недостатков буржуазной демократии.

Ключевые слова: Герцен; Маркс; социальные теории; общинный социализм; коммунизм; антикапитализм; антилиберализм; «диагональный» путь развития; Россия

*© Шаблага А.В., 2023

Статья поступила 01.02.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-316-328

EDN: TAGWWW

Советский человек как умозрительная конструкция и жизненная практика (из истории межнациональных отношений в Акмолинске)*

Н.С. Кирабаев¹, Ж.С. Беисова²

¹Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия

²Национальный музей Республики Казахстан,
просп. Тауелсыздык, 54, Астана, 010000, Казахстан

(e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru; zhanna_10@mai.ru)

Аннотация. В статье концепция «новой исторической общности — советский народ» рассмотрена как теоретическая конструкция и как жизненная практика. Анализируются понятия «советский человек», «нация», «национальность», отмечается, что ни одно определение этих понятий не получило всеобщего признания. Рассматриваются «западные» и «восточные» подходы к пониманию нации. Отмечается, что если в западной исследовательской традиции доминирует прогрессистский подход, считающий нацию феноменом Нового и Новейшего времени, то восточная традиция придерживается скорее полицетрического подхода, т.е. понимает нацию как этническую общность, определяющую народную культуру, народный характер и народный дух. Подчеркивается, что необходимо рассматривать все перечисленные понятия в единой системе, т.е. советский народ выступает как интернациональная общность, в которой не исчезают национальные различия. Если народ трактуется как политический проект, то мы имеем дело с идеологиями. Понимание советского народа как дискурсивного образования дает представление о гражданской или этнической национальной идентичности, как культурного феномена, основанного на родном языке и моральных ценностях, — позволяет говорить о национальной культуре или душе народа как проявлениях этносолидарности. Примеры из истории некогда могущественного государства СССР показывают, что формирование советского народа как нации было связано с единой территорией и общей исторической судьбой. Как жизненную практику (на примере культуры провинциальных городов типа Акмолинска в Республике Казахстан накануне Великой Отечественной войны) можно представить культуру советского народа, объединенного общей исторической судьбой. Советский народ как историческая общность формировался на основе множества этнических образований, национальных культур и конфессий, что позволяет говорить о нации как системном феномене, а не только как о политической конструкции. Причем советский народ был объединен

*© Кирабаев Н.С., Беисова Ж.С., 2023

Статья поступила 07.01.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

общими целями и задачами политического и культурного характера, которые, как показала история Советского Союза, имели как солидаризирующий, так и конфликтогенный потенциал.

Ключевые слова: советский народ; нация; национальность; «воображаемое сообщество»; межнациональные отношения; национальная культура; этнический конфликт; межнациональная солидарность; дружба народов

30 декабря 1922 был образован Советский Союз. Прошло почти три десятилетия с того момента, как этой страны не стало. В мировой истории Советский Союз остался государством, которое потрясло мир, изменило облик планеты, повлияло на современный миропорядок и России. Для понимания того, что есть многонациональный народ — россияне, поскольку правопреемником СССР стала Российская Федерация, важно изучать опыт государственного строительства СССР, развития советской культуры и культур народов СССР, формирование советской идентичности и советского народа как новой исторической общности.

Распад СССР и образование независимых государств на постсоветском пространстве, распад Югославии и образование независимых государств Хорватии, Черногории, Македонии, Сербии, Боснии и Герцеговины, а также ряд других примеров показывают, что сегодня остро стоит вопрос о таком явлении, как национальная идентичность — об определении понятий «народ» и «нация» которые могут рассматриваться и как умозрительные идеи или конструкции, и как жизненные практики, представляющее собой дискурсивную множественность в национально-государственном строительстве и развитии социокультурного своеобразия. Противоречия между абстрактными и универсальными характеристиками народа как политического феномена и как эмпирической данности говорят о необходимости понятийной ясности и прозрачности, а также о важности учета практической взаимосвязи с понятиями нации, национальности и национализма. Например, в результате политики США и европейских государств в странах Азии, Африки и Латинской Америки волны эмиграции из этих регионов за последние двадцать лет захлестнули страны коллективного Запада, в результате Европа встала перед выбором своей идентичности и национальной политики, в частности, после выхода из ЕС Великобритании. Идеологическая риторика о национализме зачастую мистифицирует природу «народа», особенно на локальном уровне, где народ и национальная идентичность определяются в первую очередь как политическая конструкция.

Понятие «народ», как правило, подразумевает социальную, государственную и этническую общности. Если в государственной общности народ может быть национально однородным и разнородным, то народ как этническая общность — это племя, народность, нация. Народ как социальная общность предполагает, что его определение зависит от конкретных соци-

ально-исторических условий. Если для становления гражданской нации в США потребовалось более 200 лет естественно-исторического развития, то в СССР — 50. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» отмечалось, что «за годы строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ» [15. С. 356]. При этом понятие «советский народ» полностью соответствовало совокупности признаков в сталинском определении нации — историчность, устойчивость, общность языка и территории, экономические связи, общность духовного облика в культуре [19. С. 296–297].

Таким образом, советский народ — это социально-политическая общность, субъект исторического действия, нечто целое, которое нельзя свести к совокупности его характеристик. Советский народ — это сумма наций и народностей, т.е. интернациональная общность, в которой не исчезают национальные различия. В западной социально-философской и политической традиции нация рассматривается как феномен Нового и Новейшего времени. Появление наций как исторического феномена связывается с образованием «национальных государств», формированием капиталистических отношений и появлением буржуазии (прогрессистский подход: род — племя — этнос — нация). Именно в этом понимании категория «нация» используется в системе международного права.

В основе так называемой «восточной традиции» лежит полицентристский подход, в рамках которого приоритетное внимание уделяется этнической природе нации, определяющей народный характер и народную культуру [7. С. 275]. В целом этот подход лежит в основе и примордиалистской, или перенниалистской, трактовки нации [14. С. 95].

В международном праве нация равнозначна национальному государству, поэтому в европейской традиции нация означает гражданство конкретной страны, т.е. речь идет о гражданской нации и народе. Понятие «нация» созвучно понятию «национальность», но по содержанию они различны. В документах ООН нация — феномен гражданского общества. Б. Андерсон в рамках конструктивистского подхода ввел трактовку нации как «воображаемого сообщества»: «воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [2. С. 30]. Антоним — невоображаемое сообщество, или сообщество повседневного общения (деревня, приход, сельская община).

Для понимания национальной идентичности и ее влияния на жизненные практики недостаточно политической трактовки нации — важно рассматривать нацию как социокультурное понятие, и тогда можно говорить о национальности. Например, когда речь идет о национальных спортивных командах или спорте в целом болельщикам нет никакого дела до политики или государственной власти. К. Калхун считает, что основные характеристики нации следует рассматривать в системе: «границы территории, население

или то и другое; неделимость — представление о целостности нации; суверенитет или по крайней мере стремление к суверенитету; ...идея о том, что правление является справедливым только тогда, когда оно опирается на волю народа или по крайней мере служит интересам “народа” или “нации”; участие народа в коллективных делах; ...прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственной частью нации; ...культура, включая сочтения языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаем практик; глубина во времени — представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей; общее происхождение или расовые черты; особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией» [13. С. 30–31].

Для Калхуна понятие нации многозначно и многослойно — это и народ, и национальность, и этнос, и принадлежность к одной расе. Представляется, что определение нации всегда будет неполным, поскольку это некая умозрительная конструкция, «идеальный тип» [13. С. 180]. В рамках инструменталистского подхода Э. Геллнер отмечал, что нации складываются в процессе возникновения индустриальных обществ, образование наций — прямой результат модернизации, перехода от традиционного аграрного общества к обществу индустриальному и постиндустриальному [6. С. 19]. В свою очередь, национализм — это политический принцип, согласно которому «культурное сходство (принадлежность к одной культуре) есть основа социальных связей» [6. С. 10], т.е. о политическом образовании можно говорить при наличии круга людей одной культуры. В индустриальном обществе необходимыми и достаточными условиями возникновения нации выступают высокая степень развития культуры и ее доступность широким слоям, что порождает культурное единообразие и даже единый культурный стандарт, а для развития экономики и народнохозяйственных связей нужна развитая социальная мобильность. Таким образом, речь идет о политике и идеологии, которые определяют ценность нации как высшей формы единства и главной идеи государственного строительства, как национально-государственного образования. «Национализм возникает в государствах с “титульной” нацией, при этом переход к нему для каждого государства индивидуален» [6. С. 27], однако в целом нация обеспечивает психические и социальные связи человека на новом уровне, соответствующем глобальному размаху повседневной жизни индустриального/постиндустриального общества.

Исходя из идеи народа как идентичности, на основе которой формируется общность по чувству принадлежности к государству, советский народ — это гражданская или политическая нация, т.е. политико-идеологический конструкт советского государства. Вместе с тем советский народ — это чувство общности не только по государству, но и по единой исторической судьбе, территории, культуре, ценностям и самосознанию. Советский многонациональный народ стал той универсалией, в рамках которой сосуществовали

формально-юридически равноправные народы-нации, т.е. люди, говорящие на одном языке, имеющие единую историческую память, культуру, свои обычаи, верования, традиции и систему хозяйственного устройства и жившие на одной территории на протяжении многих веков. Советский народ имел и общую культуру — единые духовные скрепы в условиях национально-многообразия, где русский язык стал языком межкультурного общения. Важно отметить и ценности, которые сформировали советское самосознание, — чувство солидарности и патриотизма, чему способствовала советская система государственного устройства по национально-территориальному принципу.

Таким образом, советский народ — это национально-государственная идентичность (особый вид коллективной идентичности), включающая в себя представления о единых культурных и политико-правовых ценностях, общую память о прошлом, образ государства, национальную идею и гражданственность [12. С. 620–621]. В совокупности эти характеристики выступают идеологическим интегрирующим фактором, определяющим идентичность, проявлением которой выступает нравственно-политический принцип патриотизма.

Структурно понятие «советский народ» как национально-государственная идентичность состоит из двух уровней — надэтнического и регионально-этнического, что обусловлено главным образом территориальным устройством советского государства как федерации. Процесс формирования «советского народа» как национально-государственной идентичности был достаточно противоречивым: в социальной истории Советского Союза были примеры раскулачивания и ссылок, депортации целых народов, дискриминации по этническому и социально-классовому признакам.

Следует помнить, что идея, понятие или теория наций как идеальная конструкция наполняется содержанием множества жизненных практик. Современные страны Европы (в большинстве патерналистские государства), столкнувшись с массовой миграцией из Африки, Ближнего и Среднего Востока, вынуждены, с одной стороны, принимать меры по сохранению национального языка, культуры и традиций, что, например, приводит к отказу принимать мигрантов, с другой стороны, вводить жесткие и фактически принудительные механизмы интеграции или даже ассимиляции мигрантов. В данном случае мы видим совпадение политического и национального, и тогда патриотизм и шовинизм можно рассматривать как социальные проявления солидарности, в основе которых лежит идея нации как этнокультурного феномена. Еще десять лет назад руководители ФРГ, Великобритании и Франции были вынуждены констатировать, что политика мультикультурализма фактически провалилась. И хотя нации классифицируются как моноэтнические и полиэтнические, наличие государствообразующих наций даже в полиэтнических государствах говорит о реальном патернализ-

ме многих европейских государств. Например, Т. Сарацин подчеркивает особое значение национального немецкого самосознания как выражающего дух немецкого народа и утверждает, что мигранты-мусульмане даже во втором и третьем поколениях в большинстве своем не будут интегрироваться в немецкое общество [18. С. 274].

Национальность в недавнем прошлом определялась как этническая общность, один из элементов более широкого понятия «нация». В ряде стран национальность стала критерием гражданства: например, гражданами Республики Казахстан могут быть лица, родившиеся на территории страны, в том числе этнические казахи. Источник этнической связи людей — общность исторических, культурных, религиозных, языковых, социальных и психических характеристик, а также природных условий жизни, приводящих к дифференциации этнических образований. Понимание нации как политического образования невозможно без соотнесения с понятиями «национальность» или «этнонациональность». Если нация выступает как политический проект, то мы получаем патриотизм или национализм/шовинизм, если нация рассматривается как дискурс — то представление о национальной идентичности, гражданской или этнической, если нация считается культурным феноменом, основанным на родном языке и моральных ценностях, — национальную культуру/дух/душу как выражение этносолидарности (путь к сотрудничеству — дружба народов и толерантность, в противном случае — изоляционизм).

Следует отметить, что нации включают различные субкультуры — языковые, этнические, географические и социальные, представляют собой многообразие культурных и социо-природных признаков, отличающих конкретные этнические образования. Видимо, поэтому Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое сообщество», которое формируется и развивается благодаря воображению его представителей, силой их «братских чувств». А на основе чего формируются эти братские чувства? Видимо, на основе общей исторической судьбы. Именно как жизненную практику можно рассмотреть культуру провинциальных городов типа Акмолинска в Республике Казахстан накануне Великой Отечественной войны — это не просто абстрактное «воображаемое сообщество», а культура народа, объединенного общей исторической судьбой: советский народ как новая общность формировался на основе множества национальных культур и конфессий.

В истории города Акмолинск в 1920-е — 1930-е годы наблюдался массовый приток новых жителей в результате разных исторических событий: депортации и ссылок раскулаченных и политически неблагонадежных, эвакуации и переселения из сельских районов, образовательной миграции в города. В итоге за указанный период в Акмолинск прибыло столько же людей, сколько в нем проживало ранее. Среди них были уже сложившиеся этнонациональные образования — русские, украинцы, белорусы, латыши и др., номинально имевшие свои территориально-государственные образо-

вания в рамках СССР (социалистические республики и автономные национальные образования и округа в республиках), а также много народностей, не имевших подобного статуса.

Межнациональные отношения — это особый вид общественных отношений, складывающийся между национально и социально обособленными, но политически и исторически связанными группами, объединенными общими целями и задачами политического и культурного характера, которые могут иметь как солидарный, так и конфликтный характер. Предшественником такого типа взаимоотношений была исторически сложившаяся многонациональность российского общества, обусловленная обширной территорией, общей исторической судьбой огромного количества народов, устойчивыми экономическими связями между народами, исповедующими разные религии.

«Всесоюзная перепись населения 1926 года зафиксировала крупные изменения в численности состава населения Казахстана, которые произошли после Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, новой экономической политики и т.д., в особенности после проведения земельно-водной реформы и передела сенокосных и пахотных земель, а также проходившего восстановления народного хозяйства, разрушенного в ходе первой мировой войны 1914–1918 гг., а также гражданской войны 1918–1920 гг., значительные результаты которого положительного сказались на росте численности и укреплении состава населения Казахстана к 1926 году за счет естественного прироста местного населения и в основном неорганизованного притока мигрантов из русского и украинского крестьянства, рабочих и ремесленников из внутренних губерний России, а также Средней Азии. Согласно переписи населения 1926 года в Акмолинской губернии был 1211379 жителей, в том числе казахов 430804 (35,56 %), русских — 394114 (32,53 %), украинцев — 321338 (25,78 %), узбеков — 344, каракалпаков — 119, татар — 18198, остальных — 55462. В Акмолинском уезде проживало — 292349 человек» [5. С. 187–190]. Население Акмолинска вошло в состав молодого советского государства, когда оно еще не в полной мере определило политику в области межнациональных отношений.

Становление и укрепление советской власти в Казахстане было связано с окончанием гражданской войны в Северном Казахстане, уничтожением Омской республики Колчака и разгромом войск атамана Дутова. Город Акмолинск стал для многих сравнительно «тихой гаванью», чем, видимо, можно объяснить столь большой прирост населения города к 1929 году. А затем начинаются годы коллективизации и годы великого джута — когда резко сократилось население республики.

Анализ архивных документов и материалов переписей 1937 и 1939 годов показывает, что казахский этнос понес тяжелые потери. По данным Комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан, по при-

чине голода и связанных с ним эпидемий, а также постоянно высокого уровня естественной смертности казахский народ потерял 2,2 млн человек, или 49 % населения (по другим подсчетам — 2,5 млн [1. С. 16]). Согласно материалам Всесоюзной переписи 1939 года в Акмолинской губернии проживало 485500 жителей, 15 % всех казахов Республики было сосредоточено в Южно-Казахстанской области, затем по мере уменьшения численности шли Алматинская (10,2 %), Западно-Казахстанская (8,9 %), Кзылординская (8,6 %), Гурьевская (7,9 %), Актюбинская (7,9 %), Жамбылская (6,4 %), Карагандинская и Семипалатинская области (по 5,9 %), Акмолинская (5,2 %), Кустанайская и Восточно-Казахстанская (по 5 %), Северо-Казахстанская (4,6 %) и Павлодарская (4,3 %) области [16. Л. 13].

В 1930-е годы уже можно говорить о национальной политике молодого советского государства и о межнациональных отношениях нового типа. Конечно, наблюдались и перегибы национальной политики: как во всяком имперском социальном образовании, в СССР проводилась русификация всех сфер общественной жизни, прежде всего образования. Согласно статистическим данным в довоенный период в Акмолинске была практически ликвидирована неграмотность [9. Л. 7–9]. В Акмолинском округе было 23 школы, 9 изб-читален, 9 красных уголков, 50 культурных учреждений. На 300000 населения Акмолинска было 3 русских школы и 1 казахская. Все записи актов гражданского состояния велись на русском. Во многом были русифицированы казахские имена и фамилии, что способствовало переводу латинской орфографии казахского языка на кириллицу. Были нарушены вековые национальные традиции образования имен и фамилий. Трагические события сталинского правления также затронули город — достаточно вспомнить АЛЖИР (Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины) в Малиновке близ Акмолинска. Тем не менее, в довоенный период в Акмолинске не было серьезных этнических конфликтов.

Очередным «вызовом истории» для Акмолинска стала Великая Отечественная война. До ее начала в городе проживало 32,5 тысяч человек, работало 6 промышленных предприятий — 3 республиканского значения, 3 местного и кооператив (число работающих на предприятиях составляло 801 тысячу [3. С. 65]. В годы войны росла экономика города и число производственных предприятий. Перестройка промышленности на военный лад, передислокация крупных производств, огромный поток эвакуированных — все это сказалось на экономике: число промышленных предприятий возросло в 2,5 раза, появились заводы союзного значения — «Казахсельмаш» и № 317. В 1944 году на 16 предприятиях трудилось 2800 человек. В 1941 году в Акмолинск был эвакуирован насосный завод из Мелитополя, в 1942 году — Мичуринский завод поршневых колец [11. С. 61].

Еще до войны, с образованием Акмолинской области с центром в Акмолинске и строительством в 1939 году железнодорожной ветки

Акмолинск — Карталы, город превратился в крупный транспортный узел. Значительно возросла пропускная способность Акмолинского железнодорожного узла — за счет строительства новых путей и переоснащения паровозного парка. За короткий отрезок времени (с 15 тысяч в 1915 году до 32 тысяч в 1940 году) значительно возросли темпы и масштабы строительства [20. С. 57].

Когда началась война, в городе были созданы военные формирования, 14723 жителей Акмолинска ушли на фронт: половина погибла, 41 акмолинец был удостоен звания Героя Советского Союза, 7 награждены Орденами Славы трех степеней [3. С. 63]. С начала войны городские власти принимали и размещали в городе воинские формирования, готовили сводки о наличии мужчин призывного возраста. К 1945 году практически все взрослое население (более 10 тысяч человек) Акмолинска прошло подготовку к противовоздушной и противохимической обороне, а мужчины призывного возраста — обязательное военное обучение. В городе был создан штаб ПВО и подготовлены группы самозащиты, военному делу было обучено 9172 человека [8].

В эти же годы советская власть в рамках политики недоверия к малым народам и народностям провела депортации из прифронтовых районов: из Поволжья в Акмолинск были насильно депортированы немцы, из районов Дальнего Востока — корейцы, с территории Северного Кавказа — ингуши и чеченцы. В результате население города за 8 лет (с 1940 по 1948) увеличилось с 32 до 76 тысяч человек. Акмолинский горком партии и исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся занимались трудовым и хозяйственно-бытовым устройством спецпереселенцев, регламентировали призыв в армию, распределяли скот и выдавали пособия, открывали для переселенцев образовательные и культурные учреждения. Отдельно решался вопрос об эвакуированных с оккупированных территорий СССР. Понятно, что это требовало от властей серьезных организационных и экономических усилий [11. С. 57].

Более 6 тысяч акмолинцев были мобилизованы в трудовую армию для работы в военных предприятиях [3. С. 66]. Акмолинцы собирали средства в фонд обороны страны: на строительство танковой колонны и авиационной эскадрильи было собрано 3,7 млн рублей, денежной лотереи реализовано на 5,7 млн рублей, на фронт шли посылки с продуктами и теплыми вещами [17. С. 29].

В постсоветский период стало модным очернительство советской истории, которое порой принимало гротескный характер: якобы не было подвигов Зои Космодемьянской и 28 гвардейцев-панфиловцев (знаменитая панфиловская дивизия была укомплектована и казахстанцами). Кстати, о том, что последний подвиг был, говорит факт его огромного идеологического воздействия: знаменитые кубинские революционеры Че Гевара и Фидель Кастро

узнали о нем из книги А. Бека «Волоколамское шоссе» и во время визита в СССР познакомились с героем книги Б. Момышулы — в 1963 году в городе Алма-Ата. А вот свидетельство очевидца военных лет, К.М. Сатыбалдиной, которая родилась в Акмолинске за полгода до начала войны: «Во время войны в Акмолинск были эвакуированы чеченцы и ингуши, евреи из Одессы, монашки из Прибалтики. В моей судьбе пожилая супружеская пара из Одессы, которой отдали одну из комнат нашего дома, сыграла роль спасителей... спасла меня с двоюродной сестренкой от дизентерии... красным стрептоцидом... Монашки, которые держали коз, приносили нам, маленьким детям, козье молоко» [4. С. 58]. И таких примеров можно привести великое множество: простые люди разных национальностей вместе трудились на благо фронта, собирали деньги на танковые колонны, ждали мужей, отцов и братьев, поддерживая их своей верой в победу над общим врагом.

Иными словами, ведущим фактором, определяющим межнациональные отношения, является «историческая судьба». По сути, это ответ на «исторические вызовы», которые выпадают на долю участников межнационального общения. Нация как умозрительная конструкция предельно многообразна и противоречива тогда, когда наполняется содержательной множественностью жизненных практик, обусловленных в конечном счете культурными традициями и этнонациональностью. Новые исторические общности, объединенные единой территорией и солидарные в решении государственных задач, за последние три столетия сформировались во множестве. В СССР именно в годы Второй мировой войны советский народ был объединен общей целью: война воспринималась как общая беда, и народ спланивался в стремлении победить врага. Несмотря на негативное отношение депортированных к центральной власти и тяготы военных лет, простые люди находили общий язык и помогали друг другу. Победа стала подвигом советского народа, объединенного национально-государственной и этнической солидарностью, что позволяет говорить о единстве духовных и нравственных ценностей, лежащих в основе взаимоотношений разных народов СССР.

Библиографический список

1. *Аимбетов С.* 1926–1939 жылдар аралығындағы Қазақстан халқының этно-демографиялық және әлеуметтік құрылымындағы өзгерістер. Тарихғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған авторефереты. Алматы, 1998.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
3. Астана. Книга-альбом. Астана, 2012.
4. Бауыржан Момышұлы тұлғасы: елдік пен ерлік құндылығы // Сборник материалов международной научной конференции. Астана, 2010.
5. *Галиев А.Б., Асылбеков М.Х.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата, 1991.
6. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

7. *Гирц К.* После революции: судьба национализма в новых государствах // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
8. Государственный архив города Астаны. Ф. 362. Оп. 5. Д. 51.
9. Государственный архив города Астаны. Ф. 098. Оп. 1. Д. 4; Д. 7; Д. 30.
10. *Дубицкий А.Ф.* Акмола — город славный. Акмолинск, 1959.
11. Историко-культурное наследие Астаны: свод памятников. Астана, 2011.
12. *Калтахчян С.Т.* Советский народ // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.
13. *Калхун К.* Национализм. М., 2006.
14. *Колосов В.А.* «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // *Политические исследования*. 1998. № 3.
15. Об идеологической работе КПСС. М., 1977.
16. Российский государственный архив экономики. Ф. 1652. Оп. 336. Д. 264.
17. *Рустемов Б.* Астана — гордость и символ обновленного Казахстана. Астана, 2008.
18. *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М., 2012.
19. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946.
20. *Чуканаев А.Н.* Астана — архитектурная симфония Великой степи. Астана, 2008.
21. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Blackwell, 2005.
22. *Hastings A.* The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.
23. *Trotsky I.* Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war? // *Russian Sociological Review*. 2015. Vol. 14. № 4.
24. *Trotsky I.V.* Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 2.
25. *Walker C.* Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-316-328

EDN: TAGWWM

Soviet man as a construct and a practice (from the history of interethnic relations in Akmolinsk)*

N.S. Kirabaev¹, J.S. Beisova²

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Museum of the Republic of Kazakhstan,

Tauelsyzdyk Prosp., 54, Astana, 010000, Kazakhstan

(e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru; zhanna_10@mai.ru)

Abstract. The article considers the concept of “a new historical community — the Soviet people” as a theoretical construction and a life practice. The authors analyze the terms “Soviet people”, “nation”, “nationality”, stressing that they have not received a universal definition; and distinguish ‘Western’ and ‘Eastern’ approaches to interpreting ‘nation’. In the Western tradition, the progressive approach prevails and defines nation as a phenomenon of the Modern and Postmodern eras; while the Eastern tradition adheres to a more polycentric approach, i.e., defines

*© N.S. Kirabaev, J.S. Beisova, 2023

The article was submitted on 07.01.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

nation as an ethnic community based on the national culture, national character and national spirit. The authors emphasize the need to consider all the above-mentioned terms in a single system, i.e., the Soviet people were an international community with clear national differences. If the people are interpreted as a political project, we get ideologies; if the Soviet people are interpreted as a discursive formation, we get the idea of the civil or ethnic national identity as a cultural phenomenon based on the native language and moral values, which allows to talk about national culture or national soul as manifestations of ethnic solidarity. Examples from the history of the once powerful USSR show that the formation of the Soviet people as a nation was based on the single territory and common historical destiny. Thus, the authors consider as a life practice (on the example of the culture of the provincial city Akmolinsk in the Republic of Kazakhstan on the eve of the Great Patriotic War) the culture of the Soviet people united by the common historical destiny. The Soviet people as a historical community consisted of many ethnic communities, national cultures and confessions, which allows to define nation as a systemic phenomenon rather than as a political structure. Moreover, the Soviet people were united by common goals of a political and cultural nature, which, as the history of the Soviet Union showed, had both solidarity and conflict potential.

Key words: Soviet people; nation; nationality; “imagined community”; interethnic relations; national culture; ethnic conflict; interethnic solidarity; peoples’ friendship

References

1. Aimbetov S. 1926–1939 zhyldar aralygyndagy Kazakhstan khalkynyny ethno-demographylyk zhane aleumettik kurylymyndagy ozgerister [Ethno-Demographic Study of the Population of Kazakhstan in 1926–1939]. Tarikhgylymdarynyn candidates gylymi dorezhesin alu ushin dayyndalghan abstracts. Almaty; 1998. (In Kazakh).
2. Anderson B. *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni-nii natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow; 2001. (In Russ.).
3. Astana. Kniga-albom [Astana. Album]. Astana; 2012. (In Russ.).
4. Bauyrzhan Momysheuly tylgasy: yeldik pen yerlik kandylygy [Personality of Bauyrzhan Momysheuly: Love for motherland and heroism]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Astana; 2010. (In Kazakh).
5. Galiev A.B., Asylbekov M.Kh. *Sotsialno-demograficheskie protsessy v Kazakhstane (1917–1980 gg.)* [Social-Demographic Processes in Kazakhstan]. Alma-Ata; 1991. (In Russ./)
6. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow; 1991. (In Russ.).
7. Geertz C. Posle revolyutsii: sudba natsionalizma v novykh gosudarstvakh [After the revolution: The fate of nationalism in the new states]. Geertz C. *Interpretatsiya kultur*. Moscow; 2004. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv goroda Astany [State Archive of the City of Astana]. F. 362. Op. 5. D. 51. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv goroda Astany [State Archive of the City of Astana]. F. 098. Op. 1. D. 4; D. 7; D. 30. (In Russ.).
10. Dubitsky A.F. *Akmola — gorod slavy* [Akmola — a Wonderful City]. Akmolinsk; 1959. (In Russ.).
11. *Istoriko-kulturnoe nasledie Astany: svod pamyatnikov* [Historical-Cultural Heritage of Astana: Monuments]. Astana; 2011. (In Russ.).
12. Kaltakhchyan S.T. Sovetsky narod [Soviet people]. *Filosofsky entsiklopedichesky slovar*. Moscow; 1983. (In Russ.).
13. Kalkhun K. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow; 2006. (In Russ.).
14. Kolosov V.A. “Primordializm” i sovremennoye natsionalno-gosudarstvennoye stroitelstvo [“Primordialism” and modern nation-state building]. *Political Studies*. 1998; 3. (In Russ.).

15. *Ob ideologicheskoy rabote KPSS* [On the Ideological Work of the CPSU]. Moscow; 1977. (In Russ.).
16. Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy]. F. 1652. Op. 336. D. 264. (In Russ.).
17. Rustemov B. *Astana — gordost i simvol obnovlennogo Kazakhstana* [Astana — the Pride and Symbol of Renewed Kazakhstan]. Astana; 2008. (In Russ.).
18. Sarrazin Th. *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany Does Away with Itself]. Moscow; 2012. (In Russ.).
19. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow; 1946. (In Russ.).
20. Chikanayev A.N. *Astana — arkhitekturnaya simfoniya Velikoy stepi* [Astana — An Architectural Symphony of the Great Steppe]. Astana; 2008. (In Russ.).
21. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Blackwell; 2005.
22. Hastings A. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge; 1997.
23. Trotsuk I. Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war? *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (4).
24. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
25. Walker C. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton; 1994.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-329-337

EDN: SPPFBJ

Современные тенденции развития образования: дорожная карта высшего образования ЮНЕСКО*

Ю.Н. Эбзеева, Ю.Б. Смирнова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru; yuryeva-yub@rudn.ru)

Аннотация. Образование — важный аспект реализации целей устойчивого развития, которое затрагивает все сферы человеческой жизни: экономическую, политическую, экологическую, социальную и т.д. Начиная с XIX века ученые не раз предупреждали человечество о разрушительных последствиях индустриализации и урбанизации, предпринимали попытки широкого просвещения в естественно-научной области. Сегодня мы все чаще сталкиваемся с разными рисками и вызовами, в результате в современном обществе именно образование оказывается под угрозой, что заставило авторитетные международные организации сформулировать и принять к исполнению так называемые «глобальные цели устойчивого развития». В статье обозначена ключевая роль высшего образования в процессе передачи знаний, навыков и ценностей для достижения и продвижения Цели устойчивого развития № 4 «Качественное образование для устойчивого развития» (далее — ЦУР № 4). Так как конечная цель устойчивого развития — создание общества, которое будет компетентно в принципах устойчивости, то ЦУР № 4 должна достигаться на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности общества с учетом современных тенденций переосмысления образовательной политики. Данная политика сегодня направлена на преумножение экономических, экологических, политических и социальных знаний, которые должны в итоге помочь людям решить проблемы современного общества. В статье рассмотрена реализация ЦУР № 4, сегодняшнее состояние и тенденции изменения образования в глобальном аспекте.

Ключевые слова: устойчивое развитие; образование; высшее образование; качественное образование; цели устойчивого развития; ЮНЕСКО

Еще в 1926 году выдающийся русский ученый В.И. Вернадский сформулировал понятие «устойчивость жизни» — это «способность жизни не прекращать своих функций и способность организмов к выживанию», и перед людьми вопрос «о лучшем устройстве жизни и о способах, которыми можно этого достигнуть» не раз поднимался за долгую историю человечества [9]. В качестве основных критериев устойчивости жизни Вернадский назвал «со-

* © Эбзеева Ю.Н., Смирнова Ю.Б., 2023

Статья поступила 17.02.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

хранение и развитие биосферы, достижение экономического роста и развитие человека в социальном плане с учетом его научных знаний» [9]. Эти принципы вошли в концепцию целей устойчивого развития, которые были одобрены мировым сообществом в качестве глобальной повестки в 1970-е годы — Комиссией ООН по окружающей среде и развитию.

Так называемые «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goals) были приняты в 2000 году, и считается, что 8 целей должны были быть достигнуты к 2015 году [16]. В частности, второй целью в «Целях развития тысячелетия» было всеобщее начальное образование, а индикатором ее достижения — зачисление и окончание школы мальчиками и девочками. Всеобщее право на образование было впервые установлено Всеобщей декларацией прав человека (Declaration of Human Rights) значительно раньше — еще в 1948 году [22]. В документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development), который был принят в 2015 году на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, были определены 17 целей устойчивого развития, достижение которых призвано обеспечить устойчивый прогресс человечества в ближайшее время [23]. Цели были сформулированы так, чтобы охватить глобальные жизненные потребности в разных сферах — прежде всего экономической, социальной и экологической, хотя понятие «устойчивое развитие» затрагивает изменения во всех сферах человеческой жизни.

Первоначально устойчивое развитие трактовалось как условие для удовлетворения текущих потребностей, однако постепенно широко распространялись такие понятия, как устойчивый рост, устойчивое потребление, устойчивое использование и устойчивое партнерство. Кроме того, формулируя определения устойчивого развития, авторы отталкивались от разных его аспектов: экономического — эффективность, рост и стабильность; социального — уровень жизни, справедливость, социальный диалог, делегированная ответственность; экологического — сохранение природных ресурсов, биоразнообразия, предотвращение загрязнений; образовательного — устойчивое поведение, качество обучения, сотрудничество и партнерство [11]. Безусловно, взаимосвязь между устойчивым развитием и образованием имеет комплексный характер, но все эксперты признают, что именно образование — ключевой фактор, который поможет всем странам достигнуть своих целей в области устойчивого развития.

В условиях современных глобальных вызовов выбор стратегии устойчивого развития предполагает качественно иные требования к роли и месту образования: «в центре идей образования как цели устойчивого развития находится человек, а объектом развития является общество» [1]. ООН были сформулированы следующие ключевые задачи, связанные с образованием: обеспечение доступа к базовому качественному образованию,

реструктуризация образовательных программ, развитие общественного понимания и осведомленности в сфере образования, кадровое и иное обеспечение образовательных программ. Качественному образованию отведена одна из ведущих строчек в иерархии 17 взаимосвязанных целей устойчивого развития ООН.

Ответственность за реализацию ЦУР № 4 закреплена за ЮНЕСКО [22]: качественное образование «предусматривает инклюзивное и справедливое образование и возможность обучения на протяжении всей жизни для всех» [12]. Задачи ЦУР № 4 можно суммировать следующим образом: продвижение знаний об окружающей среде и ее состоянии; разработка рекомендаций по охране окружающей среды; экономическое развитие как следствие сохранения окружающей среды; бережное отношение к природе и культурным ценностям; решение разного уровня сложности социальных, экономических и экологических проблем и т.д. ЦУР № 4 — основа для обеспечения качественного образования до 2023 года: сформулировано 7 ключевых задач, а также в 3 задачах прописаны принципы успешной реализации всех предусмотренных мер. Данные задачи и средства их решения содержатся в «Повестке дня в области устойчивого образования до 2030 года» и в «Программе действий — Образование 2030» [17]. Эти программные документы утверждают необходимость переосмысления и расширения понятия непрерывного образования, которое должно не только приспосабливаться к изменениям на рынке труда, но и обеспечивать процесс непрерывного формирования знаний и развития критических способностей человека и его готовности действовать: «непрерывное образование должно давать людям возможность осознавать лучше себя и свое окружение, должно побуждать их играть более значимую социальную роль и в обществе, и на работе» [6].

Результатом качественного образования считается не только приобретение новых знаний и опыта, но и формирование способности к саморазвитию, принятию сложных решений и, соответственно, формирование целостной личности. Безусловно, сюда также относятся экологическое и экономическое воспитание, результатом чего будет повышение качества жизни нашего и будущих поколений. Именно понятие качества является фундаментом устойчивого развития — как «основа экономического роста, охраны окружающей среды и улучшения социальной сферы» [10], имеющая решающее значение для изменения и/или улучшения мышления [13]. Критерии качества, принятые ООН, включают в себя следующие показатели: ожидаемый рост продолжительности жизни; уровень жизни, исходя из валового национального дохода на душу населения; достигнутый уровень образования. Данные критерии в совокупности составляют Индекс человеческого развития (ИЧР). Кроме того, повышение качества образования стимулирует развитие экономики и определяет решающие конкурентные преимущества в современных социально-экономических процессах.

Образование в интересах устойчивого развития — это ответ сектора образования ЮНЕСКО на насущные проблемы человечества, поскольку за ЮНЕСКО закреплена координационная роль в создании мирового образовательного пространства. Безусловно, внимание ЮНЕСКО сосредоточено на начальном и среднем образовании, однако роль высшего образования также пересматривается: «в основу решений организаций ООН в области образования положена концепция обеспечения всеохватывающего и справедливого качества образования и расширения возможностей обучения для всех» [2]. Образование рассматривается как условие роста осведомленности и направлено на «развитие навыков, которые будут способствовать более устойчивому будущему» [4].

Качественное образование — это «системный анализ информации и формирование из него качественного образовательного продукта. Это процесс многоплановый, он выходит за пределы только лишь институционального образования» [12]. Существуют разные подходы к определению качественного образования, например, в контексте бизнеса его главная цель — развитие предпринимательской сферы и искоренение бедности [8].

Приоритетная роль в реализации целей устойчивого развития отведена университетам как центрам обучения будущих специалистов в разных сферах, которым предстоит реализовывать цели устойчивого развития [6]. Так как конечный его результат — создание общества, которое будет компетентно в принципах устойчивости, то, безусловно, ЦУР № 4 должна охватывать все уровни и сферы общества [7]. Инвестиции в образование крайне эффективны потому, что помогают людям понимать и осознавать экологические, экономические и социальные последствия их повседневной жизни [15], т.е. образование способствует коллективному переосмыслению образа жизни. Кроме того, ЦУР № 4 включает в себя концепцию обучения с учетом ценностей и формирования критического мышления: «качественное образование в интересах устойчивого развития укрепляет чувство ответственности людей как граждан мира и готовит их лучше к миру, который они унаследуют» [5].

Для переосмысления и внедрения новой образовательной политики ЮНЕСКО провели ряд семинаров, на которых были представлены разные точки зрения экспертов на развитие образования. Было проведено три семинара: 25 января 2023 года — «За пределами возможностей — пути модернизации высшего образования» [19]; 15 февраля 2023 года — «Действия, основанные на знаниях: преобразование высшего образования в интересах глобальной устойчивости» [20]; 15 марта 2023 года — «Совместное переосмысление нашего будущего: новый социальный договор в интересах образования» [21]. Основная цель семинаров — согласование точек зрения экспертов на будущее развитие высшего образования.

Задачей первого семинара была доработка дорожной карты высшего образования ЮНЕСКО, которая была предложена на 3-й Всемирной конферен-

ции по высшему образованию 18–20 мая 2022 года в Барселоне (WHES2022), с учетом опыта государств-членов организации по преодолению кризисных явлений, с которыми столкнулась система высшего образования, и определению ключевых направлений ее развития. Семинар открыл директор группы «Будущее образования и инновации», которая координирует и программу кафедры ЮНЕСКО С. Тавил. Модератор, сотрудник отдела высшего образования ЮНЕСКО А. Детмер озвучила 6 принципов, на основе которых должна строиться система высшего образования:

- 1) инклюзивность, справедливость, плюрализм;
- 2) академические свободы и вовлеченность;
- 3) исследования, критическое мышление, творчество;
- 4) честность и этика;
- 5) приверженность целям устойчивого развития и социальная ответственность;
- 6) академическое лидерство [19].

Ведущий эксперт в сфере глобального третичного (высшего) образования Дж. Салми добавил к этому списку необходимость внедрения в систему высшего образования технологий больших данных и искусственного интеллекта: при разработке учебных программ высшие учебные заведения должны учитывать трансформации, которые претерпевает рынок труда в эпоху цифровых технологий, — изменения в наборе навыков и квалификаций, необходимых для успешной работы в современном мире. По сути, университеты сталкиваются с серьезной проблемой — как подготовить студента к работе, которой как таковой пока не существует, т.е. необходимо развивать у студентов навыки, обеспечивающие им обучение и занятость на протяжении всей жизни.

В качестве принципиальных качеств современного высшего образования были названы:

- 1) равенство — поэтому следует активизировать усилия по повышению инклюзивности;
- 2) стремление к истине — как основополагающая миссия университетов (критическое мышление, творчество, навыки поиска истины в основе каждой учебной программы);
- 3) развитие этических ценностей и ответственного поведения в интересах социальной честности, терпимости и солидарности;
- 4) обеспечение равного доступа к обучению, поддержка усилий по построению устойчивого мира посредством образовательных программ, исследовательских проектов и взаимодействия с местными, региональными и глобальными сообществами, в частности, следует найти правильный баланс между так называемыми «blue skies research» («исследованиями без четкой цели» в «науке, основанной на любопытстве»), необходимых для прорывных открытий и достижений, и прикладными исследованиями, об-

условленными необходимостью решения реальных жизненных проблем на глобальном и локальном уровнях.

Высшее образование должно стать инклюзивным, высоко и стабильно финансируемым, устойчивым и целостным: высшее образование должно стать частью непрерывного обучения на протяжении всей жизни, и задача вуза — не только распространять знания, но и знакомить студентов с реалиями жизни и взаимоотношениями в обществе. Поэтому так важно совершенствовать качество образования и развивать международную мобильность и международный диалог, в частности, включая в ректораты вузов должности проректора, отвечающего за равноправие (национальное, конфессиональное, гендерное) и равный доступ студентов к высшему образованию.

В целом дискуссии первого семинара были сосредоточены на подходах к устранению проблемы неравенства в системе высшего образования, интеграции учебных программ, обеспечению гибких образовательных стратегий и обучения на протяжении всей жизни, трансформации системы образования, признанию ценности знаний коренных народов и продвижению гендерного равенства.

Второй семинар был призван обсудить отчет, подготовленный независимой группой экспертов по работе с университетами и по реализации «Повестки дня на период до 2030 года» (EGU2030), озаглавленной «Действия, основанные на знаниях: преобразование высшего образования в интересах глобальной устойчивости». Координатор исследований кафедры ЮНЕСКО К. Холмс перечислил основные тематики отчета: применение знаний для обеспечения устойчивости на глобальном уровне, гарантии инклюзивности и равенства, партнерство в области высшего образования. Модератором второго семинара стала консультант по образованию Секции высшего образования ЮНЕСКО Ф. Киркап, которая озвучила ключевые вопросы отчета: как высшие учебные заведения участвуют в решении глобальных проблем; какие новые знания, исследования и образовательные стратегии необходимы для преобразований в рамках «Повестки дня на период до 2030 года»; какие трансформации необходимы университетам, чтобы способствовать достижению ЦУР, и какие преграды стоят на пути этих трансформаций; что могут сделать высшие учебные заведения, чтобы обеспечить инклюзивное и устойчивое будущее для всех своих сотрудников и студентов и для общества в целом. Высшие учебные заведения должны повсеместно принимать решения, которые позволят им играть ведущую роль в реализации «Повестки дня на период до 2030 года»: проводить научно-исследовательскую работу; активно участвовать в общественных преобразованиях; развивать междуниверситетское партнерство.

Соучредитель Университета глобальной справедливости в отношении здоровья (Руанда) А. Бинагвахо отметила, что, согласно всемирной базе данных высшего образования, включающей 20 тысяч высших учебных заве-

дений, лишь небольшая их часть имеет достаточно ресурсы для адаптации академических программ и инфраструктуры под решение задач устойчивого образования, однако привела в качестве положительного примера плодотворную работу вузов в ходе пандемии. Также была подчеркнута необходимость выстраивания прочных взаимосвязей между социально-гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами.

Руководитель Центра биогеохимии в антропоцене Университета Осло Д.О. Хессен акцентировал важность международного партнерства в условиях нынешних беспрецедентных вызовов, связанных с ЦУР. Высшие учебные заведения должны взять на себя ведущую роль в преобразовании общества: многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, обусловлены тем, что мы выбираем краткосрочные решения, хотя нуждаемся в долгосрочных, что системы высшего образования во многих странах все еще не соответствуют вызовам времени, в том числе задачам перехода к устойчивому будущему.

Третий семинар был посвящен обсуждению доклада «Совместное переосмысление будущего: новый социальный договор в интересах образования», подготовленного Международной комиссией ЮНЕСКО по перспективам образования. Вице-президент кафедры ЮНЕСКО по управлению высшим образованием Университета Бата Р. Найду назвала конкуренцию одним из препятствий на пути к созданию устойчивого будущего. Независимо от того, выражается ли она в рыночной борьбе, правительственных конкурсах или рейтингах, конкуренция — проблема для достижения общего блага, тогда как сегодня мы нуждаемся в глобальной солидарности и международном взаимодействии, демократическом и честном сотрудничестве.

Заместитель заведующего кафедры ЮНЕСКО «Интернационализация высшего образования и глобальное гражданство» Университета Гвадалахары (Мексика) Дж. Гасел-Авила подчеркнул важность интернационализации высшего образования: университеты должны нести ответственность за международное взаимодействие посредством научной и образовательной интеграции и интернационализации.

Выступление старшего лектора отдела экологических исследований и социального развития кафедры ЮНЕСКО по развитию высшего образования в интересах зеленой экономики и устойчивого развития Университета Кеньятта (Кения) Д.Б. Отъено было посвящено происходящим на планете изменениям — реальным угрозам выживания человечества и других видов на планете — и роли университетского (экологического) образования в вопросах эффективного использования и сохранения окружающей среды.

В завершении третьего семинара его участники еще раз подчеркнули центральную роль образования в развитии человеческого потенциала, общества и экономики, отметив необходимость дальнейшего развития образовательных программ ЮНЕСКО, которые нацелены на совершенствование систем высше-

го образования во всем мире и обеспечение всеобщего права на образование на протяжении всей жизни, что требует каждодневных усилий по решению вопросов будущего планеты, учета самых разных мнений, принятия многосторонних, международных и междисциплинарных решений, а также развития партнерских отношений — для разработки эффективных образовательных программ и обмена опытом и знаниями в мультикультурном контексте.

Библиографический список/References

1. Власюк Н.Н., Майер Б.О. Образование для устойчивого развития: глобальные и региональные аспекты // Вестник НГПУ. 2016. № 3 / Vlasjuk N.N., Mayer B.O. *Obrazovanie dlya ustoychivogo razvitiya: globalnye i regionalnye aspekty* [Education for sustainable development: Global and regional aspects]. *Vestnik NGPU*. 2016; 3. (In Russ.).
2. Камышанов В. Качественное образование — одна из 17 целей устойчивого развития ООН // Этнодиалоги. 2016. № 1 / Kamyshanov V. *Kachestvennoe obrazovanie — odna iz 17 tseley ustoychivogo razvitiya OON* [Quality education — one of the 17 goals of sustainable development of the UN]. *Etnodialogi*. 2016; 1. (In Russ.).
3. Al-Rawahy K.H. Engineering education and sustainable development: The missing link. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013; 102.
4. Avila V.L., Facco A.L.R., Bento M.H.S., Arigony M.M., Obregon S.L., Trevisan M. Sustainability and education for sustainability: An analysis of publications from the last decade. *Environmental Quality Management*. 2018; 27.
5. Buckler C., Creech H. *Shaping the Future We Want: UN Decade of Education for Sustainable Development (2005–2014)*. Paris; 2014.
6. Delors J. Education: The necessary utopia. *Learning: The Treasure Within*. Paris; 1996.
7. Didham R.J., Ofei-Manu P. The role of education in the sustainable development agenda: Empowering a learning society for sustainability through quality education. *Achieving the Sustainable Development Goals: From Agenda to Action*. Institute for Global Environmental Strategies; 2015.
8. Elnashaie A.W.A.K., Wan A.M.S., Dayang Radiah A.B., Salmiaton A. Sustainable development in chemical and biological engineering education. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013; 102.
9. Okrepilov V.V. The teachings of V.I. Vernadsky about the noosphere — the scientific basis of sustainable development programs. *Modern Productive Forces*. 2013; 2.
10. Okrepilov V.V., Glukhov V.V., Gorin E.A. Improving the quality of education — a strategic framework for sustainable development. I.V. Kovalev, A.A. Voroshilova, A.S. Budagov (Eds.). *Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society (ICEST-II 2021)*. European Publisher; 2021.
11. Lampă I., Greculescu A., Todorescu L.L. Education for sustainable development — training the young generation for the future. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013; 78.
12. Kutesa S. *Transforming Our World by 2030: A New Agenda for Global Action (Zero Draft of the Outcome Document for the UN Summit to Adopt the Post-2015 Development Agenda)*. New York; 2015.
13. Leeuw A. de, Valois P., Seixas R. Understanding high school students' attitude, social norm, perceived control and beliefs to develop educational interventions on sustainable development. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014; 143.
14. Lenglet F., Fadeeva Z., Mochizuki Y. ESD promises and challenges: Increasing its relevance. *Global Environmental Research*. 2010; 15.
15. Lutz W., Muttarak R., Striessnig E. Environment and development. Universal education is key to enhanced climate adaptation. *Science*. 2014; 346.
16. United Nations. *The Millennium Development Goals Report 2012*. New York; 2012.

17. UNESCO. *Framework for Action Education 2030: Towards Inclusive and Equitable Quality Education and Lifelong Learning for All*. Incheon; 2015.
18. UNESCO. *Rethinking Education: Towards a Global Common Good?* Paris; 2015.
19. UNESCO. *Futures of Higher Education. Seminar 1: Beyond Limits — New Ways to Reinvent Higher Education*. URL: UNESCO-Chairs-Seminar-1-Beyond Limits.pdf.
20. UNESCO. *Futures of Higher Education. Seminar 2: Knowledge-Driven Actions — Transforming Higher Education for Global Sustainability*. URL: UNESCO-Chairs-Seminar-2-Knowledge-driven-actions.pdf.
21. UNESCO. *Futures of Higher Education. Seminar 3: Reimagining Our Futures Together — A New Social Contract for Education*. URL: EN-Concept-Note-UNESCO-Chairs-Seminar-3-Reimagining-Our-Futures-Together.pdf.
22. Education for Sustainable Development Goals. 2017. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444>.
23. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution Adopted by the UN General Assembly on September 25, 2015. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-329-337

EDN: SPPFBJ

Contemporary trends in educational policy: UNESCO higher education roadmap*

Yu.N. Ebzeeva, Yu.B. Smirnova

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: ebzeeva_yun@pfur.ru; yuryeva-yub@rudn.ru)

Abstract. Education is an important aspect in achieving the sustainable development goals as it affects all spheres of human life: economic, political, environmental, social, etc. Since the 19th century, scientists have warned the humanity about the devastating consequences of industrialization and urbanization and have made attempts of the natural-scientific enlightenment. Today we face many risks and challenges that threaten education the most, which made the authoritative international organizations formulate and adopt the so-called “Sustainable Development Goals”. The article outlines the key role of higher education in the transfer of knowledge, skills and values to achieve and promote the Sustainable Development Goal 4 “Quality Education for Sustainable Development” (SDG 4). Since sustainable development aims at creating a society competent in the principles of sustainability, SDG 4 should be achieved at all levels and in all spheres of social life based on the recent trends in rethinking educational policy. Today this policy aims at increasing economic, environmental, political and social knowledge, which should ultimately help people solve the problems of the contemporary society. The article considers the implementation of the SDG 4 and the current state and trends in the educational policy in the global perspective.

Key words: sustainable development; education; higher education; quality education; sustainable development goals; UNESCO

*© Yu.N. Ebzeeva, Yu.B. Smirnova, 2023

The article was submitted on 17.02.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-338-354

EDN: RWFRAF

Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм?*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. В толковых словарях русского языка «пост» интерпретируется либо как приставка, имеющая то же значение, что и слово «после» (самые очевидные примеры из социальной сферы — постимпериалистический или постколониальный (мир), постсоветский (период), постсоциалистические (страны) и т.д.), либо как первая часть сложных слов, обозначающая то, что существует/происходит на фундаменте того, что указано во второй части слова (постимпрессионизм, постмодернизм, постиндустриальный и т.д.) [см., напр.: 4]. На сайтах-агрегаторах определений из разных по тематикам словарей [см., напр.: 13] «пост» трактуется преимущественно как приставка, обозначающая нечто, возникающее вслед за чем-либо или после чего-либо, а применительно к философским направлениям конца XX века (постмодернизм, постпозитивизм, постструктурализм и др.) речь идет и о своеобразном (не диалектическом или негативном) отрицании предшественников — меняющем (или разрушающем) представления об иерархии установок и методов, что применимо и к деятельности за пределами философии (посткапитализм, посткоммунизм, постфордизм и т.д.) [см., напр.: 15]. Лексическая и научно-исследовательская легитимность приставки «пост» давно не ставится под сомнение, она воспринимается как сама собой разумеющаяся в научном и официальном дискурсе. Однако возникает вопрос, насколько данный «инструмент» аналитической концептуализации универсален, не оказывает ли он искажающий эффект на исследовательскую «оптику» и, соответственно, дискриминирующее воздействие на те объективные реалии, которые мы «через» него рассматриваем, учитывая неоднородность современных социально-экономических и иных процессов? В частности, можем ли мы, применяя понятия с приставкой «пост», оценивать состояние и перспективы «человеческого капитала», принимая во внимание его вариативность на традиционном для социальных наук «сельско-городском континууме»?

*© Троцук И.В., 2023

Статья поступила в редакцию 05.02.2022 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

В статье представлена попытка дать предварительную оценку применимости концептуального аппарата с приставкой «пост» для характеристики сельского «кластера» человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал; сельский человеческий капитал; сельско-городской континуум; постмодернизм; постгуманизм; постчеловеческое общество

В последние годы в обществоведческой литературе все чаще упоминается «человеческий капитал», хотя данное словосочетание несколько противоречит устойчивому антикапиталистическому дискурсу, который критикует капитализм за склонность коммодифицировать абсолютно все, включая самого человека. По сути, понятие «человеческий капитал» (знания, опыт и навыки, здоровье) сводит человека к такому же средству производства, как физический капитал: инвестиции в него (прежде всего обучение) повышают производительность труда и приносят выгоду, а накопление человеческого капитала положительно влияет на долгосрочный экономический рост и развитие [см., напр.: 6]. Впрочем, академическое сообщество еще не прояснило суть другого словосочетания — «социальный капитал», и единственный достигнутый здесь консенсус сводится к признанию, что «сильный привкус субъективизма, ощущаемый в различных методиках измерения, включая и те, которые были разработаны столь солидными организациями, как Всемирный банк, до сих пор не позволил поставить изучение социального капитала на твердую научную почву», и это понятие продолжает отличаться «вариативностью трактовок» и «безбрежной всеохватностью» [35. С. 208], что позволяет критикам утверждать его бессмысленность и вторичность по отношению к более однозначно эмпирически интерпретируемым понятиям (доверие, членство, горизонтальные и вертикальные связи, социальные сети и т.д.).

Большинство словарных определений социального капитала весьма размыты и содержат общепринятые положения о значимости социальной солидарности и доверия, как и общепризнанные концепции социального капитала. Так, П. Бурдьё обозначил этим понятием «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [7. С. 63], т.е. объем социального капитала определяет широта социальных сетей взаимных связей и обладание другими формами капитала — экономическим (все виды материальных благ, институционализированные правом собственности) и культурным («длительные диспозиции ума и тела», произведения искусства и способности их создавать, академические квалификации и т.д.) [см.: 3].

Дж. Коулман [16] на основе теории рационального выбора уточнил, что социальный капитал — это групповой, коллективный ресурс, но он формируется, осваивается и используется на индивидуальном уровне, т.е. связал

понятия социального (ресурс социальных связей и доверия) и человеческого (полезные знания, навыки и умения) капиталов. Р. Патнэм подчеркнул, что социальный капитал — одна из характеристик общества, ответственная за уровень взаимного доверия и социального сотрудничества и обусловленная степенью развития социальных сетей [22; 46], и выделил в нем два измерения — структурное (все виды социальных сетей) и культурное (социальные нормы, обеспечивающие общее доверие). В свою очередь, Ф. Фукуяма, признавая, что социальный капитал — это «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами; он может быть воплощен в мельчайшем базовом социальном коллективе — семье, и в самом большом коллективе из возможных — нации» [цит. по: 3], акцентировал важность экономического аспекта, т.е. рассматривал социальный капитал через призму экономической деятельности/выгоды — какую материальную отдачу он может дать экономическим акторам, опирающимся на регионально и локально специфичные социальные связи и традиции.

На фоне такой терминологической метафоричности (и даже вторичности) понятия «социальный капитал» широкое распространение получает понятие «человеческий капитал», причем со схожими экономическими акцентами в определении. Так, согласно Всемирному банку это «знания, навыки и здоровье, в которые люди вкладывают средства и которые они аккумулируют в течение своей жизни, что позволяет им реализовывать свой потенциал в качестве полезных членов общества. Инвестиции в людей путем улучшения качества питания, медицинской помощи, обеспечения качественного образования, создания рабочих мест и обучения профессиональным навыкам способствуют развитию человеческого капитала, а это является ключевым условием для искоренения крайней бедности и построения более социально сплоченного общества... без развития человеческого капитала страны не смогут ни добиться устойчивого экономического роста в интересах всех слоев населения, ни подготовить контингент работников, которые будут готовы занять требующие повышенной квалификации рабочие места будущего, ни эффективно конкурировать в сфере мировой экономики» [23]. Социальная сплоченность как фактор снижения бедности (и роста общественного благополучия) — важный акцент и в определениях социального капитала. Ряд исследователей еще больше запутывают ситуацию, утверждая, что «привычное понятие человеческого капитала — как личного багажа компетенций — в современных условиях требует дополнения... просоциальной компонентой — умением создавать новые общности; сегодня... социальную устойчивость обеспечивают не столько институты, сколько люди, поэтому способность к солидарности и альтруизм становятся важнейшими качествами — и неотъемлемой частью — человеческого капитала» [25]. Иными словами,

по крайней мере в нынешних своих трактовках, понятия социального и человеческого капиталов очень близки, особенно в оценке состояния и перспектив конкретных «локальностей», например, сельских.

Возникает вопрос: в каких концептуальных координатах следует рассматривать сельский человеческий капитал, если исследователи подчеркивают, с одной стороны, возрастание «социальной компоненты» (выраженной в понятии солидарности) всех видов человеческого капитала (городской, сельский, локальный, региональный и т.д.), а, с другой стороны, глобальную и универсальную трансформацию человека (выраженную в понятии агентности), который становится «трансформатором самого себя», «автономным, индивидуализированным, самоуправляемым агентом принятия решений» в условиях кризиса социальной устойчивости (общества риска) и прекаризации занятости [24].

Традиционный подход к изучению человеческого капитала — модель сельского-городского континуума, согласно которой между сельскими и городскими сообществами наблюдаются не только принципиальные различия, но и пространственно протяженная градация типов сообществ по критериям размера, плотности населения, степени разделения труда, изолированности, солидарностей и отчужденностей, темпоральности социальных событий, а также подвижные границы между этими типами, что и определяет ключевые характеристики человеческого капитала в каждом из них. Первоначально понятие «сельско-городской континуум» в социологию ввели П.А. Сорокин и К. Циммерман в 1920-е годы [48; 50], затем концепция постоянно обогащалась новыми эмпирическими данными и теоретическими акцентами — исследователи подчеркивали роль то экономического, то культурологического фактора в формировании и трансформации сельско-городских континуумов. Неизменной оставалась главная идея — преодоление того «дискретно-дихотомического и контрарного подхода», который длительное время преобладал во взглядах на город и деревню [26] и порождал все новые попытки государств (например, в СССР в прошлом и в Китае сегодня) «стереть грани» между городом и деревней, устранив их главные противоречия и противоположности, прежде всего социально-экономического и социокультурного характера [см., напр.: 10; 43].

Как правило, сельско-городской континуум «определяют от противоположного: как неприятие полярности города и села, их резкого территориального и социального раздела. Эти два “нераздела” дополняют друг друга так же, как континуальные и дискретные построения. На условную континуальность может претендовать типология, а ее объекты — оставаться пространственно дискретными... Отсюда вообще-то должно вытекать признание множественности сельско-городских континуумов, различающихся по пространственным и населенческим масштабам, строению, характеру связей... Социологи и культурологи в пору своего увлечения сельско-город-

ским континуумом сопрягали его с общинным *Gemeinschaft* и общественным *Gesellschaft*, сплочением, стратификацией, модерном и традицией, образом жизни, вертикальной и горизонтальной мобильностью» [26. С. 54]. Сегодня модель сельско-городского континуума сложно назвать популярной (особенно в сопоставлении с увлеченностью ею столетие назад), хотя до сих пор она отражена в проектах культурных индустрий как инструменте развития сельской местности. Соответственно, возникает вопрос, может ли сельский человеческий капитал рассматриваться сквозь призму популярных сегодня «пост-»теорий? Речь идет не столько об очевидных вариантах типа постсоциалистического российского села, в описаниях которого доминирует экономический подход, сколько о концепциях, претендующих на универсально-глобальное значение, например, о теории постчеловеческого общества (постчеловека и постгуманизма).

Но сначала следует уточнить, что даже в менее абстрактных, терминологически и концептуально насыщенных «пост-»построениях сельская местность и образ жизни практически не упоминаются. Например, в реконструкции ценностного мира и поведенческих паттернов постсоветской молодежи на основе многолетних общероссийских опросов ситуация характеризуется в целом, несмотря на сохраняющийся разрыв в уровне и качестве жизни города и села, который не может не оказывать влияния на нормативно-поведенческий комплекс. «В постсоветском обществе так и не возникло ценностного конфликта поколений... Непроблематизированной, непроработанной, неосознанной осталась вся совокупность проблем, унаследованных от советского прошлого. Главное, что смогло предложить поколение родителей своим детям, — это опыт выживания и адаптации» [11. С. 81], и серьезные различия просматриваются только в сфере потребительских практик [11. С.139]. Если и упоминаются какие-то различия города и села, то только вскользь: «российское общество очень фрагментировано... большая часть населения живет в пассивной адаптации к системе... и только незначительный слой протосреднего класса, городская успешная молодежь, живет, ориентируясь на модели личного успеха... В обществе не хватает горизонтальных сложных связей, коммуникативных практик и социальных и культурных форм взаимодействия между разными слоями населения. Большинство живет в недоверии к другим и государству, отказываясь при этом от ответственности на всех уровнях, кроме ответственности перед семьей и ближним кругом родственников, знакомых, друзей, и от действий, которые бы влияли, меняли качество социальности и институтов» [11. С. 146–147]. Социологи, занимающиеся качественными исследованиями в сельских поселениях, с этим выводом как обобщающей характеристикой категорически не согласились бы, потому что наблюдают множество случаев низовой солидарности и самоорганизации, в том числе вполне институционализированной (ска-

жем, в формате территориальных общественных самоуправлений, широко представленных в Северном Нечерноземье), и только ответственность за окружающих, а также сложные и устойчивые горизонтальные связи помогают сохранять сельский человеческий и социальный капитал даже в самых депрессивных и депопулирующих регионах.

Другое и более универсальное в своих объяснительных претензиях «пост-»понятие — постмодернизм, имеющий несколько «измерений»: «в метафизическом смысле он антиреалистичен, так как отрицает возможность осмысленно говорить о независимо существующей реальности... В эпистемологическом смысле... отрицает разум или любой другой метод получения объективного знания о реальности, подменяя реальность социально-лингвистическими конструкциями... в области этики и политики говорит от имени и в защиту притесняемых групп и отличается готовностью вступить в борьбу на их стороне» [34. С. 19–20]. Вероятно, из этого списка только последний пункт — социальная защита — применим к изучению сельского человеческого капитала, но речь явно идет о другом. Впрочем, постмодернизм похож на постгуманизм и многие другие модные не только в научной среде претенциозные течения тем, что «представляется минным полем конфликтующих концепций» [34. С. 43]: «какого-то общего согласия относительно того, что в точности имеется в виду под этим термином, не существует — за исключением, возможно, того, что “постмодернизм” представляет собой своего рода реакцию на “модернизм”... Но поскольку значение понятия “модернизм” также весьма туманно, реакция на него, или его последствие, известное как “постмодернизм”, оказываются туманными вдвойне» [33. С. 53].

С другой стороны, неоднородность и многослойность концептуальных построений постмодернизма делает его отчасти пригодным для изучения сельского человеческого капитала, поскольку отвечают за «невозмутимый плюрализм постмодерна, этого гетерогенного ряда жизненных стилей и языковых игр, который отверг ностальгическое стремление тотализировать и легитимировать самое себя» [33. С. 55] (многоукладность локальных и региональных сельских экономик тому свидетельство). Когда утверждается, что в мире постмодерна временный контракт вытесняет постоянные установления в профессиональных делах [см., напр.: 17], а тенденции на рынке труда («гибкие модели труда» [см., напр.: 39]) говорят не столько о повороте к нестабильному постмодернистскому будущему, сколько об исчерпанности модернизма [см., напр.: 36], сельский человеческий капитал (который в книгах о постмодернизме не упоминается) оказывается, с одной стороны, предвестником постмодернизма (многовековое промысловое и рабочее отходничество; в период пандемии прекариат массово релоцировался в сельские поселения), с другой стороны, оплотом модернизма — сохраняя традиции низовой самоорганизации и «городские–сельские противоречия», и (преимущественно сельские, крестьянские) «движения противостоят беспокойному

потоку капитала, уничтожающему дом, сообщество... направлены против жестких ограничений чисто финансового выражения ценности и систематизированной организации пространства и времени... жестко организованных прав собственности и других видов пространственной детерминации... И эти индивидуальные сопротивления могут сливаться в социальное движение, преследующее цель... конструирования альтернативного типа общества, в котором ценность, время и деньги понимаются по-новому [чаще все же по-старому]... Разнообразные движения — религиозные, мистические, социальные, коммунитаристские, гуманитарные, утопические и т.д. — прямо определяют себя как противостоящие власти денег и рационализированных представлений о пространстве и времени в повседневной жизни» [33. С. 390–391] (например, экопоселения).

В западной традиции одно из ярких выражений постмодернизма — постколониальные исследования, которые «формируются выходцами из развивающегося мира... таким людям приходится отстаивать ценности собственной культуры и доказывать, что предшествующие представления об их культуре... были вымыслом или мифом» [18. С. 19]. В постколониальных исследованиях важна не только эксплицитная установка на описание постимпериалистического мира, но имплицитная презентация позиции сельского мира: многие бывшие колонии занимаются, пусть и промышленным, но сельским хозяйством, и бывшие колониальные державы их в этом поддерживают, чтобы Глобальный Юг обеспечивал продовольственную безопасность Глобального Севера. Еще одно следствие постмодерна — «воображаемая идентичность, выстроенная с помощью памяти, позволяющей объединить самых непохожих людей и наделяющей памятью пространство», — сохраняет сложившийся в эпоху модерна миф об отсталом крестьянине: «горожанин участвует в городской жизни уже не как представитель какого-то профессионального сообщества... или сословия, как раньше, но как представитель города вообще... и противоположность деревенскому жителю... Чтобы горожане называли себя горожанами, требуется, чтобы у них был определенный негативный образ деревенских жителей... не отрицательный в бытовом смысле, а отрицательно определяемый. Например, горожанин определяет себя как свободного человека, способного самостоятельно выбирать себе род занятий. Поэтому он рассуждает о деревенском жителе как о человеке, зависимом от своих обязанностей. Или городской житель считает себя дисциплинированным. Тогда он говорит о сельских жителях как об отсталых и неумелых людях. При таком негативном выстраивании идентичности случается много противоречий. Например, миф о деревне, сложившийся уже к началу XIX века, внутренне противоречив: с одной стороны, сельская жизнь идеализируется, утверждается, что селяне живут естественной и здоровой жизнью [отсюда нынешние тенденции дезурбанизации], но, с другой стороны, всячески подчеркивается отсталость деревни» [18. С. 95–96].

Иными словами, в постмодернизме сельский образ жизни либо не упоминается, либо презентуется крайне противоречиво — как идеалистический, даже утопический островок традиционного образа жизни из прекрасного, но почти утраченного модерна, или как, напротив, застрявшая в нем непостмодернизированная часть. И появившийся относительно недавно термин «постпостмодернизм» ситуацию не исправляет: если даже не принимать во внимание его сугубо художественные направления и арт-движения, а ограничиться только относительно институционализированными концепциями (гипермодернизм, постгуманизм, сверхмодернизм, трансмодернизм, неомодернизм, альтермодернизм, реновализм, перформатизм, космодернизм, метамодернизм, автомодернизм, диджимодернизм и т.д.) [21], все равно вряд ли можно сконструировать четкие концептуальные рамки социологического исследования в принципе, не говоря уже о его эмпирическом формате.

Хотя в большинстве случаев «разветвление» постпостмодернизма вызывает критику, отдельные элементы этого подхода обрели популярность за пределами академических дискуссий, например, понятия постирони, постразвития, постлюбви или постправды, определения которых мало что проясняют в этих красиво звучащих конструкциях. Так, идеология пост-развития представляет собой совокупность предложений, которые отрицают возможность универсальных параметров развития и утверждают необходимость широкого спектра целей, либо в полной мере поддерживающих, либо полностью исключающих экономические критерии оценки развития [см., напр.: 40]. Постлюбовь подразумевает становление «постчеловеческих интимностей — способов любить и быть рядом (равно как и не любить и быть далеко), которых не существовало никогда» [см., напр.: 8. С. 8]. Под постистиной обычно понимают «обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере... Люди, более всего чувствительные к тому факту, что мы живем в мире “постистины”, склонны полагать, что реальность фундаментально отличается от того, что о ней думает большинство. Это относится к обеим сторонам современного водораздела “постистины”, т.е. к элитарным экспертам и популистским демагогам» [31. С. 11–12] (подразумеваются, в первую очередь, фейковые новости). С. Фуллер не разделяет это негативное определение, утверждая, что постистина — «важная черта интеллектуальной жизни (социально-конструктивистская позиция), по крайней мере на Западе», что еще В. Парето развел типы элит по критерию темпоральных ориентаций постистины, что суть «ситуации постистины сводится к тому, чтобы занять метапозицию — вы пытаетесь выиграть, не просто играя по правилам, но и определяя само содержание правил», и что «социологию можно считать образцом постистинной науки с учетом ее интереса к тому, как людям удастся переопределять самих себя в меняющихся условиях» [31. С. 21–22].

Впрочем, и множество упоминаемых в литературе более однозначных элементов и факторов постпостмодернизма неприменимы в полной мере к сельским поселениям в силу их объективного социально-экономического состояния, например, «глобальная диджитализация» (до сих пор социологические компании, проводящие онлайн-опросы, не могут обеспечить репрезентацию социально-демографической категории «сельские жители») или «оппозиция к универсализму» (противоречит смыслу сельскохозяйственной деятельности) [см., напр.: 19]. Причем если одни исследователи помещают постгуманизм в своего рода реестр постпостмодернизма, то другие, напротив, считают, что постгуманизм противостоит постпостмодернистским тенденциям, возвращая человеку самого себя благодаря «биологически более адекватному, примитивному (облегченному)» способу общения посредством современных компьютерных технологий [19].

Можно ли использовать концепцию постгуманизма (постчеловека и постчеловеческого общества) для изучения сельского человеческого капитала? Скорее всего нет, уже хотя бы потому что универсализирующие амбиции постгуманизма делают его объект–предмет столь модельно-абстрактным, что дилемма города и села в него не вписывается, не говоря уже об общей характеристике современных концептуальных течений — понятийной неоднозначности: «постгуманизм стал зонтичным термином, включающим разные, подчас противоречащие друг другу позиции, получившие развитие в эпоху, когда символические границы “человеческого” подверглись решительной критике» [28. С. 108]. В общем и целом постгуманизм утверждает, что «понятие “человек” нуждается в срочном переопределении», что понятие «постчеловек» — «альтернатива для эпохи радикального биотехнологического развития, отвечающая политическим и экологическим императивам современности» (однако сельская жизнь всегда подчинялась экологическим императивам), и что «намечается постчеловеческий сдвиг, отвечающий глобальному требованию социальных изменений, ответственной науки и сосуществованию видов» (сельская жизнь этому требованию следовала всегда) [28. С.4]. И даже когда подчеркивается, что «постгуманизм — не только академический подход, но и трансисторическая установка, которая всегда была частью человеческих культур, транс-пространств и эпох» [28. С. 50–51], речь идет о сфере культуры и искусства или о биотехнологических достижениях (гибридные образы человеко-зверей в прошлом и человеко-машин в будущем). А главная посылка постгуманизма — «критическая установка по отношению к представлению о том, что люди — высший в порядке природы вид» [28. С. 52] — по сути, исторически присуща сельской жизни, где слишком многое зависит от прихотей «матушки-природы» (чего не понимают постпостмодернистские городские банкиры, не готовые кредитовать мелких сельскохозяйственных производителей вообще или согласные это делать на невозможных для заемщиков условиях).

Многие принципиальные позиции постгуманизма созвучны традиционным основаниям сельской жизни. Так, «со всеобъемлющей постгуманистической точки зрения понятие технологического развития не следует рассматривать в качестве чего-то однозначного... оно должно в самых своих интенциях и материальности дополняться практиками устойчивого развития» [28. С. 212] — для села это историческая, традиционная норма жизни. Или: «постгуманизм дает общую критику дуализма субъекта и объекта, но не за счет переворачивания приоритетов или уподобления одного другому, а путем реляционного соположения одного с другим — в качестве интра-связанных актантов» [28. С. 293] — хотя сельские жители вряд ли поймут, о чем идет речь, их отношение к природе вполне «интра-связанное». «С социально-политической точки зрения постгуманизм поддерживает сдвиг от категорического мультикультурализма (основанного на дуализме “мы”/“они”) к плюрализму и разнообразию» [28. С. 327] — однако идентификация через оппозицию «сельчане/горожане» вряд ли утратит значение, учитывая лучшее природное ориентирование первых и лучшее социальное ориентирование вторых.

Встречаются и более глобальные утверждения, например, что «постгуманизм возвещает формирование третьего исторического типа социального порядка (вслед за традиционным и модернизированным) [но многие сельские регионы Глобального Юга, или развивающихся стран, не вполне вошли в модернизированный этап]... В основе образования постгуманизированного мира лежат несколько фундаментальных процессов и факторов, конституирующих новый этап (пост) человеческой истории: социальное суперускорение и усложнение [но на селе время циклично]; десекуритизация (рискогенизация и травматизация социальных процессов) [но сельские жители исторически подвержены природным рискам] и т.д.». Тем не менее, действительно изучение «постобщества» и «постчеловека» — «реалий, предполагающих софункционирование людей, не-человеческих актантов, их гибридов, а также разного рода виртуальных продуктов — заново актуализирует гоббсовский вопрос о том, как возможен социальный порядок» [14. С. 8–9], хотя актуализирует его крайне неравномерно как по странам мира, так и по регионам разных государств.

Если опираться на представленные в литературе положения постгуманизма, то применительно к сельской жизни картина складывается противоречивая. Например, декларируемый «конец природы» — «природный мир и физические процессы не перестали существовать, но многие вещи, которые ранее определенно носили естественный характер, становятся все более искусственными» [14. С. 168], «мы не всегда в состоянии точно определить, где кончается первое и начинается второе» [9. С. 44], «к концу XX века природа оказалась покоренной и до предела использованной, пре-

вратившейся из... существовавшего до нас в воспроизведенный» [2. С. 7], и «в рамках своей “темной экологии” Т. Мортон [44] призывает вообще отказаться от применения термина “природа” [кстати, еще в начале XX века А.В. Чайнов ввел понятие «социальной агрономии»] как онтологически нерелевантного и выдвигает в качестве предмета социально-экологических исследований особый вид гибридов — гиперобъекты, которые не имеют четкого генезиса и точной топологии» [14. С. 169], приводя в качестве примера климатические изменения, хотя здесь с причинами (одна из них — промышленное сельское хозяйство) все вполне понятно, в отличие от результатов и последствий. Вряд ли сельские жители откажутся от понятия природы, учитывая, что они в ней непосредственно живут. В то же время они явно согласятся если не с аргументацией, то с выводом другого положения постгуманизма: «в современном мире происходит так называемая “интер-объектуализация” социальных отношений, ведущая к смене традиционных институтов социальной идентификации и образованию новой системы связей, пансоциальности, где различные конфигурации социальных объектов выступают активными факторами формирования общностей, норм, ролей и статусов, т.е. структуры социальной солидарности или, точное говоря, “коллективности”... Другим важнейшим следствием этого процесса становится деконструкция понятия и института владения, легитимизировавшего во все времена власть человека над объектами... На смену власти и собственности идет новая практика и этика подглядывания и приглядывания за миром объектов. Человек учится быть посетителем и привратником в окружающем мире, где он призван не управлять, а охранять, ухаживать, заботиться» [14. С. 171]. Собственно этим приглядыванием сельские жители всегда и занимались в отношении природы и своих сообществ.

Вряд ли сельские жители сочтут обоснованным эмоциональный надрыв утверждения, что «сельскохозяйственная биотехническая отрасль переразвитого мира сделала неожиданный каннибалистический поворот, откармливая коров, овец и кур животным кормом... развитой капитализм и его биогенетические технологии порождают извращенную форму постчеловеческого... все живые виды уже попали в центрифугу мировой экономики» [5. С. 19–20], поскольку характер содержания скота и птицы в домохозяйствах всегда имел черты указанного «каннибализма». Не разделяя аргументации, что «становление постчеловеческим является процессом переопределения чувства принадлежности к миру и связи с ним... отражает принадлежность ко множеству экологий, трансформирует координаты чувств и ощущений, чтобы признать коллективную природу и открытость внешнему... “я” как подвижного подвижного ассамбляжа в общем пространстве жизни, которым субъект никогда не овладевает, но лишь населяет и путешествует по нему», сельские жители вряд ли оспорят, что это

«население и путешествия» «всегда происходят в сообществе, стае, группе или скоплении» [5. С. 370].

Противоречивость характеристик сельского человеческого капитала в оптике постгуманизма, видимо, объясняется тем, что в создаваемой им картине настоящего и будущего села как бы нет. Дело не только в том, что сельская жизнь почти не упоминается: в презентации почти наступившего постчеловеческого состояния речь неизменно идет, по сути, о городском человеческом капитале: «Пространство глобального города требует высокотехнологичного интерактивного интеллектуального пространства и само, в свою очередь, зависит от него... Его можно определить как “умное” городское пространство с плотной технологической инфраструктурой. Окружающие нас технологии основываются на инфраструктурных сетях, которые, будучи неиерархическими и дружественными пользователям, наносят поражение традиционной организации как производства, так и трансляции знаний. В некотором смысле технологически “умное” городское пространство замещает университет, вписывая знание и его циркуляцию в самый центр социального порядка» [5. С. 344–345]. Как показывают сельские исследователи, помимо города как центра современного социального порядка существует и сельская периферия, где принципы организации социального порядка могут быть существенно иными, и именно эти отличия порождают нынешние тенденции дезурбанизации в развитых странах мира, пока в развивающемся мире сельская периферия, по крайней мере пространственно-экономически, доминирует.

Представители разных вариантов новейших интеллектуальных течений (и постпостмодернизма, и постгуманизма), во-первых, экстраполируют тенденции в развитии искусства на все общество, забывая об экономике, политике и религии [см., напр.: 21]; во-вторых, видят настоящее и будущее человеческого общества как сугубо глобально-информационно-урбанизованное, поэтому используют унифицирующе-универсальные понятия (человеческий капитал), не считая нужным дифференцировать его на традиционной шкале «сельско-городского континуума», хотя в объективных реалиях континуум сохраняется, но с новыми чертами (дезурбанизация, промышленное сельское хозяйство и пр.) и новыми региональными особенностями (специфика организации сельской жизни на Глобальном Юге и Глобальном Севере и/или внутри национально-государственных пространств). Дело не только в том, что многие люди, особенно занятые в сельском хозяйстве и/или живущие в сельской местности традиционного типа, ежедневно решают множество повседневных проблем и не задумываются, в каком типе «пост-»мира они пребывают, но и в том, что многие концептуализации современности аналогичным образом игнорируют их существование, по сути, имплицитно-понятийно маргинализируя их. Крайне сомнительно, что для сельских жителей актуальна или даже интересна обо-

значенная Ю.Н. Харари дилемма современности о том, в какую сторону пойдет эволюция — в сторону техногуманизма (трансгуманизма) или датаизма (создания цифрового сверхразума) [см., напр.: 32]. Или что, исходя из объективных социально-экономических условий и цикличности определяющих их образ жизни событий, сельские жители согласятся с тем, что «перед человечеством стоит выбор между тем, чтобы измениться самому и обрести новые сверхчеловеческие качества, чтобы приспособиться к новому миру с помощью геной инженерии, нанотехнологии, нейроинтерфейсов (сверхчеловек), либо уступить дорогу более продвинутому агентиву, способному формировать свой собственный порядок вещей на основе искусственного интеллекта (сверхкомпьютер)... Но останется ли человек разумный человеком и в том и другом случае — вопрос открытый» [14. С. 313–314]. Иными словами, по крайней мере пока, модель сельско-городского континуума значительно более эвристична для оценки состояния и перспектив сельского человеческого капитала.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Библиографический список

1. *Алексеев А.И., Корюхин Д.А.* «Инверсия» сельской урбанизации? // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 5.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. *Блок М., Головин Н.А.* Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 4.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
5. *Брайдотти Р.* Постчеловек. М., 2021.
6. *Булина А.О., Мозговая К.А., Пахнин М.А.* Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020 Т. 36. № 2.
7. *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
8. *Вилисов В.* Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей. М., 2022.
9. *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
10. *Горнова Г.В.* Антиномии города. Омск, 2011.
11. *Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К.* Постсоветская молодежь: предварительные итоги. М., 2023.
12. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М., 2019.
13. Какое слово? // URL: <https://kakoeslovo.ru/dic/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82>.
14. *Катерный И.В.* Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М., 2021.
15. *Кемеров В.Е.* Пост... // Современный философский словарь // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/290/post.htm?ysclid=limxla7u4c250861216>.
16. *Коулман Д.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
17. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998.

18. Марков А.В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. М., 2022.
19. Миннуллина Э.Б. Постпостмодернизм: между субъектом и абсолютно внешним // Философия и культура. 2020. № 4.
20. Никифоров Л., Кузнецова Т. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 5.
21. Павлов А. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2021.
22. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
23. Проект развития человеческого капитала // URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital/brief/the-human-capital-project-frequently-asked-questions>.
24. Сорокин П., Попова Т. Качество человеческого капитала — ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктуризации // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1.
25. Сорокин П., Попова Т. Человеческий капитал — новое понимание // URL: <https://iq.hse.ru/news/671710021.html>.
26. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1.
27. Фадеева О.П. Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // Эко. 2019. № 4.
28. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М., 2022.
29. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008.
30. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.
31. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М., 2021.
32. Харари Ю.Н. Homo Deus: Краткая история будущего. М., 2018.
33. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М., 2021.
34. Хикс С. Объясняя постмодернизм. М., 2021.
35. Яшкова М. Социальный капитал: эволюция концепта // Неприкосновенный запас. 2018. № 3.
36. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1978.
37. Braidotti R. Transpositions: On Nomadic Ethics. Cambridge, 2006.
38. Büscher B. The nonhuman turn: Critical reflections on alienation, entanglement and nature under capitalism // Dialogues in Human Geography. 2022. Vol. 12. No. 1.
39. Curson C. (Ed.). Flexible Patterns of Work. L., 1986.
40. Escobar A. Encountering Development. The Making and Unmaking of the Third World. Princeton University Press, 1995.
41. Fischer H.W., Chatre A., Devalkar S., Sohoni M. Rural institutions, social networks, and self-organized // Environmental Research Letters. 2021. Vol. 16. No. 10.
42. Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. No. 1.
43. Howard E. Garden Cities of Tomorrow. L., 1902.
44. Morton T. Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. Columbia University Press, 2016.
45. O'Halloran K. Posthumanism and Deconstructing Arguments. Corpora and Digitally-Driven Critical Analysis. Routledge, 2017.
46. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y., 2001.
47. Singh N.M. The nonhuman turn or a re-turn to animism? Valuing life along and beyond capital // Dialogues in Human Geography. 2022. Vol. 12. No. 1.
48. Sorokin P.A., Zimmerman C.C. Principles of Rural-Urban Sociology. N.Y., 1929.
49. Welsch W. Postmodernism — posthumanism — evolutionary anthropology // Journal of Posthuman Studies. 2017. Vol. 1. No. 1.

50. *Zimmerman C.C. Sociological Theories of Pitirim A. Sorokin. N.Y., 1974.*

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-338-354

EDN: RWFRAF

Rural human capital in the conceptual optics: Continuum and/or post-ism?*

I.V. Trotsuk

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

National Research University Higher School of Economics,

Myasnikitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. In explanatory dictionaries, “post” is interpreted either as a prefix that has the same meaning as the word “after” (the most obvious and well-known examples from the social sphere are post-imperialist or post-colonial (world), post-Soviet (period), post-socialist (countries), etc.), or as the first part of compound words, denoting what exists/happens based on the second part of the word (post-impressionism, postmodernism, post-industrial, etc.) [see, e.g.: 4]. On aggregator websites of definitions from different dictionaries [see, e.g.: 13], “post” is interpreted mainly as a prefix denoting something that occurs after something, but in relation to philosophical trends of the end of the 20th century (postmodernism, postpositivism, poststructuralism, etc.), it is not only about “after”, but also about a kind of (not dialectical or negative) denial of immediate predecessors — as changing (or destroying) the accepted ideas about the hierarchy of attitudes and methods, which can be applied to human activities beyond philosophy (post-capitalism, post-communism, post-Fordism, etc.) [see, e.g.: 15]. The lexical and research legitimacy of the prefix “post” has not been questioned for a long time, it is taken for granted in scientific and official discourses; however, the question is whether this “tool” of analytical conceptualization is universal or it has a distorting effect on research “optics” and “rhetoric” and, accordingly, a discriminatory effect on the corresponding objective realities, given the heterogeneity of most contemporary social-economic and other processes. In particular, whether we can use concepts with the prefix “post” to assess the state and prospects of the so-called “human capital”, considering its variability on the conditional but already traditional “rural-urban continuum”. The article presents an attempt to provide a preliminary assessment of the universality (or limitations) of the concepts with the prefix “post” in the study of the rural “cluster” of human capital.

Key words: human capital; rural human capital; rural-urban continuum; postmodernism; post-humanism; posthuman society

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

*© I.V. Trotsuk, 2023

The article was submitted on 05.02.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

References

1. Alekseev A.I., Koryukhin D.A. “Inversiya” selskoy urbanizatsii? [“Inversion” of rural urbanization?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2017; 5. (In Russ.).
2. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
3. Blok M., Golovin N.A. Sotsialny kapital: k obobshcheniyu ponyatiya [Social capital: On the generalization of the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2015; 4. (In Russ.).
4. Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
5. Braidotti R. *Postchelovek* [The Posthuman]. Moscow; 2021. (In Russ.).
6. Bulina A.O., Mozgovaya K.A., Pakhnin M.A. Chelovechesky kapital v teorii ekonomicheskogo rosta: klassicheskie modeli i novye podkhody [Human capital in the theory of economic growth: Classical models and new approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika*. 2020; 36 (2). (In Russ.).
7. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002; 3 (5). (In Russ.).
8. Vilisov V. *Postlyubov. Budushcheye chelovecheskih intimnostey* [Post-Love. The Future of Human Intimacy]. Moscow; 2022. (In Russ.).
9. Giddens A. *Uskolzayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
10. Gornova G.V. *Antinomii goroda* [Antinomies of the City]. Omsk; 2011. (In Russ.).
11. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiya K. *Postsovetskaya molodezh: predvaritelnye itogi* [Post-Soviet Youth: Preliminary Results]. Moscow; 2023. (In Russ.).
12. Jameson F. *Postmodernizm, ili kulturnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow; 2019. (In Russ.).
13. Kakoe slovo? [What word?]. URL: <https://kakoeslovo.ru/dic/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82>. (In Russ.).
14. Katerny I.V. *Posthumanizm. Chelovek v epokhu novoy sotsialnosti: metamorfozy, narrativy, dilemmy* [Posthumanism. Man in the Era of New Sociality: Metamorphoses, Narratives, Dilemmas]. Moscow; 2021. (In Russ.).
15. Kemerov V.E. Post. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/290/post.htm?ysclid=limxla7u4c250861216>. (In Russ.).
16. Coleman J. Kapital sotsialny i chelovechesky [Social and human capital]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2001; 3. (In Russ.).
17. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
18. Markov A.V. *Postmodern kulturny i kultura postmoderna* [Postmodernity of Culture and Culture of Postmodernity]. Moscow; 2022. (In Russ.).
19. Minnullina E.B. Postpostmodernizm: mezhdru sub'ektom i absolyutno vneshnim [Post-postmodernism: Between the subject and the absolutely external]. *Filosofiya i Kultura*. 2020; 4. (In Russ.).
20. Nikiforov L., Kuznetsova T. Gorod i selo: osobennosti integratsii v sovetsky i postsovetsky periody [City and village: Features of integration in the Soviet and post-Soviet periods]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2007; 5. (In Russ.).
21. Pavlov A. *Postpostmodernizm. Kak sotsialnaya i kulturnaya teorii obyasnyayut nashe vremya* [Post-postmodernism. How Social and Cultural Theories Explain Our Time.]. Moscow; 2021. (In Russ.).
22. Putnam R. *Chtoby demokratiya srobotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow; 1996. (In Russ.).

23. Proektrazvitiya chelovecheskogo kapitala [Human Capital Development Project]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital/brief/the-human-capital-project-frequently-asked-questions>. (In Russ.).
24. Sorokin P., Popova T. Kachestvo chelovecheskogo kapitala — otvet na vyzovy sotsialnoy politiki v usloviyah destruktivatsii [The quality of human capital — a response to the challenges of social policy under destructuring]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2022; 20 (1). (In Russ.).
25. Sorokin P., Popova T. Chelovechesky kapital — novoe ponimanie [Human capital — a new understanding]. URL: <https://iq.hse.ru/news/671710021.html>. (In Russ.).
26. Treivish A.I. Selsko-gorodskoy kontinuum: sudba predstavleniya i ego svyaz s prostranstvennoy mobilnostiyu naseleniya [Rural-urban continuum: The fate of representation and its connection with the spatial mobility of the population]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2016; 3 (1). (In Russ.).
27. Fadeeva O.P. Sibirskoe selo: ot formalnogo samoupravleniya k vyzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From formal self-government to forced self-organization]. *ECO*. 2019; 4. (In Russ.).
28. Ferrando F. *Filosofsky postgumanizm* [Philosophical Posthumanism]. Moscow; 2022. (In Russ.).
29. Fukuyama F. *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity]. Moscow; 2008. (In Russ.).
30. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow; 2004. (In Russ.).
31. Fuller S. *Postpravda: Znanie kak borba za vlast* [Post-Truth. Knowledge as a Power Game]. Moscow; 2021. (In Russ.).
32. Harari Yu.N. *Homo Deus: Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Moscow; 2018. (In Russ.).
33. Harvey D. *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kulturnykh izmeneniy* [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change]. Moscow; 2021. (In Russ.).
34. Hicks S. *Obyasnyaya postmodernism* [Explaining Postmodernism]. Moscow; 2021. (In Russ.).
35. Yashkova M. Sotsialny kapital: evolyutsiya kontsepta [Social capital: Evolution of the concept]. *Neprikosnovenny Zapas*. 2018; 3. (In Russ.).
36. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York; 1978.
37. Braidotti R. *Transpositions: On Nomadic Ethics*. Cambridge; 2006.
38. Büscher B. The nonhuman turn: Critical reflections on alienation, entanglement and nature under capitalism. *Dialogues in Human Geography*. 2022; 12 (1).
39. Curson C. (Ed.). *Flexible Patterns of Work*. London; 1986.
40. Escobar A. *Encountering Development. The Making and Unmaking of the Third World*. Princeton University Press; 1995.
41. Fischer H.W., Chatre A., Devalkar S., Sohoni M. Rural institutions, social networks, and self-organized. *Environmental Research Letters*. 2021; 16 (10).
42. Fukuyama F. Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*. 2001; 22 (1).
43. Howard E. *Garden Cities of Tomorrow*. London; 1902.
44. Morton T. *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence*. Columbia University Press; 2016.
45. O'Halloran K. *Posthumanism and Deconstructing Arguments. Corpora and Digitally-Driven Critical Analysis*. Routledge; 2017.
46. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York; 2001.
47. Singh N.M. The nonhuman turn or a re-turn to animism? Valuing life along and beyond capital. *Dialogues in Human Geography*. 2022; 12 (1).
48. Sorokin P.A., Zimmerman C.C. *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York; 1929.
49. Welsch W. Postmodernism — posthumanism — evolutionary anthropology. *Journal of Posthuman Studies*. 2017; 1 (1).
50. Zimmerman C.C. *Sociological Theories of Pitirim A. Sorokin*. New York; 1974.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367

EDN: ROZNSD

Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования*

В. Г. Виноградский, О.Я. Виноградская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,

просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: vgrape47@yandex.ru; vgrape58@yandex.ru)

Аннотация. Феномен, фиксируемый посредством понятия «самоорганизация», реализует свою познавательную и аналитическую функцию во множестве дисциплин — физике и химии, кибернетике и информатике, экономике и социологии, психологии и культурологии. Отечественные и зарубежные исследователи, изучающие формы и практики самоорганизации сельского населения, как правило, рассматривают их через призму факторов, которые воздействуют на темпы, формы и качество социально-экономических преобразований, материальный облик и событийную динамику негородского жизненного пространства страны. К числу наиболее действенных факторов, которые влияют на реконструкцию социального пространства сельской местности и в целом на оптимизацию сельского мира, относят факторы управленческие, социально-экономические, инновационные, демографические и урбанистические, климатические и экологические, а также дополняющие их или имеющие промежуточный характер. Авторы систематизируют основные принципы исследования практик самоорганизации сельского населения, которые эмпирически проявляются в их региональной и предметно-деятельностной специфике (локальные природные обстоятельства, культурно-этнографические традиции, изменяющийся состав местного населения, его трудовые привычки, индикаторы профессиональной умелости и трудолюбия). Все перечисленное исторически складывается в некий *genius loci* («дух места», «гений локуса»), плотно упакованный в рамки обычаев и определяющий механизмы выработки и принятия инициативных решений субъектами самоорганизации, нацеленных на построение таких институциональных механизмов и практик, которые не могут не способствовать переходу на новую траекторию развития сначала отдельных сегментов (домохозяйств, фермерских объединений и т.д.), а затем и всех базовых элементов сельского социума, которые воплощены в повседневности своеобразных сельских «локальностей».

Ключевые слова: самоорганизация; неформальное взаимодействие; сельские сообщества; практики самоорганизации сельского населения; сельская повседневность; образ жизни сельского населения; сельский мир

*© Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., 2023

Статья поступила 19.01.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

Феномены самоорганизации, наблюдаемые в сельских сообществах, исследуются отечественными специалистами в разных контекстах: влияние самоорганизации сельских жителей на работу органов местной власти и систем жизнеобеспечения [17; 18]; роль практик сельской самоорганизации в бытовании разных форм социального капитала сельских сообществ (символического, этнокультурного и др.) и их конвертации в экономические ресурсы; практики самоорганизации жителей российских экопоселений [10; 12; 23]; поколенческая трансформация практик самоорганизации жителей сельских поселений [22]; эволюционные аспекты бюджетной политики местного самоуправления в российских регионах [14] и т.д. Однако значительный объем проведенной исследовательской работы не отменяет необходимости дополнительных аналитических инициатив, в известной степени уточняющих сделанное и обнаруживающих спонтанно возникающую в материале жизненной повседневности событийную новизну, поскольку разноликая, пестрая событийность, свойственная процессам самоорганизации в несхожих сельских социумах, сложна и весьма многолика.

Многие глобальные процессы, стремительно развивающиеся в настоящее время, в большей степени (в «качественном» измерении) трансформируют социально-пространственные характеристики сельской местности, нежели городов и агломерационных образований. В подобных «переустроительных» движениях заметная роль может и должна выполняться процессами, которые формируют и переводят в ранг социально-экономических (и смежных с ними) институтов специфические региональные практики сельской самоорганизации. Существующие сегодня институциональные формы, задающие установки и стратегии самоорганизации сельского населения, нередко необоснованно ограничивают его возможности и консолидационные инициативы.

Специалисты, изучающие проблематику самоорганизации, как правило, оставляют без внимания терминологическую оригинальность понятия «самоорганизация». Дело в том, что изучение форм и практик самоорганизации в современной сельской России предполагает осуществление предварительной и вспомогательной, но важной и необходимой методологической операции, цель которой — последовательно и бережно вмонтировать междисциплинарное понятие «самоорганизация», результативно работающее в целом ряде естественных (физических, химических, биологических) и социально-гуманитарных (психологических, социологических, педагогических) наук, в интересующий нас социально-пространственный контекст (жизненную среду российского села), центральным элементом которого выступает сельское население, демонстрирующее (в лице единичных акторов и отдельных групп) различные по интенсивности и содержательности формы социально-экономической и культурно-преобразовательной активности.

Лингвистически-терминологическая конструкция понятия «самоорганизации» такова, что сообщает ей свойства слова-«амфибии». С одной

стороны, понятие отражает одно из наиболее фундаментальных свойств движущейся материи во множестве естественно-научных дисциплин; с другой стороны, эвристический потенциал «самоорганизации» находит все более активное и широкое применение в социальных науках, хотя этот феномен исследовали и мыслители прошлого (Р. Декарт, И. Кант, М. Хайдеггер, Н. Луман и др.). Так, известный американский экономист и географ П. Кругман в книге «Самоорганизующаяся экономика» обозначил специфику и суть самоорганизации: «то, что мы наблюдаем и пытаемся понять, и не обязательно то, чего мы хотим» [26. С. 5–6]. По сути, Кругман высказался против плановой экономики в пользу экономики самоорганизующейся, где ведущую роль играет энергетика своенравных рыночных сил. Но гораздо важнее теоретико-методологический потенциал его определения: в этой краткой цитате прослеживается два разных субъектно-групповых «мы». Первое — «мы» наблюдателей, исследователей и аналитиков, задача которых — понять существо, границы и производительные перспективы самоорганизации. За вторым «мы» стоит не столько наблюдатель, сколько строгий блюститель предустановленных экономических и организационных правил — чиновник, управленец, носитель схематизированного, исполненного предсказательной планомерности, инструктажно-установочного сознания.

Такая оценочная дихотомия весьма эвристична, особенно в исследовании живых практик самоорганизации, которое объясняет подоплеку поучительных жизненных опытов и отправлений — в них индивиды демонстрируют выдающиеся образцы социально-экономической изобретательности и искусства жить. Самоорганизация тем и интересна, поэтому в обществоведческой литературе встречаются тексты, в которых она трактуется как социальный инструмент сохранения и поддержания повседневности, что указывает на конструктивный и животворный потенциал самоорганизации [6].

Однако наряду с познавательно-аналитической востребованностью понятия «самоорганизация» и междисциплинарной широтой его исследовательского применения нельзя не заметить, что оно, при всей, казалось бы, понятности и прозрачности смыслового наполнения, не имеет словарных синонимов. Ни один из просмотренных словарей (от языковых до специально-тематических, от бумажных до сетевых) не показывает искомого результата. Это означает, что самоорганизация в ее лингвистическом и понятийно-терминологическом бытии одинока и сиротлива: рядом с ней отсутствует то самое (более или менее обширное) синонимическое облако, наличие которого по всем лингвистическим канонам выступает как безусловное свидетельство полной и прочной укорененности словоформы в языке. Вероятно, кричащее отсутствие у «самоорганизации» уточняющих ее смысловые параметры синонимических рядов обусловлено ее интуитив-

ной понятностью и семантической прозрачностью ее основных содержательных свойств.

Вместе с тем отдельные моменты уточняющего детализирования термина «самоорганизация», т.е. его косвенная синонимия, обнаруживаются в специальных текстах, предполагающих строгую корректность любых формулировок. Так, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в Статье 27 «Территориальное общественное самоуправление» определяет его как «самоорганизацию граждан по месту их жительства... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения». Следовательно, самоорганизация — это система активных начинаний, инициированных субъектами (индивидуальными или коллективными) в целях оптимизации параметров своего повседневного существования во вверенной их заботам жизненной среде. Самоуправлению же присущ более высокий градус социальности — оно основано на коллективных намерениях, координируемых посредством коммуникации между акторами внутри системы. Специфичность самоорганизации заключается в небольшом, но явном переносе акцентов: она упаковывает в свои деятельностные форматы автономно (бесконтрольно и независимо) возникающие индивидуальные и коллективные действия. Хотя самоорганизация по природе субъектна и инициативна, она не может не подытоживать пестроту индивидуальных намерений, предполагая их координацию и некоторым образом приглушая их остроту, что приобретает решающее значение для практического осуществления желаемых трансформаций — как преднамеренных и запланированных, так и эмерджентных, возникающих спонтанно. В данном случае прослеживается позитивный, конструктивный и животворный потенциал событий самоорганизации. Закономерен вывод, что своему семантическому складу и языковому предназначению самоорганизация синонимична тем социально-экономическим и культурным проявлениям и инициативам, которые отчетливо помечены коннотациями положительности, одобрительности и благоприятности.

В то же время словоформа «самоорганизация», не имея ни одного официально закрепленного в словарях синонима, изобильно оснащена антонимическими дефинициями: «беспорядок», «уничтожение», «дезорганизация», «хаос», «расхлябанность», «расформирование», «роспуск» и т.д. Эти антонимы демонстрируют семантическую «изнанку» термина «самоорганизация»: все полярные ей словоформы рельефно ее «подсвечивают», задавая ее смысловые уточнения от противоположного. В результате поднимается и крепнет то, что можно обозначить как комплементарный авторитет самоорганизации: объективно подтверждается непроизвольно возникающее представление, что и само событие самоорганизации, и те разнообразные

комбинации замыслов, что ее порождают, и те деятельность акты, что ей сопутствуют, не могут не иметь некий позитивный смысл и созидательную нацеленность. Разумеется, ограничиться в истолковании самоорганизации лишь языковой аналитикой непозволительно — следует перейти к философско-социологическим ее трактовкам, сосредоточившись не столько на традициях ее естественно-научного познания, сколько на уяснении ее роли в эволюции социально-экономических систем, в частности, в преобразовании сельского социально-экономического пространства и образа жизни сельского населения.

В «Большом толковом словаре» самоорганизация определяется как «упорядочение каких-либо элементов, обусловленное внутренними причинами, без воздействия извне» [5]. Соответственно, главное в самоорганизации — это упорядочение (улаживание, амелиорация) относительно самоорганизующейся системы (группы, организации) без получаемых снаружи импульсов, которое преследует (по крайней мере, должно) исключительно позитивные цели — вождеденный порядок. Однако углубленная теоретическая проработка свойств самоорганизации приводит специалистов к несколько иным выводам: например, в статье «К вопросу об исследовании конструктивной и неконструктивной социальной самоорганизации» В.С. Карпичев, определив самоорганизацию как «способность социальной системы поддерживать уровень своей организации при резкой смене внутренних или внешних условий», скептически отмечает: «самоорганизация прежде всего проявляется как спонтанное социальное движение, инициатива, конструктивная и неконструктивная самодеятельность, т.е. в качестве самоорганизующихся, слабоуправляемых, слабоструктурированных процессов» [9. С. 59].

Не менее критически автор оценивает и отдельные формы самоорганизации: «...мы встречаемся с диссипативными, когерентными (согласованными), неравновесными, вероятностными, формирующими, “размывающими”, кризисными и иными подобными процессами, и явлениями». Например, граждане, «сохраняя непредсказуемость, остаются главными субъектами управления и самоорганизации в российском социуме и, следовательно, ответственности. Однако ставшая социальным фактом разобщенность людей, растущая поляриность их интересов, безответственное (и непрофессиональное) отношение к государственной идеологии как выражению коренных интересов народа, обнищание масс и отчуждение от власти, утеря значительной частью населения социальной перспективы, нецивилизованная активность бизнеса, рост криминала, породившего небывалую коррумпированность многих властных структур, неадекватное внешнее воздействие, глобализация и унификация жизни, трагический распад Союза — все это и многое другое сказалось на становлении широкого спектра возможностей для протестных движений и инициатив, выражающих интересы граждан в гражданском обществе и социальном государстве,

что приводит к “дикому”, монополизируемому и беспощадному рынку как наиболее распространенному типу социальной самоорганизации, “эманации” (Гегель), т.е. обратному социальному развитию и развитию с неопределенными векторами» [9. С. 59].

Утверждения, что процессам самоорганизации свойственны «спонтанность, слабоуправляемость и слабоструктурированность» и, следовательно, они малоэффективны и бесполезны (чуть ли не контрпродуктивны), не единичны в нынешнем социально-политическом дискурсе. Так, пытаясь сконструировать социальную модель местного сообщества, К.С. Осоргин, по сути, говорит о бессилии и беспомощности попыток самоорганизации в деле формирования локальных сообществ — как городских, так и сельских. Отдавая должное некоторому позитивному потенциалу самоорганизации, автор решительно отвергает ее общественную эффективность: «Самоорганизация местных сообществ демонстрирует потенциал представителей к объединению в различные социальные группы по интересам или потребностям, способность к взаимному сотрудничеству. Невозможность реализовать свой потенциал на местном уровне, через органы местного самоуправления и внутри местных сообществ, приводит граждански и экономически активную часть населения либо к решению покинуть страну, либо к жесткому противостоянию федеральной власти, либо к тотальному взаимному недоверию. Все это никакой пользы стране принести не может, поскольку деятельный человеческий и общественный ресурс растрачивается совершенно неэффективно» [11. С. 275].

Перечисленные выше жизненные обстоятельства продолжают иметь место в современном общественном устройстве, поэтому не могут не влиять на «механику» самоорганизации субъектов, в том числе в сельской глубинке.

Более оптимистические оценки потенциала самоорганизации приводятся в экономико-социологических исследованиях тех аграрников, которые в течение длительного времени наблюдают эволюцию практик сельскохозяйственного производства, в частности отечественного фермерства, и аналитически обобщают накопленные данные. Так, В.Ф. Башмачников, изучая факторы успешности семейных фермерских хозяйств в целях оценки перспектив их развития, подчеркивает важность «эффекта семейной самоорганизации». Автор постоянно акцентирует в своих полевых наблюдениях и аналитических выкладках фактор семейности, т.е. что наиболее прочный и надежный базис самоорганизации — это близкородственные семейные связи членов фермерского коллектива. И даже когда зарегистрированное крестьянско-фермерское хозяйство нанимает работников «со стороны», «координация взаимодействия членов семьи и небольшого числа наемных работников осуществляется не на основе официальных

правил, а с помощью выработанных с годами внутрисемейных обычаев и договоренностей. Благодаря этому и возможно сочетание самоуправления и самоорганизации» [3]. Получается, что самоорганизация — это деятельностное согласие тружеников, внятно ощущаемый «симфонизм» их намерений и перспектив, «солидарность, сплоченность и гармония в процессе взаимодействия». Перечислительная конструкция этой дефиниции замечательна тем, что посредством живых исследовательских контактов с фермерами автор сумел отыскать те синонимы понятия «самоорганизация», которые отсутствуют в толковых словарях.

Попробуем обозначить собственное представление о феномене самоорганизации (в том числе самоорганизационных акций, присущих сельскому населению): по своей родовой природе он субъектен — самоорганизация немыслима без четко осознанных (иногда и интуитивно предпринимаемых) личностных устремлений субъекта. М. Хайдеггер в знаменитом «Письме о гуманизме» утверждал, что «существо труда вчерне продумано в гегелевской “Феноменологии духа” как самоорганизующий процесс всеохватывающего изготовления, т.е. опредмечивания действительности человеком, который почувствовал в себе субъекта» [20. С. 287]. Но этого мало — событие самоорганизации полноценно реализуется с использованием преимущественно (и даже исключительно) локальных, т.е. соседствующих и «прилегающих» к субъекту обстоятельств, а также перипетий его индивидуального жизненного пути, который включает в качестве базового элемента процесс «опредмечивания действительности человеком». Всякий субъект включен в него весьма основательно, «без изъятий», поэтому событийность самоорганизации, т.е. ее наглядная процессуальность, темпоральное развертывание и предметно-деятельностные мизансцены в конечном счете непременно персоналистичны (субъектны) и приземленны (неотрывны от места пребывания субъекта).

Такое пространство жизни в сельской социологии принято называть сельской жизненной средой, но мы предпочитаем говорить о сельском мире: «мир» содержательно богаче, чем «среда» и гораздо продуктивнее в теоретико-методологическом отношении. Дело в том, что ключевой элемент предложенного понятия («мир») чаще всего истолковывается как поэлементно-разнообразная, собранная вместе совокупность соседствующих вещей, обозреваемый объем сотворенного человеком и данный ему ближайшим природным окружением набор жизненных обстоятельств. В одном из авторитетных социологических исследований сельский мир охарактеризован весьма точно и без прямой отсылки к «вещам». По определению Ж. Тощенко, «мир сельчан — это сложный и противоречивый мир человеческого измерения, существования и функционирования их социального потенциала, их возможностей,

их восприятия и реакции на происходящие в обществе изменения и отсюда (не) готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым в обществе и государстве преобразованиям» [13. С. 16–17].

Элементы, образующие сельский мир, — это не просто совокупность материальных вещей, а континуальная непрерывность субъективных реакций и рефлексий относительно происходящих в обществе изменений. Но сводится ли к веренице разнообразных форм и вещей суть «мира» как теоретико-методологической конструкции? Этот вопрос поставил перед собой М. Хайдеггер, когда, занявшись исследованием базовых понятий метафизики, включил понятие «мир» в заголовок своего научного трактата и обозначил свою стартовую аналитическую позицию следующим образом: «“мир” особенно располагает к тому, чтобы подразумеваемое под ним понимать как наличное, понимать “мир” как сумму частей» [19. С. 452].

Однако дальнейшие размышления приводят философа к выводу, что «мир» — это не столько вещи, сколько расположения, переживания, чувствования, жизнеощущения, настроения, некая тональность бытия, его своеобразная мелодика. Соответственно, Хайдеггер формулирует новое определение «мира»: «Настроение — это некий строй... в смысле мелодии, которая не парит над так называемым наличным бытием (“миром”) человека, но задает тон этому бытию, т.е. настраивает и обустривает “что” и “как” его бытия... Настроения — это то *как*, в соответствии с которым человеку так-то и так-то» [19. С. 116–117].

По сути, самоорганизация представляет собой ни что иное как некое синкретическое (вбирающее в себя систему мотивационных мотивов и деятельностных актов) движение субъекта от одного «как» к другому «как» [7] — от одного жизненного настроения к иному, от «мира», уже плотно сложившегося и в этом смысле «бывалого» (бывшего, прошлого) к «миру» новому, складывающемуся, заново вырастающему не посредством внешних распорядительных воздействий, а вполне самостоятельно и даже самочинно, самоуправно. Если рассуждать в более академической тональности, то понятие самоорганизации основано на идее, что общество не является результатом осуществления только одной — правительственной — перспективы, а состоит из бесконечного множества элементов — со всем их разнообразием и динамикой, побуждениями и начинаниями. Поэтому, исследуя самоорганизацию, мы должны фиксировать и внимательно изучать инициативы, которые зарождаются в сельском социуме, а затем, уточняясь в практических применениях и содержательно «набухая», продвигаются через общинные сети в конкретном месте или на заметные дистанции, оставаясь достаточно автономными (неподконтрольными государству) и обладая потенциалом преобразовательной энергии для развития и усложнения сельских социально-пространственных структур.

Разумеется, такая «энерговооруженность» и активность сельской самоорганизации в ее нормальных, органически возникающих, лишенных радикализма формах не может не быть рефлексивной и осмотрительной. Она так или иначе учитывает общую «сценическую» обстановку реального социально-экономического существования как местного социума, так и страны в целом, и потому не может не быть подвержена воздействию «фоновых практик», к числу которых относятся разные ориентиры формируемой управленческими государственными институциями политики сельского развития. Поэтому, исследуя феномен самоорганизации, следует сначала сосредоточиться на этих внешних, но «режимных» (задающих общий климат) обстоятельствах повседневной сельской жизни, складывающихся под влиянием исторически меняющихся организационно-политических моделей сельского территориального развития. Это позволит лучше понять ключевые параметры самоорганизации и оценить ее политико-экономические и социально-культурные перспективы.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Агибалов А.В., Запорожцева Л.А., Ткачева Ю.В. Сценарный подход к разработке стратегии развития сельских территорий // Вестник ВГАУ. 2019. № 3.
2. Адуков Р., Захаров Р. Госпрограмма комплексного развития сельских территорий: оценка и выводы на будущее // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 10.
3. Башиmacher В.Ф. К методологии выявления факторов успешности семейных фермерских хозяйств в целях оценки перспектив их развития // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 7.
4. Божков О.Б., Троцук И.В. Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 4.
5. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
6. Вахитов Р.Р. Как мы выживали в 1990-е? Общинная самоорганизация россиян в эпоху либеральных реформ 1990-х гг. // Философия социальных коммуникаций, 2009. № 1.
7. Виноградский В.Г. «Деревня» и «сельский мир»: сходство и несовпадение // Пути России: Границы политики / Под ред. М.Г. Пугачевой. М., 2019.
8. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 7.
9. Карпичев В.С. К вопросу об исследовании конструктивной и неконструктивной социальной самоорганизации // Социология власти. 2010. № 5.
10. Кулясов И.П., Кулясова А.А. Экопоселения — новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь, 2008. № 10.
11. Осоргин К.С. Модель местного сообщества: структура, функции, ключевые атрибуты // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования / Под ред. В.А. Рубцова, Э.И. Байбакова. Казань, 2019.
12. Рыбакова М.В. Потенциал экопоселений в социально-экологической модернизации современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М., 2015.
13. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

14. *Сумская Т.В.* Проблемы бюджетной обеспеченности местного самоуправления (на примере Новосибирской области) // *Федерализм*. 2018. № 1.
15. *Троцук И.* Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 4.
16. *Троцук И.В.* «Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не) формальной экономике // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 4.
17. *Фадеева О.П.* Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // *Эко*. 2019. № 4.
18. *Фадеева О.П., Нефедкин В.И.* «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 3.
19. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир-конечность-одинокчество. СПб., 2013.
20. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Время и бытие*. СПб., 2007.
21. *Хищенко В.Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М., 2014.
22. *Шомина Е.С.* Самоорганизация жителей в сельских поселениях — взгляд сквозь розовые очки // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 2.
23. *Щукина М.Ю.* Социальная активность как фактор самоорганизации российских экопоселений // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2014. Т. 7. № 5.
24. *Fischer H.W., Chatre A., Devalkar S., Sohoni M.* Rural institutions, social networks, and self-organized // *Environmental Research Letters*. 2021. Vol. 16. No. 10.
25. *Kondratiev M.V., Fadeeva O.P.* Practices of public participation in local self-governance: Case studies of Siberian villages // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 4.
26. *Krugman P.R.* *The Self-Organizing Economy*. Oxford, 1996.
27. *Lin K.* Social quality theory // *A New Perspective on Social Development* / K. Lin, P. Herrmann (Eds.). N.Y., 2015.
28. *McKey D., Rostain S., Iriarte J., Glaser B., Birk J.J., Holst I., Renard D.* Pre-Columbian agricultural landscapes, ecosystem engineers, and self-organized patchiness in Amazonia // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2010. Vol. 107. No. 7.
29. *Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.* Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 1.
30. *Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K.* The importance of strong regional leadership in Russia: the Belgorod Miracle in agriculture // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. No. 3.
31. *Sherwood S., van Bommel S., Paredes M.* Self-organization and the bypass: Re-imagining institutions for more sustainable development in agriculture and food // *Agriculture*. 2016. Vol. 6. No. 4.
32. *Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I.* Cooperation in rural Russia: Past, present and future // *Мир России*. 2018. Т. 27. № 1.
33. *Sovolev A., Kurakin A., Trotsuk I.* Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 1.
34. *Trotsuk I.* “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.
35. *Zhang S., de Roo G., Rauws W.* Understanding self-organization and formal institutions in peri-urban transformations: A case study from Beijing // *Environment and Planning B-Urban Analytics and City Science*. 2020. Vol. 47. No. 2.

The phenomenon of self-organization of the rural population: Principles and prospects of research*

V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: vgrape47@yandex.ru; vgrape58@yandex.ru)

Abstract. The phenomenon defined as self-organization implements its cognitive-analytical function in many disciplines — physics and chemistry, cybernetics and computer science, economics and sociology, psychology and cultural studies. Russian and foreign researchers study forms and practices of self-organization of the rural population and, as a rule, consider them through the factors that affect the pace, forms and quality of social-economic transformations, material appearance and event dynamics of the non-urban living space. The most effective factors that affect the reconstruction of the social space of rural areas and, in general, optimization of the rural world are managerial, social-economic, innovative, demographic and urbanistic, climatic and environmental, and also factors of complementary and intermediate character. The authors systematize the main principles in the study of self-organization practices of the rural population, which are empirically manifested in their regional and subject-activity features (local nature, cultural and ethnographic traditions, changing composition of the local population, their work habits, indicators of professional skills and diligence). All the above historically develops into a kind of *genius loci* (“spirit of place”, “genius locus”) as densely packed in customs and determining mechanisms for the development of initiatives by subjects of self-organization, who aim at building such institutional mechanisms and practices that cannot but contribute to the transition to a new development trajectory, first of individual segments (households, farmer associations, etc.), and then of all basic elements of rural society, which are embodied in the everyday life of rural ‘localities’.

Key words: self-organization; informal interaction; rural communities; practices of self-organization of the rural population; rural everyday life; lifestyle of the rural population; rural world

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

1. Agibalov A.V., Zaporozhtseva L.A., Tkacheva Yu.V. Stsenarny podkhod k razrabotke strategii razvitiya selskikh territoriy [Scenario approach to the strategy for the development of rural areas]. *Vestnik VGAIU*. 2019; 3. (In Russ.).
2. Adukov R., Zakharov R. Gosprogramma kompleksnogo razvitiya selskikh territoriy: otsenka i vyvody na budushchee [State Program for the Integrated Development of Rural Territories: Assessment and Conclusions for the Future]. *Ekonomika Selskogo Khozyaystva Rossii*. 2019; 10. (In Russ.).

*© V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya, 2023

The article was submitted on 19.01.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

3. Bashmachnikov V.F. K metodologii vyyavleniya faktorov uspekhov semeynykh fermerov v khozyaystve v tselyakh otsenki perspektiv ih razvitiya [On the methodology for identifying success factors of family farms to assess the prospects for their development]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Ekonomiki*. 2021; 7. (In Russ.).
4. Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Postsovetzkiy fermerzkiy internatsional v selskom khozyaystve Severo-Zapadnogo regiona [Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region]. *Russian Peasant Studies*. 2020; 5 (4). (In Russ.).
5. Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
6. Vakhitov R.R. Kak my vyzhivali v 1990-ye? Obshchinnaya samoorganizatsiya rossiyan v epokhu liberalnykh reform 1990-h gg. [How did we survive in the 1990s? Communal self-organization of Russians in the era of liberal reforms in the 1990s]. *Filosofiya Sotsialnykh Kommunikatsiy*. 2009; 1. (In Russ.).
7. Vinogradsky V.G. "Derevnya" i "selskiy mir": skhodstvo i nesovpadenie ["Village" and "rural world": Similarities and discrepancies]. *Puti Rossii: Granitsy politiki*. Pod red. M.G. Pugachevoy. Moscow; 2019. (In Russ.).
8. Deryabina M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya samoorganizatsii sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Theoretical-methodological foundations of self-organization of social-economic systems]. *Voprosy Ekonomiki*. 2019; 7. (In Russ.).
9. Karpichev V.S. K voprosu ob issledovanii konstruktivnoy i nekonstruktivnoy sotsialnoy samoorganizatsii [On the study of constructive and non-constructive social self-organization]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2010; 5. (In Russ.).
10. Kulyasov I.P., Kulyasova A.A. Ekoposeleniya — novaya forma selskiykh soobshchestv v Rossii [Ecovillages — a new form of rural communities in Russia]. *Ekologiya i Zhizn*. 2008; 10. (In Russ.).
11. Osorgin K.S. Model mestnogo soobshchestva: struktura, funktsii, klyucheveye atributy [Local community model: Structure, functions, key attributes]. *Obshchestvennaya geografiya v menyayushchemsya mire: fundamentalnye i prikladnye issledovaniya*. Pod red. V.A. Rubtsova, E.I. Baybakova. Kazan; 2019. (In Russ.).
12. Rybakova M.V. Potentsial ekoposeleniy v sotsialno-ekologicheskoy modernizatsii sovremennoy Rossii [Potential of ecovillages in the social-ecological modernization of contemporary Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. Moscow; 2015. (In Russ.).
13. *Smysly selskoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life (Sociological Analysis)]. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2016. (In Russ.).
14. Sumskaia T.V. Problemy byudzhethnoy obespechennosti mestnogo samoupravleniya (na primere Novosibirskoy oblasti) [Problems of budgetary provision of local self-government (on the example of the Novosibirsk Region)]. *Federalizm*. 2018; 1. (In Russ.).
15. Trotsuk I. Neformalnye praktiki: irratsionalnoe povedenie ili vliyanie kultury? Dva kontekstualnykh "freyma" dlya izucheniya neformalnoy ekonomiki [Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual "frames" for the study of informal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (4). (In Russ.).
16. Trotsuk I.V. "Prirodny altruizm" ili vyzhdeniya ratsionalnost? Dolzhnoe, ozhidaemoe i realnoe v (ne) formalnoy ekonomike ["Natural altruism" or forced rationality? Proper, expected and real in the (in) formal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
17. Fadeeva O.P. Sibirskoe selo: ot formalnogo samoupravleniya k vyzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From formal self-government to forced self-organization]. *Eco*. 2019; 4. (In Russ.).
18. Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. "Regionalny dirizhizm" i selskaya samoorganizatsiya v Tatarstane ["Regional dirigisme" and rural self-organization in Tatarstan]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (3). (In Russ.).

19. Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir–konechnost–odinochestvo* [The Fundamental Concepts of Metaphysics — World, Finitude, Solitude]. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
20. Heidegger M. Pismo o gumanizme [Letter on humanism]. *Vremya i bytie*. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
21. Khitsenko V.E. *Samoorganizatsiya: elementy teorii i sotsialnye prilozheniya* [Self-Organization: Elements of Theory and Social Application]. Moscow; 2014. (In Russ.).
22. Shomina E.S. Samoorganizatsiya zhiteley v selskih poseleniyah — vzglyad skvoz rozovye ochki [Self-organization of villagers — a look through rose-colored glasses]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2020; 8 (2). (In Russ.).
23. Shchukina M.Yu. Sotsialnaya aktivnost kak faktor samoorganizatsii rossiyskikh ekoposeleniy [Social activity as a factor of self-organization of Russian ecovillages]. *Problemy Analiz i Gosudarstvenno-Upravlencheskoe Proektirovanie*, 2014; 7 (5). (In Russ.).
24. Fischer H.W., Chatre A., Devalkar S., Sohoni M. Rural institutions, social networks, and self-organized. *Environmental Research Letters*. 2021; 16 (10).
25. Kondratiev M.V., Fadeeva O.P. Practices of public participation in local self-governance: Case studies of Siberian villages. *Regional Research of Russia*. 2021; 11 (4).
26. Krugman P.R. *The Self-Organizing Economy*. Oxford, 1996.
27. Lin K. Social quality theory. *A New Perspective on Social Development*. K. Lin, P. Herrmann (Eds.). New York; 2015.
28. McKey D., Rostain S., Iriarte J., Glaser B., Birk J.J., Holst I., Renard D. Pre-Columbian agricultural landscapes, ecosystem engineers, and self-organized patchiness in Amazonia. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2010; 107 (7).
29. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (1).
30. Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: the Belgorod Miracle in agriculture. *Eurasian Geography and Economics*. 2017; 58 (3).
31. Sherwood S., van Bommel S., Paredes M. Self-organization and the bypass: Re-imagining institutions for more sustainable development in agriculture and food. *Agriculture*. 2016; 6 (4).
32. Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I. Cooperation in rural Russia: Past, present and future. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2018; 27 (1).
33. Sovolev A., Kurakin A., Trotsuk I. Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (1).
34. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
35. Zhang S., de Roo G., Rauws W. Understanding self-organization and formal institutions in peri-urban transformations: A case study from Beijing. *Environment and Planning B-Urban Analytics and City Science*. 2020; 47 (2).

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

ESSAYS AND REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-368-377

EDN: RMNMXE

Системообразующая миссия культуры: российская цивилизация на переломе веков*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу М.К. Горшкова, С.Н. Комиссарова, О.И. Карпухина «На переломе веков: социодинамика российской культуры» (М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с.). Монография имеет большое теоретическое и общественно-политическое значение, намечает новые горизонты для развития социологической науки. Авторы подчеркивают стратегическую роль культуры как системообразующего основания российского социума, ее значимость для успешной социальной модернизации и экономического роста. В монографии разрабатывается новый концептуальный аппарат и теоретико-методологические подходы к анализу социокультурной реальности пореформенной России; определяется предметное поле социологии культуры — весь огромный человеческий мир в его конкретных пространственно-временных координатах, взятый в динамике, раскрывающей межкультурное взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим. Культура представлена в книге как среда сохранения и передачи духовного наследия, способствующая формированию «иммунитета» от дестабилизирующего информационного воздействия. Проблемы социодинамики российской культуры в конце XX — начале XXI веков рассмотрены на материалах многолетних социологических исследований — проведен социокультурный анализ организационно-структурных и содержательно-качественных изменений культурной деятельности населения и художественно-творческого процесса, панорамно представлена целостная картина социодинамики российской культуры на переломе веков, включая состояние духовно-ценностной мотивации, социокультурную природу трансформаций и их социокультурные последствия.

Ключевые слова: миссия культуры; социология культуры; социодинамика российской культуры; духовно-ценностная мотивация; социокультурные трансформации

*© Данилов А.Н., 2023

Статья поступила 17.02.2023 г. Статья принята к публикации 14.04.2023 г.

Красной нитью в рецензируемой монографии проходит идея о недооценке роли культуры в формировании образа будущего России. Слишком долго культура оставалась на периферии общественности, финансировалась по остаточному принципу или даже переводилась на самофинансирование. Слишком часто за последние десятилетия культура отдавалась на откуп дельцам, которые навязывали обществу заимствованный образ «правильной» жизни, чуждый отечественным традициям, историческому опыту и ценностям многонациональной России. По мнению Л.Г. Ионина, «традиционные формы культурной организации и культурной жизни распадались на глазах, библиотеки и театры разрушались в буквальном смысле слова: здания приходили в полную негодность, книги гнили от сырости или сгорали в огне пожаров. Музеи страдали от технической неоснащенности, их коллекции разворовывались. Кинотеатры либо закрывались, либо повышались цены на билеты до уровня, неприемлемого для большей части населения. При этом, куда ни глянь, демонстрировались пошлейшие американские боевики и второразрядная эротика. Глубокие фильмы русских мастеров, получившие призы на конкурсах за рубежом, у себя дома увидеть было невозможно — они не доходили до экрана» [4. С. 220]. «Распадались традиционные социоструктурные и административные системы и вместе с ними рушились складывавшиеся десятилетиями традиции, верования, идеологии, образы мира, жизненные стили и формы, трансформировались структуры престижа, формировались новые идеологические элиты, исчезали старые и возникали совершенно новые социокультурные идентификации» [4. С. 222].

М.К. Горшков справедливо утверждал, что «недооценка стратегической роли культуры как системообразующего основания российского социума, ее стратегической значимости для успешной модернизации общества и экономического роста со стороны властных элит — главная причина, препятствующая развитию отечественной культуры, а во многом — и общества в целом» [2. С. 163]. Сегодня пришло осознание ошибочности подобной политики, что хорошо показано в монографии: «культура представляет собой мощнейший ресурс развития общества, порождается обществом и влияет на него, создает цели и смыслы жизненного существования и потому является определяющим фактором социального развития, внутренним стимулом и регулятором общественного прогресса. С социологической точки зрения культура — “мера становления человеческого в человеке”» (С. 51), важный инструмент объяснения текущих социальных трансформаций и то, что «позволит России остаться самой собой в беспрецедентно изменчивых реалиях нового тысячелетия» (С. 123).

Авторы монографии очень точно характеризуют миссию культуры: в «условиях отсутствия официальной идеологии она должна выполнить роль духовно-ценностного “поля” утверждения новой общегражданской культурной идентичности россиян как духовного стержня всех народов и социаль-

ных слоев страны; взять на себя функции социокультурной и гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности российского социума; стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны, стратегической перспективы его развития в XXI веке, т.е. фактически для выработки национальной идеи России» (С. 121–122). Статус ключевого элемента общественной системы культуре придают две ее характеристики. Во-первых, она аккумулирует многовековой опыт народа: подавляющее большинство ценностей, которыми живет страна, созданы в прошлом и во многом определяют ее дальнейшее развитие. Во-вторых, культура формирует человека, создает внутреннюю мотивацию его поступков и тем самым направляет нынешние и будущие изменения в стране, содействуя становлению открытого общества и гражданского согласия. «Однако социорегулирующая роль культуры напрямую зависит от изученности влияния культурных изменений на социально-политические и экономические процессы, чем напрямую и должна заниматься социология культуры» (С. 123).

Социология культуры — одно из самых ярких направлений социологической мысли. Отражая сложность культуры как объекта наук культурологического цикла, она объединяет социологии всех видов искусства (театра, кино, музыки, литературы и т.д.) и социологические исследования многообразных проявлений культуры в деятельности человека и в системе его общественных и межличностных отношений. Специфика социологии культуры по сравнению с культурологическим знанием состоит в том, что она пытается ответить на вопрос, какие ценности, нормы и мотивы поступков, эстетические предпочтения и вкусы, особенности творческой и художественной жизни и их достижения, формы культурного поведения существуют в конкретных социальных параметрах — в стране в целом и ее регионах, в разных социальных и возрастных группах. «Предметное поле социологии культуры — это изучение социальных форм существования всего сложного континуума культуры, их взаимосвязей с другими сферами и институтами общественной жизни, из объективных данных о которых складывается знание закономерностей развития социального бытия культуры» (С. 30).

Авторы справедливо отмечают «огромную общественную потребность и научную необходимость разработки нового концептуального аппарата, новых теоретико-методологических подходов к анализу социокультурной реальности пореформенной России» (С. 85). Очень точно и масштабно в монографии определено предметное поле социологии культуры — «весь этот огромный человеческий мир, но в его реальном проявлении в конкретных пространственно-временных координатах. Причем взятый не в статике взаимодействия между всеми наличными компонентами культуры, а в динамике, раскрывающей межкультурное взаимодействие уже совсем другого рода: между прошлым, настоящим и будущим» (С. 30). «Культура сохраняет

традиции, опыт, ценности идеального образа будущего. Выстраивание нового идеала развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. В такой ситуации культура все больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи духовного наследия» [3. С. 69]. «Культура способствует формированию иммунитета от дестабилизирующего информационного воздействия» (С. 243). «Сегодня наше настоящее и будущее зависят от того, останется ли Россия самой собой» (С. 245).

Структурно книга состоит из введения, 3 разделов, 29 глав, заключения и списка литературы. В первом разделе «Культура в социологическом дискурсе» авторы описывают место социологии в системе наук о культуре и становление отечественной социологии культуры, рассматривают культуру как объект социологического исследования и социального развития, выделяя проблемы социокультурного анализа, характеризуют социокультурную ситуацию как синхронически-диахроническую целостность, историческую и цивилизационную обусловленность отечественной культуры. Во втором разделе «Система социальной детерминации динамики российской культуры» представлен анализ последнего десятилетия XX века как цивилизационно-культурного рубикона, где культура выступает как пространство диалога цивилизаций: рассмотрены информационно-технологические факторы культурных трансформаций, политико-идеологические факторы социодинамики российской культуры, социально-экономические условия социокультурной динамики, этнонациональные и этнодемографические факторы социокультурного развития и модернизации. В третьем разделе «Состояние отечественной культуры в зеркале социологии» авторы обозначают общекультурные тренды и отношение к культурному наследию, проблемы поляризации, культурные предпочтения и литературные вкусы россиян, динамику инфраструктуры культуры, проблемы коммерциализации культуры и ее вестернизации, дегуманизации литературы и искусства, постмодернизма и т.д.

В монографии панорамно представлена целостная картина социодинамики российской культуры на переломе веков — реальное состояние духовно-ценностной мотивации происходящего, его «культурная подоплека», социокультурная природа произошедших трансформаций и их социокультурные последствия. Именно в культуре происходит таинство творения нового, выкристаллизовываются смыслы и обновляются ценности, сохраняется социокультурная идентичность, которые определяют жизнеспособность цивилизации и передают ее культурный код через из поколения в поколение. Хотя тридцать лет — исторически слишком малый срок для окончательных выводов о том, что происходит в российской культуре: слишком противоречивы несочетаемые начала, разнонаправленные поиски в искусстве и духовные стремления миллионов людей. Авторы уверены, что XXI век неминуемо станет веком культуры — продуктивного диалога традиционного и модерни-

стского аспектов культуры в постоянном переплетении векторов преемственности и развития.

По мнению авторов, начало XXI века «представляет собой противоречивые, но зримые результаты глубочайшего цивилизационного слома начала 90-х годов прошлого века, столкновения двух систем ценностей, духовно-культурных парадигм — советской и демократической. Этот слом определил две парадигмы изменений общества и человека, экономики и политики, нравственности и культуры — все, чем живут нынешние поколения россиян, включая тех, кто родился в первой половине XX века и тех, кто появился на свет уже в XXI веке» (С. 129). «Реальность последних десятилетий XX и первых десятилетий XXI веков наглядно подтвердила, что культура не является и не может являться лишь средством решения утилитарных социальных задач. По природе своей она является определяющим ориентиром развития общества, ставящего богатство развития человеческой природы как самоцель» (С. 108). Авторы утверждают, что именно культура как «ценностная и смыслообразующая основа российского мироустройства» определяет лицо современного общества (С. 7).

Ж.Т. Тощенко и Г.В. Тартыгашева [7] в рецензии на монографию отмечают, что «в рамках авторской позиции “культурой” называются не любые практики человеческого взаимодействия, а лишь те, что связаны с созиданием, развитием творчества, гуманизма. В этом кроется существенное различие между расширяющейся практикой использования так называемой культуральной социологии или культурсоциологии, которая наиболее полное выражение нашла в произведениях Дж. Александера и в известном смысле в работах Л.Г. Ионина. Суть этой интерпретации сводится к тому, что культура пронизывает все без исключения сферы общественной жизни. Однако при таком подходе практически исчезает различие между понятиями “общество” и “культура”. Вместе с тем авторы не исключают, что нет непреодолимых границ между культурой и другими сферами жизни общества. Поэтому вполне логично, что в монографии осуществлено рассмотрение социально-экономических условий развития культуры, политические, социальные и идеологические факторы культурной динамики» [7. С. 162].

Здесь уместно привести слова В.С. Степина, который отмечал, что «проблема связи категорий “общество” и “культура” изначально определяет разработку научной картины социальной реальности, а значит, и систему принципов, на которые могут опираться конкретные социальные и гуманитарные науки. Если культура программирует все формы человеческой активности (деятельность, поведение и общение) и если нет ни одного феномена социальной жизни, который бы возникал вне человеческой активности, а значит, и вне культуры, то тогда общество в целом и такие его подсистемы, как экономика, социально-политическая структура, — тоже культура. Тогда понятия “общество” и “культура” становятся тождественными. Казалось бы, в этом

случае нельзя говорить о культуре как особой подсистеме социальной жизни. Она пронизывает все без исключения сферы этой жизни. И тем не менее, я считаю, что подход к культуре как особому аспекту жизни общества правомерен и необходим. Общественная жизнь как воспроизводящийся, изменяющийся и развивающийся процесс включает вещественно-энергетические и информационные аспекты. Культура — это информационный аспект социальной жизни, это весь объем социально-значимой информации, регулирующий жизнь общества» [6. С. 513]. Согласно Л.Г. Ионину, «культура не может быть ложной, ибо общество именно таково, каким оно является в культуре» [4. С. 70].

В целом сегодня приходит понимание, что культуру недопустимо сводить к сегменту рынка или сфере потребительских услуг. Развитие культуры напрямую связано с очеловечиванием человека и окружающего его мира. На переломе веков человечество должно было выбрать дальнейший пути развития, кардинально переосмыслив суть своего существования, природы и оптимальных форм социального бытия, особенно на фоне информационно-технологической революции, качественно изменившей не только глобальное экономическое и информационно-культурное пространство, но и характер межличностных отношений и духовный самого человека.

Вне культуры нельзя отыскать путь в будущее: «XX век стал самым губительным в истории человечества по жертвам, принесенным во имя “ценностей” и догм, ничего общего не имеющих с ценностями культуры. В XXI веке люди продолжают гибнуть “за металл”, за ресурсы, за геостратегические интересы международных монополий и претендентов на мировое господство» (С. 16). Все более востребован новый теоретический синтез знаний об обществе и человеке и в том числе о культуре. Исследователи стремятся «рассмотреть в системном единстве сущностные, атрибутивные свойства культуры как генотипа цивилизации с реальными их проявлениями в конкретной социокультурной ситуации, сложившейся за последнюю треть века» (С. 18).

В историю уходит эпоха техногенной цивилизации, которая принесла человечеству необозримые богатства, фантастические научно-технические успехи, огромные достижения во всех сферах жизни и одновременно (по А.И. Солженицыну) «обнищание душ». «Игнорирование социокультурного измерения всех общественных отношений отражает духовный кризис европейской “фаустовской” цивилизации, из которой все ощутимее вымываются культурные основы человеческого бытия, что неминуемо приведет (и уже приводит) к “закату Европы” (О. Шпенглер)» (С. 6). Можно вспомнить слова Д.С. Лихачева, что именно культура «представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла» (С. 7).

Интересны размышления авторов о состоянии социокультурной среды, питающей личность, делающей ее, по выражению Д.С. Лихачева, «духовно оседлой» либо, наоборот, лишаящей ее оседлости и производящей духовную скудость и примитивное потребительство. «Противоречивость социокультурной среды в том и состоит, что утверждению истинно культурного человеческого начала всегда противодействует наличествующий в обществе и в отдельных людях потенциал агрессивного варварства, который всегда составляет угрозу социальности, направлен на разрыв связующих индивидов и все общество нитей духовного единения» (С. 128).

«Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализируют проблему наличия культурно-генетического кода и необходимости его расшифровки, изучения механизма работы, особенностей функционирования» [3. С. 66]. «Культура, будучи сложнейшей системой различных социокодов, представляет собой особый компонент общественной жизни, обеспечивающий ее воспроизводство и развитие» [6. С. 513]. «Без анализа культурного кода вряд ли можно понять сущность и направленность культурных изменений, происходящих в обществе и отдельных социальных группах» (С. 81). «Утрата культурного кода свидетельствует о полной победе наднационального масскульта и поп-культуры. Соответственно, речь идет о полном захвате культурного, а вслед за ним и потребительского рынка. Последним шагом гибели культурного кода является полная потеря национальной идентичности и, более того, презрительное отношение к ее атрибутике» (С. 84).

«Культура сейчас находится в некоей пограничной ситуации, переживает принципиальное изменение ценностей» [5. С. 585]. «Нельзя рассматривать культуру и в отрыве от ценностей. Традиции и обычаи кристаллизуются в культурные нормы и ценности, которые становятся скрепляющим каркасом всех общественных отношений, обеспечивают гармонию внутреннего мира человека и позволяют ему преобразовывать окружающее в соответствии с представлениями и идеалами, содержащимися в культуре» (С. 101). «Русская культура всегда впитывала иноземные влияния и обогащалась благодаря общению с другими культурами — прежде всего, культурами народов нашей страны. Но сегодня речь идет о сохранении генотипа нашей культуры, о сложившейся за многие века ценностной матрице воспроизводства российской цивилизации, определяющей не только представления о том, что красиво или не красиво, что хорошо и что плохо, но и весь ход нашей жизни. А тем самым — и будущее страны в XXI веке» (С. 215). «Какими бы противоречивыми и болезненными ни были дрейф ценностей и трансформация “культурного поля” в стране, системообразующая культурная основа российского бытия сохраняется» (С. 215). Прав был В. Межуев, провозгласив, что «культура и рынок несовместимы» (С. 285).

В целом, оценивая значимость информационных изменений для развития современной культуры, необходимо признать, что «средства массовой информации все в большей степени становятся ведущим звеном инфраструктуры и играют все большую роль в реализации информационно-культурной политики» (С. 237). Одним из важнейших институтов социокультурной социализации личности является семья: «несмотря на серьезные негативные процессы в семейных отношениях, семья остается для россиянина эпицентром его бытия» (С. 319). Особое значение в ряду факторов социокультурной динамики имеет система образования — как особый институт, определяющий жизненные ориентиры молодого поколения, и «становится все более очевидным несоответствие между исконными целями отечественной (да и любой) культуры и реальными тенденциями развития современной российской системы образования» (С. 303).

Авторы критически оценивают поверхностные, шаблонные исследования в области социологии культуры и отсутствие междисциплинарной координации. «На самом высоком уровне кризис культуры осознается, прежде всего, как отсутствие в обществе духовной и интеллектуальной координации, некой объединительной социокультурной идеи, в которой бы проявлялась воля “исторического разума” и которая могла бы послужить толчком к дальнейшему осмысленному социальному творчеству народа» (С. 417). «Россияне по-прежнему считают, что культурное наследие прошлого намного превосходит сегодняшние творения. Это касается кино, эстрады, литературы, искусства, музыки. Но “старые песни о главном” постепенно приедаются. Среди молодежи любители “советской классики” уже в меньшинстве. Упала и популярность телевидения» (С. 432). Новая реальность породила новое искусство, которое отличается от предшествующего «способом производства, распространения и потребления культурных ценностей, организацией и функционированием творческого процесса, социальным статусом художника и механизмами его признания, отношением к нему со стороны сильных и слабых мира сего. Произошло раздвоение, вернее, расщепление искусства на элитарное и массовое, которое репродуцируется распадом социума и расслоением сознания по сословному признаку. Сменилась функциональная иерархия искусства как социального института: над функцией художественного самознания общества и человека стала доминировать функция развлечения (и отвлечения!) от действительности» (С. 497).

Проведенные исследования позволили авторам обозначить новые тенденции в развитии культуры, связанные с ее ролью в формировании образа будущего. Так, отличительной чертой нашего времени стала «дегуманизация современного искусства: человек из него все в большей степени вытравливается» (С. 530), омассовление культуры (С. 561), ее коммерциализация и вестернизация (С. 507–529), а также «культура бедности», сложившаяся за последние три десятилетия в условиях реформ и усиливающегося социального

неравенства (С. 600). С другой стороны, для социологии культуры молодежь становится одним из главных объектов исследований. Молодежь «по-прежнему расколота: половина из них удовлетворена политикой государства, считая, что эта политика способствует их социальной самореализации; половина не удовлетворена, полагая, что эта политика не позволяет им реализовать свои жизненные планы» (С. 635). М.К. Горшков и раньше отмечал, что, «если говорить о честолюбивых устремлениях молодежи, то... деньги привлекают ее значительно больше, чем власть и слава, признание, уважение со стороны окружающих» [1. С. 218]. «Сегодня пути решения проблемы молодежи лежат... не столько в совершенствовании системы государственной молодежной политики, сколько в решении фундаментальных вопросов развития российского общества» (С. 635).

Авторы вводят понятие «социокультурно-информационная ситуация», поскольку информационная система обеспечивает целостность социума, культуры и личности (С. 133), однако «ослабление наследования предшествующего духовного опыта делает все более проблематичным освоение новых исторических вызовов, стоящих перед культурой и обществом в целом» (С. 132). «Данные большинства социологических исследований не отражают адекватно сущность и сложность культурных трансформаций на уровне личности, социальной группы и общества» (С. 69). «Очевидно, что само по себе количество социологических данных не обеспечит прорыв в социологии культуры. Это будет иметь смысл только в том случае, если социологические исследования будут сопряжены с концептуальным осмыслением культуры» (С. 60). Причем авторы считают, что «раскрытие деятельности социальных субъектов социодинамики российской культуры невозможно без анализа роли государства — в нашей стране главного спонсора, локомотива и стратега культурных трансформаций» (С. 391).

Все содержание монографии подтверждает идею, что культуру не надо торопить — она делала и будет делать свою повседневную работу, «перемалывая» опыт времен и выстраивая образ будущего. Главное — постоянно слышать голос своего народа, и тогда историческая нить времени не прервется и на все новые вызовы будет найден достойный ответ. Монография М.К. Горшкова, С.Н. Комиссарова и О.И. Карпухина имеет большое теоретическое и общественно-политическое значение, намечая новые горизонты развития социологической науки. Нельзя не отметить и охват авторами научной литературы по социологии культуры — в этом смысле монография будет полезна всем, кто решит продолжить исследования социодинамики российской культуры.

Библиографический список

1. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. М., 2016.
2. *Горшков М.К.* «Есть такая профессия — общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические открытия. М., 2020.

3. Данилов А.Н. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции // Социологические исследования. 2023. № 2.
4. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004.
5. Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи. СПб., 2018.
6. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М., 2015.
7. Тоценко Ж.Т., Тартыгашева Г.В. А что на самом деле происходит в сфере культуры? // Социологические исследования 2023. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-368-377

EDN: RMNMXE

System-forming mission of culture: Russian civilization at the turn of the era*

A.N. Danilov

Belarusian State University,
Kalvarijskaya St., 9, Minsk, 220004, Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Abstract. The article is a review of the book by M.K. Gorshkov, S.N. Komissarov and O.I. Karpukhin *At the Turn of the Era: Social Dynamics of Russian Culture* (Moscow: FCTAS RAS, 2022. 703 p.). The book is of great theoretical and social-political significance and outlines new horizons for the development of sociological science. The authors emphasize the strategic role of culture as the core of the Russian society and its importance for successful social modernization and economic growth. The book provides new concepts and theoretical-methodological approaches to the analysis of the social-cultural reality in post-reform Russia and defines the field of sociology of culture as the entire human world in its specific spatial-temporal coordinates, taken in dynamics that reveals the intercultural interaction between the past, present and future. Culture is presented in the book as an environment for the preservation and transmission of spiritual heritage, which contributes to the ‘immunity’ from the destabilizing information impact. The authors consider the issues of the social dynamics of the Russian culture in the late 20th — early 21st century on the data of many sociological surveys, conduct a social-cultural analysis of organizational, structural and qualitative changes in the cultural activities of the population and in the artistic-creative process, present a comprehensive picture of the social dynamics of the Russian culture at the turn of the era, including the state of the spiritual-value motivation, the social-cultural nature of transformations and their social-cultural consequences.

Key words: mission of culture; sociology of culture; social dynamics of Russian culture; spiritual-value motivation; social-cultural transformations

*© A.N. Danilov, 2023

The article was submitted on 17.02.2023. The article was accepted on 14.04.2023.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-378-383

EDN: PERQFK

Миграционный атлас Российской Федерации 2022*

Р.В. Маньшин^{1,2}, Е.Е. Письменная^{1,3}

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, стр. 1, Москва, 119333, Россия

³Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский просп., 49/2, Москва, 125167, Россия

(e-mail: manshin@list.ru; nikitaR@list.ru)

Аннотация. Статья представляет собой обзорную рецензию на «Миграционный атлас Российской Федерации», подготовленный коллективом авторов под научной редакцией С.В. Рязанцева (М.: ИТД «Перспектива», 2022. 180 с.). Рецензируемое издание стало результатом трехлетнего исследовательского проекта «Влияние иммиграции на этнодемографические процессы в Российской Федерации и подходы к совершенствованию миграционной политики в части стимулирования интеграции иммигрантов в российское общество». Авторы книги опираются на работы исследователей миграционных процессов и отечественных картографов, в доступной и наглядной форме представляя перемещения населения в России с момента распада СССР по настоящее время. В фокусе исследования находятся направления, масштабы, социально-демографическая структура и этнические особенности миграции в стране, в том числе в региональном разрезе. Издание выступает самостоятельным источником информации по некоторым редко исследуемым аспектам миграционных процессов и представляет собой удачный формат систематизации уже известных данных. Атлас предназначен для широкого круга читателей — государственных служащих, работников социальной сферы, ученых, преподавателей и студентов: авторы подготовили издание, доступное и интересное как специалистам с опытом изучения миграции, так и тем, кто только начинает знакомство с этой областью.

Ключевые слова: региональная миграция; этническая миграция; Российская Федерация; глобальная миграция; трудовая миграция; картография

Рецензируемое издание представляет собой комплексное исследование миграционных процессов и охватывает широкий спектр вопросов российской и международной миграционной действительности — от статистических данных до межгосударственных механизмов управления миграцией.

*© Маньшин Р.В., Письменная Е.Е., 2023

Статья поступила 21.02.2023 г. Статья принята к публикации 13.04.2023 г.

Авторы проекта решают амбициозную задачу систематизации различных практических аспектов миграции в нашей стране.

До сегодняшнего дня не существовало масштабного издания, которое объединяло бы в себе теоретические знания о миграции, актуальную статистику по внутрироссийской межрегиональной и международной миграции, практические сведения о миграционной инфраструктуре, сведения об этнической составляющей миграционных процессов и представляло бы эти данные в наглядной форме, доступной не только для специалистов, глубоко погруженных в тематику, но и для тех, кто не занят изучением миграции на регулярной основе, но сталкивается с ней в своей работе. Авторы адресуют атлас государственным служащим, дипломатам, работникам социальной сферы, ученым, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется миграцией в стране и мире.

Издание подготовлено в рамках проекта «Влияние иммиграции на этнодемографические процессы в Российской Федерации и подходы к совершенствованию миграционной политики в части стимулирования интеграции иммигрантов в российское общество» — это часть Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», однако круг вопросов, затронутых в атласе, заметно шире обозначенной темы.

В главе «Россия в глобальной и региональной миграции» приводятся краткие сведения о масштабах и направлениях миграции в мире, а российские внешние миграционные связи показаны в динамике — с момента распада СССР и связанной с ним возвратной миграции этнических русских из союзных республик до пандемии covid-19, существенно трансформировавшей потоки мигрантов во всем мире. Использование картографической информации и каскадных гистограмм позволило авторам добиться максимальной наглядности данных о миграционных процессах на постсоветском пространстве.

Глава «Показатели и статистика миграции» начинается с блока терминов и определений, используемых в изучении миграции. Безусловно, специалисты знакомы с этой информацией, однако авторы ориентируются на широкий круг читателей, включая тех, для кого вопросы, связанные с миграционными процессами, являются важной, но не каждодневной задачей (например, региональные чиновники). Такой подход способствует лучшему пониманию материала и делает издание более цельным. В этой главе подробно разобраны источники сведений о миграции в России, процесс легализации мигранта после прибытия на территорию России, отличия процедур для граждан стран ЕАЭС, а также трансформация этих данных в статистические материалы. Авторы анализируют процесс прохождения мигрантами всех процедур до момента вступления в российское гражданство, для наглядности оформляя его в блок-схемы, где можно проследить разницу между стандартной и упрощенной процедурой.

Несмотря на характер издания (атлас подразумевает в первую очередь систематизацию имеющихся данных), в нем присутствует авторский анализ и полемика с действующими в России правилами с точки зрения их влияния на качество собираемой статистическими службами информации. Проблемы «испорченной» статистики не в первый раз попадают в поле зрения исследователей миграции. Поскольку одним из потенциальных читателей издания являются государственные служащие, последовательное описание процесса учета миграционных данных и выявление в нем слабых мест с точки зрения последующего статистического использования позволяет рассчитывать на экспертную дискуссию относительно необходимого реформирования систем учета.

Обращает на себя внимание стремление авторов рассмотреть те аспекты международной и внутренней миграции, которые редко оказываются «вписанными» в общую картину миграции. Например, это образовательная миграция, а также такой сложный для изучения вид миграции, как усыновление российских детей иностранными гражданами. В атласе не только приводится статистика по данным видам перемещений, но и анализируются их юридические аспекты, включая законодательные изменения последних лет.

В целом представляет интерес скрупулезный подход авторов к изучению возможности сбора миграционной статистики через второстепенные и неочевидные на первый взгляд источники, например, данные Пенсионного фонда России, который публикует сведения о численности пенсионеров, получающих социальные трансферты за рубежом. В свете общеизвестных проблем с поиском необходимой информации атлас может стать и прямым указанием на возможные источники данных, и стимулом для самостоятельного поиска сведений в, казалось бы, неочевидных источниках.

В российской нормативно-правовой базе нет четкого определения миграционной инфраструктуры. Это понятие является достаточно молодым и стало сравнительно широко использоваться в западной научной литературе только в последние 5–10 лет [1]. В отечественных работах понятие миграционной инфраструктуры практически не встречается: по запросу «миграционная инфраструктура» в электронной библиотеке E-library обнаруживается всего 14 статей, что показывает недоисследованность данной темы. Авторы атласа посвятили ей главу, систематизируя информацию о пограничных переходах (воздушные, автомобильные, железнодорожные, морские, смешанные) и законодательной базе функционирования участков границы с разными странами, а также актуальные сведения о влиянии пандемии на работу пропускных пунктов и ключевые проблемы, с которыми сталкиваются мигранты при переходе границы.

Еще реже в отечественной литературе рассматривается внешняя миграционная инфраструктура, а авторы приводят сведения о представительствах российских государственных органов за рубежом, которые вовлечены в обеспечение легальной и регулярной миграции. Несмотря на то, что данный раздел носит скорее справочный характер, его наличие добавляет изданию

комплексности. Аналогичную задачу решают главы, посвященные паспортно-визовым отношениям России с другими странами, и глава о международных организациях, вовлеченных в глобальное управление миграцией.

Комплексный подход и стремление отразить в книге разнообразные аспекты миграционных процессов, дать представление о видах миграции, часто выпадающих из поля зрения исследователей, и проанализировать собранные данные о них — все это выгодно отличает «Миграционный атлас Российской Федерации» от аналогичных изданий. Яркий пример — разделы о маятниковой и трудовой миграции. В частности, вахтовая миграция — еще один малоизученный раздел: по запросу «вахтовая миграция» в «E-library» обнаруживается 72 публикации, а авторы сочетают данные Росстата (итоги выборочного обследования рабочей силы) и такой специфический источник, как данные компании «HeadHunter» («НН.ru») о спросе на вахтовую рабочую силу по регионам России, средней заработной плате вахтовиков по отраслям и профессиям и т.д. Данное направление исследований особенно интересно в контексте экспертных дискуссий о целесообразности государственных мер по поддержанию заселенности удаленных территорий (северных регионов, отдельных районов Сибири и Дальнего Востока).

Отдельно следует отметить главу, посвященную этнической миграции и диаспорам. Авторы проанализировали нормативно-правовую базу национальной политики России и влияние этнического многообразия на административно-территориальное деление страны. Информация о численности отдельных этнических групп и их расселении по регионам представлена в виде таблиц и карт, причем последние демонстрируют динамику изменений. На картах хорошо видны процессы поздней постсоветской миграции, когда доля выходцев из стран Средней Азии (в первую очередь таджиков, узбеков и киргизов) стремительно увеличилась практически во всех регионах России. Одновременно снижалась доля населения из европейской части бывших советских республик (украинцев, белорусов), что связано не только с миграционными процессами, но и с изменением самоидентификации населения. Представлены и те этнические группы, расселение которых в России до сих пор носит территориальный характер, — китайцы, корейцы, немцы и др.

Авторы представляют результаты исследования расселения этносов на основе центрографического метода и точечного способа изображения, которые позволили выявить основные тенденции в расселении и выделить три группы этносов — со стабильными ареалами, быстрыми и медленными темпами изменениями ареалов расселения. Этот подход можно использовать в реализации национальной политики Российской Федерации, направленной на сохранение этнического многообразия страны.

Не менее важно изучение российской диаспоры за рубежом — особенностей ее формирования («волны» эмиграции), основных направлений и количества мигрантов, степени вовлеченности в единое сообщество соотечественни-

ков, самоидентификации. Авторы уточняют критерии «российской», «русской» или «русскоязычной» диаспоры и связанной с ней русскоязычной экономики, делая вывод, что зачастую термин «диаспора» не применим к русскоговорящим сообществам за рубежом. Так, из шести используемых У. Сафраном характеристик диаспоры [2] к русскоязычному сообществу за рубежом вряд ли можно отнести наличие единого образа родины, стремление к возвращению и обладание этнонациональным сознанием, связанным со страной исхода. Авторы делают вывод о целесообразности изучения не диаспоры как таковой, а русскоязычной экономики, которая удивительным образом впитывает более широкий круг мигрантов, чем могла бы включить любая диаспора, сформированная по этническому или национальному (гражданство) принципу. В данном разделе представлены результаты исследований авторов — экспертных опросов сотрудников российских дипмиссий и консульств, представителей культурных и языковых центров за рубежом. Ценность представляют данные о сообществах/кластерах русскоязычной экономики за рубежом, поскольку сведений о них в отечественной литературе сравнительно немного, а широко-масштабным изучением данного явления по всем странам мира не занимаются ни исследователи, ни сотрудники российских ведомств.

Атлас органично продолжает работу демографов, социологов, географов и экономистов из Института демографических исследований ФНИСЦ РАН и Северо-Кавказского федерального университета в сфере международной миграции — это изучение двусторонних связей России с соседними странами и крупнейшими мировыми государствами, внутривосприимчивых миграционных процессов, этнических миграций, международного управления миграционными потоками и других вопросов. Авторы провели большую работу по сбору статистических данных и систематизации законодательной базы и фактической информации о миграционной инфраструктуре. Но более значима аналитическая работа авторов и картографов по наглядному представлению имеющихся материалов с помощью анаморфических карт, отображения центров тяжести миграций и скопления групп, каскадных диаграмм и т.д. Сочетание текстовой и визуальной информации, представленной на русском и английском языках, существенно повышает доступность сведений для читателя.

Авторы провели вторичный анализ (в отдельных главах присутствуют ссылки на исследования авторов в рамках данного или других проектов), однако масштаб работы по систематизации источников, актуализации данных и выстраиванию концептуальной модели миграции позволяют говорить о самостоятельном исследовании, которое должно занять достойное место в отечественной научной литературе.

Информация о финансировании

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Библиографический список

1. Xiang B., Lindquist J. Migration infrastructure // *International Migration Review*. 2014. Vol. 48.
2. Safran W. Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return // *Diaspora: Journal of Transnational Studies*. 1999. Vol. 1. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-378-383

EDN: PERQFK

Migration atlas of the Russian Federation 2022*

R.V. Manshin^{1,2}, E.E. Pismennaya^{1,3}

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,

Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

³Financial University under the Government of the RF,

Leningradsky Prosp., 49/2, Moscow, 125167, Russia

(e-mail: manshin@list.ru; nikitaR@list.ru)

Abstract. The article is a review of the *Migration Atlas of the Russian Federation* prepared by a team of authors under the scientific editorship of S.V. Ryazantsev (Moscow: ITD “Perspektiva”, 2022. 180 p.). The atlas is a result of the three-year research project “The impact of immigration on the ethnic-demographic processes in the Russian Federation and approaches to improving the migration policy concerning the integration of immigrants into the Russian society”. The authors use the results of the migration and cartographic studies to present in an accessible visual form the migrations of the Russian population since the collapse of the USSR to the present. The authors focus on the directions, scale, social-demographic structure and ethnic features of the Russian migrations, including in the regional perspective. The atlas is both a source of information on some rarely studied aspects of migration and a successful presentation of the already known data in a systematic form. The atlas will be useful for different readers — civil servants, social workers, scholars, teachers and students, because the authors succeeded in presenting the migration data in an accessible and interesting form for both experienced researchers of migration and those who just start their studies in this field.

Key words: regional migration; ethnic migration; Russian Federation; global migration; labor migration; cartography

Funding

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System. Project No. 060120-2-174.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-384-388

EDN: XA1KQI

«Гипотеза Геи», или «Наука о проклятии»*

А.Г. Коваленко

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: ak-taurus@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на работу А. Эткинды, в которой, опираясь на данные социологии, истории, экономической науки, политологии и статистики, он рисует обширную картину взаимоотношений сырья и человека, предлагая в итоге выход из драматической коллизии («Природа зла. Сырье и государство». М.: Новое литературное обозрение, 2023. 504 с.). Второе издание книги подтверждает актуальность ее повестки в контексте современных событий. Хронологические рамки монографии охватывают историю человечества от древности до наших дней: показано, как менялись сырьевые приоритеты — от леса и зерна в прошлом до нефти и газа в настоящем, и как смена приоритетов влияла не только на вкусы и образ жизни, но и на политические системы и векторы экономики, что, в свою очередь, оказывало и обратное влияние на сырьевые предпочтения. Автор показывает, что стремление к обладанию сырьем и интенсивность его добычи и переработки обуславливали геополитические интересы государств, приводили к войнам и в конечном счете к перекраиванию границ государств. Автор вводит понятие «аддиктивность сырья» в жизни отдельного человека и обществ, которое предполагает неоправданную зависимость от определенного вида сырья (например, сахара, табака, опиума или нефти), приводящую к глобальным диспропорциям и изменению «естественного» исторического процесса.

Ключевые слова: сырье; экономика; труд; ресурсы; природа; государство

Непросто сразу определить тематический вектор и жанровую принадлежность труда А. Эткинды, но сведения о биографии автора помогают читателю. Об Эткинде пишут, что он историк культуры, психолог, социолог и литературовед. Наверное, широтой научных интересов и объясняется междисциплинарный, а точнее мультидисциплинарный характер книги. Впрочем, широкий тематический спектр не отменяет главного качества работы — это фундаментальное сочинение, опирающееся на огромный научный аппарат из разных отраслей и содержащее интересную научную концепцию, которая представлена убедительной аргументацией и статистикой, оригинально организованными в структуре книги. Наглядное представление об основательно-

*© Коваленко А.Г., 2023

Статья поступила 01.02.2023 г. Статья принята к публикации 13.04.2023 г.

сти подхода дает список использованных источников и тематическая рубрикация. Например, в библиографии четвертой главы «Наслаждение оптом» указаны такие разделы, как «о соли», «о габели», «о табаке», «главное о сахаре», «о шоколаде», «о Бентаме», «о Гегеле и Гаити», «об опиуме», «о мягких наркотиках в истории», «о сахаре, зерне и женщинах» (С. 463). Каждая тема снабжена списком источников из авторитетных изданий прошлого и настоящего, зарубежных и российских.

Анализ книги следует начать с конца и двигаться к ее началу. Логика монографии очевидно индуктивна — анализируются частные явления, чтобы прийти в финале к заключительному обобщающему аккорду, поэтому дедукция в анализе позволит проверить его аргументированность. Автор назвал заключительную главу «Левиафан или Гея», чем подтвердил свою склонность к метафорике. Читателю, впервые открывшему книгу на оглавлении, такой образный ряд покажется не вполне уместным для серьезного научного издания. Однако в защиту скажем, что образности не чуждался и К. Маркс в «Капитале», в котором метафоры разбросаны в изобилии. Они нравятся автору — он восхищается «оральными метафорами»: «пожирать», «впитать», «питаться» и особенно «одушевленное чудовище». Капитал с его самовозрастающей стоимостью превращается в «одушевленное чудовище, которое начинает работать как будто под влиянием охватившей его любовной страсти» (С. 338).

Итак, мифология — тот «золотой ключ», поворот которого приоткрывает дверь в кладовую тайных смыслов, указывающих на перспективы обитания человека на земле. Левиафан, хтоническое чудовище, — метафора государства, которую впервые использовал еще Т. Гоббс, чтобы в образной форме раскрыть смысл и характер взаимоотношений человека и государства. Гея — богиня Земли, прародительница Хаоса, Тартара и Эроса, источник жизни, но при этом еще и носительница мщениия. Эткиннд опирается на «гипотезу Геи» биологов Д. Лавлока и Л. Маргулис [4]: согласно их теории, Земля представляет собой саморегулирующийся живой организм, где живая и неживая природа формируют единый целостный организм. Гея символизирует принцип антропоцена, дискуссии о котором ведутся последние два десятилетия: ученые полагают, что восемь тысяч лет назад, когда человек начал обрабатывать окружающий мир, наступило время необратимого изменения — антропоценного массового вымирания [3; 8].

По сути, вся книга Эткиннда подводит нас к этой мысли: работа о сырье завершается символической антиномией — автор предлагает рассматривать человеческую цивилизацию не сквозь призму конфликта человека и государства, а в контексте единства человека и природы. Экологическая проблематика становится не только приоритетной, но и единственно возможной: если она не будет разрешена, возмездие Геи неизбежно — природа мстит за пренебрежение ее законами. Человечество, с древних времен сто-

ящее перед необходимостью выживания, невольно сотворило себе угрозу по «корысти одних и глупости других»: «корысть и глупость подрывают основания солидарности, заложенные в нас природой» (С. 481). Так автор включает в комплекс рассматриваемых проблем этический фактор и экологический аргумент.

Таким образом, разгадка заголовка найдена: «природа зла» может интерпретироваться как «сущность зла», кроющаяся во взаимоотношения человеческого и природного начал. Речь идет о сырье, но здравый смысл подсказывает, что сырье как таковое не может быть виновным в бедах людей. Но что же тогда?

Книга построена как увлекательное научное повествование со своими «героями» — это земля, лес, пшеница, меха, волокна, металлы, уголь, нефть и газ — в порядке возрастания значимости и роли в истории и в порядке следования в монографии. Эти «элементарные единицы» пережили каждый свое «приключение» в человеческой истории, выполняли свою функцию в экономическом и политическом механизме, обогащая одних и разоряя других, были источниками роскоши и причинами нищеты, мотиваторами «внутренней» и «внешней» колонизации, двигателем геополитических интересов, которые перекраивали границы стран и государств. На финальной стадии истории сырья универсальным мерилom становится нефть — эквивалент золотого стандарта [6].

Как показывает Эткин, история сырья лежит в основании всех мировых геополитических и экономических стратегий: колониализма, банковского капитализма, промышленной революции, огораживания и аболиционизма в Англии, разделения труда, меркантилистской экономики и отказа от нее, разделения государств на сырьевые (в том числе «государства-паразиты») и трудоориентированные. Эткин экстраполирует принцип «нечеловеческой субъектности», открытый Б. Латуром [1], на сырьевую проблему: «шелк породил государства Великого шелкового пути; серебро и шерсть определили особенности Испанской империи; сахарный тростник создал рабовладельческие плантации британской Вест-Индии, а хлопок — американского Юга; зерно породило крепостное право; уголь открыл путь промышленной революции, и, наконец, нефть создала петрогосударства» (С. 11).

В контексте общих процессов интересны судьбы тех, кто внес наибольший вклад в сырьевую (и не только) историю человечества: великие первооткрыватели, мыслители-экономисты, промышленники и предприниматели, изобретатели и религиозные деятели. Например, русский читатель знает Д. Дефо как автора знаменитого романа о Робинзоне Крузо, но он совмещал писательство с активной деятельностью в экономике и банковском деле. Вместе со своим другом У. Петтерсоном он был создателем Английского банка, принимал участие в основании Компании Южных морей, а эти про-

екты укрепляли финансовую мощь Великобритании [7]. Дефо был автором успешных экономических проектов, нацеленных на финансовое процветание империи, и отразил философию этого процветания в художественной форме романа. «Робинзон Крузо» — квинтэссенция делового эгоизма и прагматизма: «Его главное умение состоит в том, чтобы выживать в одиночку; он способен организовать коллективное действие, но при случае продаст и друга... Мореплаватель, владелец сахарной плантации и работорговец, Робинзон стал образцом победившего капитализма так же, как Дон Кихот — символом уходящего Средневековья» (С. 303).

Один раздел монографии посвящен интеллектуальной истории — экономическим и политическим учениям, связанным в конечном счете с коллизиями с металлом, сахаром, табаком, волокнами и углем. Поучительную историю о роли сахара в истории материальной культуры и потребления еды рассказал С. Минц: изначально сахар поступал из колоний как лекарство или доступный лишь аристократам продукт, получаемый в результате рабского труда в Доминике, а позднее стал доступным продуктом всеобщего потребления, т.е. доход от сахара был следствием не дороговизны, а массового распространения [5]. Схожий сюжет, раскрывающий невидимые аспекты социальной истории США, приводит в книге о табаке С. Брин [2]. Эткинд обосновывает тезис об «аддиктивности» сырья, т.е. почти наркотической зависимости от него: чем больше его добывалось, тем больше требовалось сначала для удовлетворения жажды роскоши, а потом в силу массовизации производства и потребления. Чем больше добывается сырья (угля, нефти, газа) и энергии для промышленности, тем быстрее растет потребность в нем, и границ не предвидится. И обратный процесс, «заколдованный круг»: чем более массовым становится потребление, тем больше энергии требуется для производства. Перепроизводство — болезнь нашего века: нефти добывается гораздо больше, чем требуется, отсюда монополизм и появление нефтедобывающих «государств-паразитов», контролирующих цены и уровень добычи.

Впрочем, раскрывая роль сырья в жизни человечества, автор приводит и аргумент «случайности». Так, находка первого «болотного железа» было волей случая, «случайным» было и возникновение химии и металлургии у алхимиков. Наконец, случай распорядился так, что природные ресурсы разбросаны по планете неравномерно.

Что же делать? Ответ автора столь же обнадеживающий, сколь и утопический. В эпоху нефти и газа загрязнение создает угрозу апокалипсиса для потомков, и предлагаемый выход парадоксален: для прогресса нужен «регресс», «деградация». Чтобы всем хорошо и спокойно жить, наслаждаясь скромной и достойной жизнью, требуется международный механизм самоограничений, но сегодня это практически невозможно, — «заколдованный круг» разорвать пока не удается.

Библиографический список

1. Ламур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб., 2019.
2. Breen T.H. Tobacco Culture: The Mentality of the Great Tidewater Planters on the Eve of Revolution. Princeton University Press, 2009.
3. Bonneuil Ch., Fressoz J.-B. The Shock of the Anthropocene: The Earth, History and Us.L., 2015.
4. Lovelock J. Gaia: A New Look at Life on Earth. Oxford University Press, 2000.
5. Mintz S.W. Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. New York, 1986.
6. Steil B. The Battle of Bretton Woods. Princeton University Press, 2013.
7. Hamilton V., Parker M. Daniel Defoe and the Bank of England: The Dark Arts of Projectors. Alresford, 2016.
8. Zalasiewicz J., Williams M., Smith A. et al. Are we now living in the Anthropocene? // GSA Today. 2008. Vol. 18. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-384-388

EDN: XAIKQI

“Gaia hypothesis”, or “Science of curse”*

A.G. Kovalenko

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: ak-taurus@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the book by A. Etkind, which is based on the data of sociology, history, economics, political science and statistics: the author describes the relationship between raw materials and humankind to suggest a way out of the dramatic collision (*The Nature of Evil. Raw Materials and the State*. Moscow: New Literary Review, 2023. 504 p.). The second edition of the book confirms the relevance of its agenda in the contemporary situation. The chronological framework of the book covers the history from antiquity to the present day: the author shows how the key raw materials changed from timber and grain in the past to oil and gas in the present, and how such changes affected not only tastes and lifestyle but also political systems and economic vectors, which, in turn, had the opposite effect on the choice of raw materials. The author argues that the desire to possess raw materials and the intensity of their extraction and processing determined the geopolitical interests of the states, led to wars and, ultimately, to new state borders. The author introduces the concept “addictivity of raw materials” in the life of the individual and societies, which implies an unjustified dependence on a certain type of raw materials (sugar, tobacco, opium or oil), and this dependence led to global disproportions and changed the ‘natural’ historical process.

Key words: raw materials; economy; labor; resources; nature; state

*© A.G. Kovalenko, 2023

The article was submitted on 01.02.2023. The article was accepted on 13.04.2023.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403

EDN: XSDHTJ

Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны)*

А.К. Спиркина

Институт социологии ФНИСЦ РАН

ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

Государственный академический университет гуманитарных наук,

Мароховский пер., 26, Москва, 119049, Россия

(e-mail: spirkina.ak@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена молчанию как важнейшей составляющей курса випассаны (техники медитации из раннего буддизма) — в той форме, как ее преподают по всему миру в традиции С.Н. Гоенки. Принятое как религиозный обет молчание выступает условием успешного прохождения медитативного ретрита. Хотя медитативное молчание, на первый взгляд, не порождает социальность, курсы випассаны — практика коллективная. Желание людей даже после окончания курсов собираться и медитировать вместе говорит о потребности не в «уединенной» тишине, а в группе, производящей особый феномен коллективного молчания. Этот специфически социальный аспект медитационной практики, молчаливое присутствие людей, наблюдаемое в центре медитации здесь-и-сейчас, рассматривается в статье как особая интерактивная ситуация. Показано, каким образом субъективная успешность данного взаимодействия и его способы связаны с техническими и пространственными условиями медитационного центра. Эмпирический материал статьи — это преимущественно результаты включенного наблюдения автора (в роли «студента-новичка»). Используя концептуальный аппарат социологии повседневности, автор рассматривает ключевые механизмы производства социальности в различных ситуациях совместного вынужденного молчания, возникающих на курсе випассаны — от коллективной медитации в общем зале до молчаливой организации совместного быта в центре медитации. Частично воспроизводя ключевые социальные условия центра после окончания курса — тишину и поддержку окружающих, медитирующие поддерживают непрерывность практики и встраивают ее в свою повседневную жизнь за пределами медитационного центра.

Ключевые слова: молчание; випассана; медитация; социальная практика; функции молчания; социология повседневности; микросоциология пространства

В статье «К типологии молчания» Д. Курзон выделяет четыре типа молчания: разговорное, тематическое, текстовое и ситуативное [11]. Первые три типа связаны со словами: разговорное молчание — это паузы в диалоге

* © Спиркина А.К., 2023

Статья поступила 24.12.2022 г. Статья принята к публикации 13.04.2023 г.

и «ответы молчанием»; тематическое — умолчания на определенную тему; текстовое — чтение про себя. Молчание в этих трех типах лежит «под», «вокруг» или «между» слов. Ситуативное молчание — это коллективный тип молчания, привязанный к конкретным ситуациям и местам без определенного текста в сознании молчащих. Обычно ситуативное молчание институциализируется как, например, «минута молчания». Человек может вступить в него намеренно — войдя в его зону и соблюдая его. Несоблюдение ситуативного молчания в зоне его исполнения чревато социальным остракизмом: либо выйти и говорить, либо зайти и молчать. Однако медитативное молчание Курзон не включает ни в ситуативную тишину, ни в область социального взаимодействия: по его мнению, оно находится «на индивидуальном уровне», где нет общения между людьми (1) [11. С. 1683–1684].

Медитация находится на «индивидуальном уровне», потому что медитирующие сосредоточиваются на себе. В медитативной тишине, даже если она коллективная, в одном помещении, люди не общаются в привычном смысле — ничего не узнают друг о друге и вряд ли смогут стать друзьями сразу после окончания медитации. Однако сократить социальную дистанцию между собой они могут, так как проводят время, находясь в непосредственной близости и занимаясь одним и тем же делом. Данные обстоятельства так или иначе позволяют некоторым социальным связям сформироваться, поэтому можно рассматривать коллективную медитацию как «ситуацию», в структуре которой присутствует такой значимый элемент, как молчание.

Другой возможный подход — рассматривать молчаливую медитацию как ритуал «внутреннего взаимодействия» с Богом, самим собой, природой и т.д. [10. С. 555]. Такая возможность доступна людям, потому что они с детства учатся быть социальными существами, т.е. смотреть на себя глазами других. При этом их «Я» «раздваивается», и одна его часть может общаться с другой, т.е. мы умеем думать о самих себе. Сама идея «общения» (с Богом, природой, собой) — это явное заимствование (по аналогии) формы социальных отношений для объяснения индивидуального опыта.

В социологии молчание может рассматриваться с двух позиций: в первом случае это замалчивание, во втором — осмысленная конститутивная среда [18. С. 311–313]. Первое направление хорошо представлено в мировой социологии: оно изучает молчание как результат действия подавляющих режимов, лишаящих одну часть общества голоса (бедных, женщин, черных и т.д.) и дающих слово другой, прочерчивая линию социальной иерархии. Молчание здесь выступает синонимом секретности, тайны, отрицания и сокрытия (правды/реальности). В ценностях открытого демократического общества такое молчание предстает отрицательным явлением. Жертвы урезанного курса могут чувствовать себя в изоляции, не зная, что кто-то разделяет похожий негативный опыт. Его открытое обсуждение становится «общественной психотерапией», исцеляющей социальные недуги. Второй подход подчер-

кивает, что молчание может быть важной средой социального действия: это не мусор социальной жизни, мешающий обществу быть идеальным, а значимый ее элемент, составляющий и поддерживающий множество социальных практик (2), например, коллективную буддийскую медитацию.

Микросоциология поднимает вопрос социального порядка внутри совместных «молчаливых» миров. Практика медитации индивидуальна, и общение запрещено, однако випассане (ключевой технике медитации раннего буддизма) обучают в группах, где люди сидят в непосредственной близости. Хотя медитаторы могут, уже зная технику, успешно заниматься и дома, они возвращаются на курсы, чувствуя потребность в группе. Если же они остаются дома, то популярность мобильных приложений для медитации, связывающих с «воображаемым (или отсутствующим) сообществом», а также группы и чаты в социальных сетях, в которых участники договариваются о совместной медитации по видеосвязи, говорит о привязке к сообществу (3) [17].

«Социологи анализируют интерактивный социальный порядок медитационных пространств и то, как этот социальный порядок поддерживает достижение медитативных состояний... Ключевым элементом интерактивного порядка медитативных сфер является тишина. Исследования медитативных ретритов и групповых медитаций в различных традициях, включая дзен, випассану и христианскую медитацию, показывают центральную роль молчания в производстве... «совместного одиночества»... В отличие от общепринятого социологического взгляда, который концептуализирует молчание как отчуждение и разрыв социальных связей, молчание в медитации считается конструктивным и, по сути, ключевым в процессе создания сообщества медитирующих» [17. С. 583].

Випассана, как ее разработал С.Н. Гоенка, практикуется на десятидневных курсах, организованных в постоянных или временных центрах медитации, по всему миру. Более 200 центров, в которых преподают помощники учителя и до своей смерти в 2013 году сам Гоенка, были созданы на добровольные пожертвования прежних студентов (4). Больше всего центров медитации расположено в Индии — 108. В России работает несколько центров, но только один принимает студентов круглый год.

Центры медитации — исключительно современное явление. Раньше випассану практиковали только монахи, и обучиться технике можно было только у них. Распространение практики среди мирян и создание центров началось в 1960-е годы в Индии и связано с именем Гоенки — бизнесмена, который в молодости страдал от сильнейших мигреней и в тщетных попытках исцелиться нашел спасение в практике випассаны. После 14 лет практики под руководством своего учителя У Ба Кхина он стал обучать випассане у себя на родине, а потом и по всему миру.

Изначально техника випассаны должна была избавить человека от страданий и привести к нирване, но сегодня она в основном рекламируется как

способ обретения покоя и гармонии, что соответствует запросу большинства желающих медитировать, не готовых бросить всю социальную жизнь ради многолетней духовной работы.

Хотя считается, что випассана сохранялась в Бирме узкой группой монахов из поколения в поколение, Гоенка — не единственный, кто учит випассане, поэтому возможны иные версии этой медитации (5). В варианте Гоенки есть важное отличие от некоторых других — медитация проводится только в сидячем положении (на небольшой индивидуальной скамейке или подушке), а не стоя или при ходьбе. Кроме того, здесь молчание более строгое, чем в других вариантах, и включает воздержание не только от разговоров, но и от взглядов, прикосновений, жестов и даже «неблагодарных» мыслей.

Расписание десятидневного курса практически не отличается по дням (6): подъем в 4 утра, отбой в 21:30 — за это время проходят несколько медитаций (в зале или в своей комнате) общей длительностью 10–11 часов, три больших перерыва на еду и отдых, час днем и полчаса вечером на вопросы учителю и одна вечерняя лекция (с 19:00 до 20:00). Фактически 9 из 10 дней студенты заняты исключительно практикой. Время, которое не тратится на медитацию, необходимо для поддержания физического состояния. Расписание последнего дня включает в себя всего три часа медитации и большое количество времени «на отдых и общение». Этот день значительно легче остальных, хотя иногда студенты отмечают, что медитация дается намного сложнее — воспоминания о недавних разговорах и связанных с ними эмоциях отвлекают. Тем не менее, этот день очень важен в качестве подготовки ко встрече с привычным социальным миром.

Медитация в этой традиции состоит на одну треть (три с половиной дня) из практики анапана — сосредоточении на собственном дыхании, и на две трети из медитации випассана — наблюдения за ощущениями в теле через перемещение внимания от одной части тела к другой. Кроме того, студентов обучают метта — медитации «любящей доброты», заключающейся в сосредоточении на доброжелательной установке к себе и ко всему живому. Метта не является в точном смысле молчаливой медитацией, так как учитель проговаривает эту установку вслух. Метта практикуется всего несколько минут в конце каждой медитации и только в последний день курса, поэтому основой курса можно считать только две практики — анапану и випассану.

На время курса студенты берут обязательство соблюдать пять моральных предписаний (запреты на убийство, воровство, ложь, употребление опьяняющих веществ и сексуальную активность) и обет молчания, предполагающий только короткое общение с учителем в специально отведенное время и с менеджерами курса по бытовым вопросам. Общаться с другими медитирующими не разрешается. Иногда учителя объясняют правило молчания тем, что только так можно добиться от новичков точного соблюдения предписания номер три — не лгать.

Как утверждает Гоенка, випассана в его версии — внерелигиозная практика. Однако в основе вечерних лекций лежат тексты «Палийского канона» («Типитаки»), т.е. ключевые тексты буддизма Тхеравады. Тем не менее, практикующие в западных странах обычно не определяют себя как буддистов, поскольку приезжают в центр медитировать. Медитация, направленная на самоконтроль, — это древнейшая индийская практика, идущая из йоги. Буддийской же медитацию делают ее цели — освобождение от кармы, страдания и цикла перевоплощений. «Не оригинальность или новизна входящих в нее практик определяют специфику буддийской медитации, — в конечном счете все практики носят чисто инструментальный и вспомогательный характер, — а оригинальность и новизна обрамляющего их учения и тех задач, которые оно ставило перед индивидом» [3. С. 184].

Практикующие из западных стран обычно учатся только медитации (как технике) в ретрит-центрах, где отсутствуют культы, характерные для буддийских стран [8]. Хотя в «теоретической» части курса медитация рассматривается как способ достижения просветления, основной акцент делается на практическом развитии невозмутимости к собственным (приятным или неприятным) ощущениям тела. Для большинства современных практикующих випассана — это скорее способ решить эмоциональные проблемы и обрести покой и счастье, нежели способ прозрения, просветления и достижения нирваны [17. С. 577]. Секуляризация практики и соответствующий дискурс вокруг нее способствуют ее распространению [12]. К участию в курсе допускаются все желающие, независимо от конфессиональной принадлежности, если они готовы на десять дней оставить свои ритуалы и полностью посвятить себя медитации в той традиции, в какой она преподается. Таким образом, практика медитации випассана, хотя и имеет буддийское происхождение, не делает из практикующего буддиста. Медитация, вписанная как «инструмент» в концепцию личной продуктивности и эффективности, конечно, не является способом полного освобождения от страданий, как учил Будда.

Фонды випассаны и медитативные центры получают финансирование только в виде добровольных пожертвований от людей, уже прошедших хотя бы один курс, поэтому развитие центров происходит постепенно. В России випассана появилась только в 1990-е годы, а первый (и единственный) постоянный центр был открыт в 2011 году. Буддизм Тхеравады в принципе не распространен в нашей стране, а курсы по випассане — явление новое. Например, в США первый центр медитации появился в 1982 году, и сегодня в Америке работает 14 постоянных центров випассаны по Гоенке. На английском языке, преимущественно на американском материале, сформировалось особое направление исследований — практики светского буддизма [см., напр.: 8; 9; 12–18].

Немногочисленные исследования випассаны есть и на русском, но крайне редко это работы на российском материале. Випассана в них рассматривается либо как часть буддийского учения, философской системы [см., напр.:

3; 6], либо с точки зрения возможностей улучшения психологического самочувствия или «исправления» преступника [см., напр.: 1; 4]. Сами практикующие и места их практик эмпирическому исследованию пока не подвергались, но русскоязычный читатель может узнать о випассане из популярной литературы — огромного множества практических руководств и книг о психологической самопомощи, а также из переводов того же жанра и текстов учителей випассаны [см., напр.: 2: 7].

Хотя «поле» медитативного центра открывает много возможностей для изучения современной религиозности или социальных связей внутри движения випассаны [17. С. 571], нас интересует структура социальной ситуации в контексте социологии повседневности. Микросоциологический анализ роли молчания в структуре курса медитации может показать, как на уровне повседневности, в конкретной ситуации здесь и сейчас, возникает социальная связь, чувство общности у людей, которые не могут общаться словами. Випассана обещает изменить повседневную жизнь человека, прошедшего курс, мы же сосредоточимся на том, какая повседневность образует саму практику випассаны.

В медитационном молчании не заложено никакого смысла, кроме практического. По типологии Курзона, оно не относится к текстовому молчанию, так как випассана не предполагает вербализации. Молчание нужно только для того, чтобы сосредоточиться, — оно образует идеальную среду для практики. Здесь больше других подходит метафора тренировки и условий для нее. Учителя, организаторы и практикующие випассаны сами используют сравнение випассаны с тренировкой (7), и эта метафора проясняет общий фрейм практики: випассана по смыслу похожа на групповую тренировку по йоге (не для соревнований, а для улучшения повседневной жизни; не для коллективного, а для индивидуального результата). Медитация является неким странным видом коллективно-индивидуального труда, требующего высокой концентрации, и мы приблизительно понимаем причины молчания. Похожий опыт мы получаем в читальном зале — каждый старается не шуметь, чтобы не отвлекаться и не мешать другим. На медитации мы не только не болтаем, но и насколько возможно стараемся не создавать лишние звуки, чтобы не разрушать с трудом достигнутый медитативный прогресс своих соседей.

Однако первые девять дней курса випассаны, во время которых студенты берут на себя обет молчания, состоят не только из коллективных медитаций. Студенты пересекаются в столовой, спальнях корпусах, на пешеходных дорожках. В этих ситуациях они тоже должны хранить молчание, причем «на трех уровнях» — речи, мыслей и тела. Это значит, что общаться с другими студентами запрещено не только словами, но и жестами, знаками, записками. Желательно вообще не думать про других людей.

Молчание во все остальное, свободное от медитаций время, когда мы в окружении других людей принимаем пищу, спим, совершаем гигие-

нические процедуры, ждем свою очередь, гуляем, разминаемся и совершаем другие простые операции, требующие минимального уровня сосредоточения и переплетающиеся со структурой социального вербального и невербального общения, требует усилий и воспринимается как «правило» или «запрет», что вызывает большую потребность в контроле речи, жестов и взглядов. Молчание «в рабочее время» (во время медитаций) не замечается и кажется более оправданным — иначе вынести часы, потраченные на попытки сохранять спокойствие и внимание, было бы невозможно. Молчание во время отдыха и в личное время требует усилий для перестройки привычных механизмов социального взаимодействия.

Сталкиваясь с другими студентами там, где обычно от нас требуется участие, мы вынуждены избегать его, из-за чего рискуем показаться другим или себе невежливыми, поэтому в первые дни некоторые стремятся избегать любых пересечений с людьми. Эти действия показывают, что на самом деле человек вовлечен в безмолвное взаимодействие с другими намного сильнее, чем обычно [14. С. 48]. Идея «непрерывности практики», которая озвучивается ближе к концу курса, предлагает наблюдать за ощущениями, движениями тела или дыханием все время, пока вы находитесь в центре и, на сколько это возможно, в обычной жизни. В какой-то мере практика таким способом проникает в повседневную жизнь человека. Если студенту удастся выполнить данное задание, каждая секунда его жизни на курсе становится тренировкой по самонаблюдению, что перестраивает его привычный способ взаимодействия с социальным миром. Оба указанных вида молчания имеют одну цель — сформировать особый (молчаливый) порядок взаимодействия, в котором можно тренировать невозмутимость и спокойствие.

По мере протекания ретрита участники конструируют новые ритуалы безмолвного разделения социального пространства. «Смех и чувство смущения исчезли, когда люди спокойно стояли в очереди, чтобы поесть, а затем садились за столы и спокойно ели в тишине. За обеденными столами участники приняли норму избегать зрительного контакта. Они либо смотрели на свою еду, либо слегка поднимали взгляд к центру стола. Эта новая норма взаимодействия была принята большинством практикующих и позволила им сохранять молчание, не чувствуя себя грубыми или невежливыми» [14. С. 50].

В российском центре медитации випассана физическое и социальное пространство организовано таким образом, чтобы люди как можно меньше усилий тратили на избегание контактов. Например, в столовой обеденные столы и стулья располагаются так, что где бы медитирующий ни сел, он никогда не окажется лицом к лицу с другим человеком. Несколько столов выстроено по периметру столовой, остальные стоят рядами со стульями, которые направлены в одну сторону — лицом к окну и спиной к тому месту, где стоит еда и где то и дело в поле зрения появляются люди (8). Хотя студенты сидят довольно близко друг к другу, их взору открываются только чу-

жие спины, окно или стена, что поддерживает их намерение не разговаривать друг с другом.

Продвинутые медитаторы випассаны стараются использовать каждую ситуацию, чтобы развивать в себе спокойствие: не только зал для медитации, но и весь курс представляется им полигоном для практики. Они могут «оставить за скобками» все идеи об эффективности и экономии своего или чужого времени и сил, а также о «спасении чужого лица» ради собственного прогресса на пути к сосредоточенности и невозмутимости. Новички чаще всего неспособны на это, поэтому молчание для них превращается из помощника в тренировке в обычный запрет на болтовню.

В общем зале для медитации сохраняется тот же принцип рассадки, что и в столовой, — «не видеть лиц друг друга». Однако если в столовой нет фиксированных мест, и каждый может сесть на свободное место, в общем зале места распределяются организаторами курса в нулевой день, до того, как студенты принимают обет молчания. Если кто-то из студентов уезжает, в ряду из подушек образуется «дыра», которая никем не заполняется (9). Студентов рассаживают в соответствии с тем, сколько курсов каждый прошел — наиболее опытные сидят впереди, ближе к учителю. Такой принцип обеспечивает новичку «визуальную мотивацию» в виде спин старших товарищей перед глазами, которые обычно сидят дольше неподвижно и не издают никаких звуков. Новички зачатую не могут долго сосредоточиваться, их отвлекают неприятные эмоции, мысли, боль в спине, коленях и т.д., поэтому они чаще открывают глаза, чтобы передохнуть и подглядеть за медитацией других. Неподвижность других является важным невербальным знаком для медитирующего, служа знаком успешной медитации (хотя можно сидеть тихо и неподвижно и не иметь никакого медитативного успеха) [18. С. 318].

Важное значение для понимания медитативной социальности имеет открытая М. Пагис «структурированность шума» — этот эффект особенно ясно проявляется ближе к концу курса во время адиттаны — медитации «с твердой решимостью» (к запрету на речь добавляется запрет на движения), которая должна породить максимально возможную тишину. Пагис обнаружила, что если долго всматриваться в медитирующих, можно увидеть живое «коллективное тело», дышащее и шевелящееся: «несмотря на кажущееся отсутствие коммуникации, из тишины возникает узор, соединяющий движения разных медитирующих. Внимательно следя за движениями, я заметила, что они группируются и образуют пучки шума: движение одной женщины вызовет реакцию нескольких других, кашель одного человека побуждал других присоединяться» [18. С. 318].

«Пучки шума» могут распространяться по всем медитирующим в зале или по непосредственному соседству. Видимо, это зависит от акустических особенностей пространства, но даже негромкий кашель, шмыганье носом или усмешку с мужской половины можно услышать вполне отчетливо, сидя

в женской, и телесно «отреагировать». Если «шумы» были услышаны всем залом, впоследствии они могут создать нечто вроде «локального мема»: в день, когда обет молчания был снят, многие делились шутками по поводу того, как на медитациях в зале один из парней время от времени издавал стоны. Во время практики коллективно-веселящимся приходилось ограничиваться редкими сдвоенными смешками.

Имитация вовлеченности в медитацию — важнейший способ сохранить социальный порядок. Так как при явном отвлечении одного участника члены группы неизбежно сменяют объект внимания — со своих ощущений на «отклоняющееся» поведение, они будут вынуждены на время оставить дело, которым занимаются. «Изобразить» вовлеченность в медитацию можно, контролируя ее внешние выражения: неподвижность, молчание, «нормальная» медитативная поза (например, сидя с прямой спиной и сложенными ногами), нейтральное выражение лица (10). Именно молчание является неотъемлемым элементом медитационной практики, и в полном молчании мы понимаем, что медитация других успешна, а значит, появляется не только чувство общности, но и удовлетворение от «коллективно-индивидуальной» работы. Более сложное чувство общности испытывают продвинутые студенты, которые сидят в одиночных кельях: медитируя, они понимают, что другие тоже медитируют в данный момент, хотя им остается только догадываться об успешности практики товарищей по медитации.

Еще одно социальное пространство медитативного центра, где студент может столкнуться с молчаливым порядком взаимодействия, это комнаты проживания по двое, трое или даже восемь человек. Хотя студентов просят договориться с соседями о бытовых вопросах (например, о режиме уборки) до принятия обета молчания, совместная жизнь в полном молчании может заставить перестроить привычные модели общения с соседями, превращая простой дискомфорт в тренировку благородных качеств души. Например, мужчина, которого сильно раздражал тикающий будильник соседа, не имея возможности поговорить с ним, решил использовать ситуацию для тренировки невозмутимости [14. С. 48]; участники моего курса рассказывали похожие истории, смеясь над тем, как кто-то громко ходил, кашлял, храпел или хлопал дверью. Решение принять любую неприятную ситуацию как вызов идеально с точки зрения института. Но не всегда «ситуации» предстают в форме столкновения с грубым иррациональным, почти природным фактом, с которым остается только смириться, или кажутся таковыми. Они могут быть или казаться попытками социальности проявиться в молчании.

На курсе я жила в небольшой женской комнате, рассчитанной на трех человек. Спальные места были огорожены шторками, которые до окончания курса не раздвигались. У каждой было небольшое личное пространство, куда фактически помещалась только кровать. В отличие от остальных комнат в нашем корпусе, у нас не было прикроватных светильников, поэтому

мы пользовались только верхним светом. Мы приняли решение выключать свет в комнате в 21:30 (после окончания вечерних вопросов учителю) в нулевой день. По завершении первого дня выяснилось, что после подъемов в четыре утра и ежедневной напряженной работы спать хочется так сильно, что в 21:05 все трое были уже в постелях. Надобность выключать свет в комнате раньше половины десятого возникала каждый вечер, и основным способом удостовериться, что «все в сборе», стали небольшие естественные «шумы» из-за штор (вздохи, покашливания, шелест постельного белья, скрип кровати). По непонятно откуда взявшемуся в молчании правилу было ясно, что свет должен выключить тот, кто последний ложится в постель, и если было не вполне понятно, все ли в кроватях, то лежавшие могли «шумом» обозначить свою готовность ко сну. В данном контексте обычное нерелексивное переворачивание с бока на бок стало интерактивным действием, «сообщением» партнеру по взаимодействию, обходящим запрет медитативного центра на «все виды общения» (11). Разумеется, такой тип коммуникации работает неидеально: возможности и содержание молчаливых интеракций определяются организацией социального пространства.

Лучше понять роль коллективного молчания в центре медитации и связь успешной медитации с «техническими» условиями центра помогает сравнение с медитацией вне центра и вне коллектива. Например, на официальном сайте випассаны опубликован «Справочник медитатора» Б. Крецелиуса [2], где речь идет о ежедневных домашних медитациях по часу утром и вечером — они рекомендуются всем прошедшим десятидневный курс по Гоенке. Книга состоит из инструкций, как не забросить практику в повседневной жизни, оказавшись в мире с множеством отвлекающих факторов (бытовые и семейные заботы, работа и др.) и, главное, без людей, в молчании занимающихся медитацией рядом. Важнейшие из инструкций — это, во-первых, обустроить место для медитации дома, во-вторых, — договориться с окружающими людьми.

Так, «чтобы получать максимальную пользу от ежедневных медитаций, лучше всего медитировать в таком месте, где вы ничем другим не занимаетесь. Это должно быть место, через которое вы не ходите постоянно, беспокоя его... Одно из самых простых решений — купить складную ширму» [2. С. 93]. Специальное место для практики создается, чтобы отгородиться от остального дома и людей, не занятых медитацией и скорее всего не собирающихся сохранять во время вашей практики полную тишину и неподвижность. Зонирование пространства призвано рефреймить его части под новые (медитативные) задачи. Огороженная часть дома — больше не просто комната, а источник «позитивных вибраций», постоянно растущих в ходе проведенных в медитации часов. Таким образом, практика «физически» переносится в повседневную жизнь и, при должном к ней внимании, закрепляется.

«Определившись с пространством для медитации, вам следует обсудить это со своей семьей или соседями по комнате... Расскажите им, что

нашли практику медитации, которая очень важна для вас. ... Узнав, чем вы занимаетесь, они начнут уважать вас за это, особенно когда увидят положительные изменения, происходящие в вас... Если вы живете с кем-то, лучше всего медитировать до того, как они проснутся. Таким образом, в доме или в квартире будет очень тихо, вас не будут отвлекать разговоры и движение... Медитируйте вместе при любой возможности» [2. С. 30–31]. Тишина является ключевым фактором успешности практики, но ее сложно достичь в обычной жизни, поэтому необходимо создать свой «тихий угол» и уговорить близких поддерживать эту тишину вместе. Чем бы ни являлась медитация на самом деле, общее коллективное признание ее серьезности повышает шансы медитации закрепиться в повседневности практикующего. Тот же социальный механизм, только в разы активнее, работает и в медитативном центре. Курс коллективной медитации — благодаря поддерживающим его людям и тотальности и строгости правил — создает мощный фрейм важного «рабочего процесса».

Остальные рекомендации касаются отказа от наркотических веществ и соблюдения шилы (пяти моральных предписаний), общения с другими медитирующими в своем районе или городе и чтения соответствующей литературы. Все инструкции направлены на то, чтобы зацепиться за практики, которые связывают «оторванного» практикующего с сообществом — так он может почувствовать свою сопричастность, даже когда один.

Центр медитации випассана предлагает соблюдать молчание не только во время медитаций, но и на протяжении всего курса. В это время студенты стараются всячески игнорировать друг друга: не разговаривать, не обмениваться взглядами, не прикасаться друг к другу, т.е. они не могут реализовывать привычные формы социального взаимодействия. Однако социальность между участниками реализуется по крайней мере тремя магистральными способами. Во-первых, само взаимное игнорирование (и молчание как его элемент) «дано» им правилами института: не соблюдающие режим молчания поступают неправильно с точки зрения группы и организации, и, при условии, что большинство не поддерживает подобные нарушения, возвращаются к совместному соблюдению особого социального порядка — эмоциональной нейтральности и тишины. Так проходит коллективная тренировка невозмутимости — занятие трудное для каждого, но активно поддерживаемое силой молчаливого группового давления. Парадоксальное сочетание строгого социального порядка и (вербального) ограничения социальности играет важную роль в достижении индивидуального медитативного успеха.

Во-вторых, общность интеллектуального и бытового опыта, а также общее дело порождают чувство сопричастности, понимания друг друга, или, в терминах А. Шюца, актуализируют «общее сознание». Другие не знают, с какими именно ощущениями работаете вы лично, но знают, что работаете (определенным, общим для всех способом), и знают, что с ощущениями.

В-третьих, простое соприсутствие в одном социальном и акустическом пространстве людей, вынужденных жить и медитировать вместе, заставляет их согласовывать действия и ориентироваться, пусть и в минимальной степени, на действия других. В молчаливой интеракции используется ограниченное число каналов восприятия, что делает последнее более чувствительным и тонким. Люди с трудом находят общий язык даже при полной вербальной свободе в обычной жизни, а в условиях молчания понять друг друга невероятно трудно. Даже в «лабораторно чистой» социальной среде, которую предлагает курс медитации, человек остается сложным социальным существом с индивидуальной динамической структурой намерений, мотиваций и действий, поэтому участие в курсе сопряжено с социальным научением — как жить согласованно и гармонично в молчании, на первых порах требующим напряжения всех социализационных «мышц».

Примечания

- (1) Эта мысль, вероятно, основана на предположении, что у каждого человека есть «социальный» (внешний) и «психический» (индивидуальный) уровень бытия, и какие-то действия относятся к одному уровню, а какие-то — к другому.
- (2) В основе такого разделения «молчаний» лежит их оценка и понятие «должного/не должного» или «функционального/дисфункционального», а также разведение «практики» и «метафоры» молчания [5], хотя последнее скорее отражает эвристические возможности и уровень познания. Можно предложить третью демаркационную линию, методологическую — макро/микроуровень молчания. Хотя все три линии разрезают универсум молчания схожим образом и с долей условности их можно назвать синонимичными, их нельзя объединить в одну, но можно писать через запятую.
- (3) Здесь кроется серьезная методологическая проблема: сложно оценить микросоциальный опыт непривязанных к сообществу, потому что они в определенном смысле «невидимы» для исследователя.
- (4) «Старым студентом» в этой традиции называется человек, прошедший хотя бы один десятидневный курс с Гоенкой или Учителями, которых он обучал; «новыми студентами» — те, кто пока не завершил ни один десятидневный курс.
- (5) Наиболее распространенной, особенно в Юго-восточной Азии, версии мирской випассаны наряду с Гоенкой учил Махаси Саядо (1904–1982).
- (6) Эмпирический материал для статьи — данные зарубежных исследований медитативных центров и практики випассаны по Гоенке (США, Израиль, Новая Зеландия и др.) и авторский опыт участия в десятидневном курсе медитации в октябре 2022 года в российском центре в Подмосковье. Поскольку все центры были открыты под руководством Гоенки или его учеников и традиция поддерживается достаточно строго, будем считать, что практика в разных странах если не одинакова, то, по крайней мере, соотносима в отношении к молчанию, несмотря на социокультурные различия участников и центров: студентов вводят в похожие условия, объясняя им одни и те же «правила», т.е. молчание играет одну и ту же роль в структуре данной практики.
- (7) Например: «Расхожее представление, что медитация — это своего рода бездействие или расслабление, вскоре оказывается ошибочным. Чтобы сознательно направлять умственные процессы по определенному пути, требуется непрерывное усердие. Инструкции предписывают практикующим работать с полной отдачей, но без лишнего напряжения; однако пока мы научимся это делать, упражнения могут казаться нам неприятными или даже изматывающими» [7. С. 15]; «Вы участвуете в тренировке. Вы тренируетесь быть лучшим человеком, в конечном итоге — арахантом. Это длительная тренировка, очень

- длительная, но вы ее уже начали, поэтому все, что вам нужно делать, это трудиться, чтобы лучше справляться с задачей, стоящей перед вами» [2. С. 79]; «сосредоточение представляет собой некое подобие духовной гимнастики» [6. С. 17].
- (8) В столовой, как и на всей территории центра, включая места для прогулок, поддерживается гендерная сегрегация, потому описано взаимодействие только на женской ее половине. Мужская половина столовой, структурно полностью идентичная женской, огорожена шторой, которая почти полностью исключает женщин из восприятия. Иногда после курса студенты вспоминали звуки, которые слышали в столовой «с той стороны», и мысли, которые у них возникали по этому поводу, что свидетельствует о некотором (подавляемом правилами) небезразличии к «закулисным соседям». Например, моей соседке по комнате было жаль парня за шторой, который, судя по его тяжелым вздохам, пролил на себя горячий чай, но не позволил себе ни одного (приличного или неприличного) слова.
- (9) Присваивая номера медитационной подушке в зале, кровати и личной ячейке в сейфе, организаторы маркируют студента, чтобы не ориентироваться каждый курс в новой сотне лиц и имен. По номерам они легко и быстро могут найти в комнате студента, который проспал коллективную медитацию. Присвоение номеров вместо имен — один из приемов подавления «Я», типичный для всех тотальных институтов, которые обычно декларируют цели этого приема как исключительно практически полезные.
- (10) До первого десятидневного курса випассаны я участвовала в групповом семинаре по анапане (вечернее занятие в городе длительностью в полтора часа). Группе из восьми человек были даны инструкции по технике, проведена короткая пятиминутная сессия с последующим обсуждением, а затем все, включая ведущего, сели в молчаливую медитацию на полчаса. По окончании основной части практики один участник признался, что вторую половину медитации просто тихо сидел и ничего не делал. Он объяснил это тем, что у него ничего не получалось и он не видел смысла в подобной трате своего времени. Он не хотел вставать и мешать другим, хотя уже совершенно не хотел заниматься. Хотя молодой человек испытывал явное раздражение, групповое давление оказалось сильнее желания попроситься и уйти, что заставило его подчиниться общему режиму молчания.
- (11) Данный механизм «общения» не уникален, а всеобщ и вездесущ: во многих обычных ситуациях люди передают друг другу сообщения таким же образом, однако на курсе випассаны эти ситуации становятся более явными и предстают в чистом виде.

Библиографический список

1. Казакова Т.А. Медитативные практики как средство реабилитации осужденных: отечественный и зарубежный опыт // Антропология. 2022. Т. 7. № 3.
2. Крецелуус Б. Справочник медитатора: как развязывать узлы. М., 2020.
3. Лысенко В.Г. Ранний буддизм: религия и философия. М., 2003.
4. Москвитина М.М., Новиков В.В., Чернышкова М.П. Новые (старые, забытые) технологии психологического воздействия на осужденных: випассана, возможности ее применения в уголовно-исправительной системе // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 33.
5. Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022. № 6.
6. Стобер М. Размышления о процессах и проблемных аспектах мистической созерцательной медитации // Философия религии: альманах 2014–2015. М., 2015.
7. Харп У. Искусство жизни: медитация випассана, как ее преподает С.Н. Гойнка. М., 2022.
8. Cadge W. Heartwood: The First Generation of Theravada Buddhism in America. Chicago, 2005.
9. Eddy G. An ethnography of the vipassana meditation retreat: A reflexive evaluation of the participant-observer's meditation experience as an interpretive tool // Fieldwork in Religion. 2014. Vol. 9. No. 1.

10. *Fennell D.* Explorations of silence in the religious rituals of Buddhists and Quakers // *Religion*. 2012. Vol. 42. No. 4.
11. *Kurzon D.* Towards a typology of silence // *Journal of Pragmatics*. 2007. Vol. 39. No. 10.
12. *Rahmani M.S.* Goenka's vipassana movement: From conversion to disaffiliation // *Oxford Handbook of Meditation* / M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee (Eds.). N.Y., 2019.
13. *Rahmani M.* Drifting through Samsara: Tacit Conversion and Disengagement in Goenka's Vipassana Movement. N.Y., 2022.
14. *Pagis M.* Evoking equanimity: Silent interaction rituals in vipassana meditation retreats // *Qualitative Sociology*. 2015. Vol. 38. No. 1.
15. *Pagis M.* From abstract concepts to experiential knowledge: Embodying enlightenment in a meditation center // *Qualitative Sociology*. 2010. Vol. 33. No. 4.
16. *Pagis M.* *Inward: Vipassana Meditation and the Embodiment of the Self*. Chicago, 2019.
17. *Pagis M.* *Sociology of meditation* // *Oxford Handbook of Meditation* / M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee (Eds.). N.Y., 2019.
18. *Pagis M.* Producing intersubjectivity in silence: An ethnographic study of meditation practice // *Ethnography*. 2010. Vol. 11. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403

EDN: XSDHTJ

The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana)*

A.K. Spirkina

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

State Academic University for the Humanities,
Maronovsky Per., 26, Moscow, 119049, Russia

(e-mail: spirkina.ak@yandex.ru)

Abstract. The article considers silence as the most important component of vipassana (meditation technique from early Buddhism) as it is taught in the tradition of S.N. Goenka. As a religious vow, silence is a condition for the successful meditation retreat. Although meditative silence does not seem to form sociality, vipassana courses are a collective practice. After the end of courses, the desire of people to meet and meditate together proves the need not in a 'solitary' silence but in a group that produces special collective silence. The author considers the silent co-presence of people in the meditation center 'here-and-now' as a special interactive situation, a social feature of the meditation practice, and shows how the subjective success of this interaction and its methods depend on the technical and spatial conditions of the meditative center. The empirical basis of the article is mainly the author's participant observation (in the role of a new student). Based on the concepts of sociology of everyday life, the author describes the key mechanisms of the production of sociality in various situations of joint forced silence during

*© A.K. Spirkina, 2023

The article was submitted on 24.12.2022. The article was accepted on 13.04.2023.

the vipassana course — from collective meditation in the common room to the silent organization of joint activities in the meditation center. By partially reproducing the basic social conditions of the center at home — silence and the support of those around them — meditators manage to ensure the continuity of the practice and to successfully integrate it into their daily lives outside the meditation center.

Key words: silence; vipassana; meditation; social practice; functions of silence; sociology of everyday life; microsociology of space

References

1. Kazakova T.A. Meditativnye praktiki kak sredstvo reabilitatsii osuzhdennykh: otechestvenny i zarubezhny opyt [Meditative practices as a means of convicts' rehabilitation: Russian and international experience]. *Antropogogika*. 2022; 3 (7). (In Russ.).
2. Crecelius B. *Spravochnik meditatora: kak razvyazyvat uzly* [Mediator's Handbook: How to Untie Knots]. Moscow; 2020. (In Russ.).
3. Lysenko V.G. *Ranny buddizm: religiya i filosofiya* [Early Buddhism: Religion and Philosophy]. Moscow; 2003. (In Russ.).
4. Moskvitina M.M., Novikov V.V., Chernyshkova M.P. Novye (starye, zabytye) tekhnologii psikhologicheskogo vozdeistviya na osuzhdennykh: vipassana, vozmozhnosti ee primeneniya v ugovorno-ispravitelnoi sisteme [New (old, forgotten) technologies of psychological impact on convicts: Vipassana, possibilities of its application in the penitentiary system]. *NovaInfo.Ru*. 2015; 33 (2). (In Russ.).
5. Podvoyskiy D.G., Spirkina A.K. V tishine..., mezh lyudei...: molchanie kak predmet sotsiologicheskogo izucheniya [In silence..., among people...: Silence as an object of sociological study]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 6. (In Russ.).
6. Stober M. Razmyshleniya o protsessah i problemnykh aspektah misticheskoi sozertsatelnoi meditatsii [Reflections on the processes and problematic aspects of the mystical contemplative meditation]. *Filosofiya religii: Almanakh: 2014–2015*; 2015. (In Russ.).
7. Hart W. *Iskusstvo zhizni: meditatsiya vipassana, kak ee prepodaet S.N. Goenka* [The Art of Living: Vipassana Meditation as Taught by S.N. Goenka]. Moscow; 2022. (In Russ.).
8. Cadge W. *Heartwood: The First Generation of Theravada Buddhism in America*. Chicago; 2005.
9. Eddy G. An ethnography of the vipassana meditation retreat: A reflexive evaluation of the participant-observer's meditation experience as an interpretive tool. *Fieldwork in Religion*. 2014; 9 (1).
10. Fennell D. Explorations of silence in the religious rituals of Buddhists and Quakers. *Religion*. 2012; 42 (4).
11. Kurzon D. Towards a typology of silence. *Journal of Pragmatics*. 2007; 39 (10).
12. Rahmani M.S. Goenka's vipassana movement: From conversion to disaffiliation. *Oxford Handbook of Meditation*. M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee (Eds.). New York; 2019.
13. Rahmani M. *Drifting through Samsara: Tacit Conversion and Disengagement in Goenka's Vipassana Movement*. New York; 2022.
14. Pagis M. Evoking equanimity: Silent interaction rituals in vipassana meditation retreats. *Qualitative Sociology*. 2015; 38 (1).
15. Pagis M. From abstract concepts to experiential knowledge: Embodying enlightenment in a meditation center. *Qualitative Sociology*. 2010; 33 (4).
16. Pagis M. *Inward: Vipassana Meditation and the Embodiment of the Self*. Chicago; 2019.
17. Pagis M. Sociology of meditation. *Oxford Handbook of Meditation*. M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee (Eds.). New York; 2019.
18. Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: An ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*. 2010; 11 (2).

НАШИ АВТОРЫ

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, директор Центра стратегии развития образования и заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Баграмянц Нонна Левенбертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики № 2 Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (e-mail: nonnalev@yandex.ru).

Бейсова Жанар Сагымбайкызы — руководитель Службы экскурсионной работы, музейной педагогики и сохранности экспозиционных залов Национального музея Республики Казахстан (e-mail: zhanna_10@mai.ru).

Белов Андрей Александрович — кандидат социологических наук, директор филиала Научно-технологического парка «ИнКата» (Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», Минская область) (e-mail: belov404.net@gmail.com).

Виноградская Ольга Яковлевна — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vgrape58@yandex.ru).

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vgrape47@yandex.ru).

Гаспаршвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: gasparishvili@yandex.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Кирабаев Нур Серикович — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru).

Коваленко Александр Георгиевич — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: ak-taurus@mail.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Маньшин Роман Владимирович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: manshin@list.ru).

Мосакова Елизавета Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: lizavetam@mail.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Письменная Елена Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; научный сотрудник кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: nikitaR@list.ru).

Ротман Давид Генрихович — доктор социологических наук, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: dgrotman@rambler.ru).

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: savina.opinio@yandex.ru).

Смирнова Юлия Борисовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета, помощник первого проректора–проректора по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: yuryeva-yub@rudn.ru).

Спиркина Анастасия Константиновна — старший лаборант Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аспирант и преподаватель социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. (e-mail: spirkina.ak@yandex.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: shabaga-av@rudn.ru).

Эбзеева Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, первый проректор–проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
